

ТРУДЫ

ПЕРЕРВИНСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

№21

НАУЧНО-БОГОСЛОВСКИЙ ЖУРНАЛ
МОСКВА 2021

ТРУДЫ ПЕРЕРВИНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

НАУЧНО-БОГОСЛОВСКИЙ ЖУРНАЛ

№21

Перервинская
духовная семинария

МОСКВА
2021

Редакционная коллегия

Главный редактор

иеромонах Аполлинарий (Панин)

ректор Перервинской духовной семинарии,
кандидат богословия

Ответственный редактор

иерей Герман Демидов

проректор по научно-богословской работе,
заведующий церковно-исторической кафедрой
Перервинской духовной семинарии,
кандидат богословия, кандидат философских наук

Содержание

Вступительное слово

Вступительное слово ректора Перервинской духовной семинарии к 21-му выпуску «Трудов ПДС», посвящённому материалам международной конференции имени митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Григория (Постникова)	12
--	----

Хроника научной жизни

Сергей Владимирович Феликсов I Межвузовская национальная научно-практическая школа-конференция с международным участием «ЯЗЫК — ЛИТЕРАТУРА — ПРАВОСЛАВИЕ» имени митрополита Григория (Постникова) кафедры филологии Перервинской духовной семинарии	14
--	----

Православие и литература

Анастасия Евгеньевна Чернова Идеальный и реальный мир в русском фольклоре: константа фольклорной идеальности мира	20
Владимир Иванович Мельник Л. Н. Толстой и московский юродивый И. Я. Корейша	29
Юлия Александровна Ростовцева Алёша Карамазов как тип странника	37
Екатерина Андреевна Вишнякова Христианские образы в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон»	43
Полина Павловна Ткачёва От рукописи к исполнению: философско-христианские мотивы поэзии В. С. Высоцкого	49

Православие и язык

Сергей Владимирович Феликсов «Церковный словарь» протоиерея Петра Алексеева: история изданий и лингвотекстологическое описание	87
---	----

Елена Владимировна Макарова Употребление церковнославянских форм поэтами современности (по материалам поэмы «Россия воскресе» А. А. Вознесенского)	104
Анна Петрикова Анализ лингвокультурного концепта «Ребёнок» на материале «Краткой истории Ветхого и Нового Завета»	111
Александр Владимирович Загуменнов Лексика, обозначающая животный мир в «Книге толкований и нравоучений» протопопа Аввакума	124
Денис Витальевич Солодухин «Синергасия» (Συνεργασία) в понимании архимандрита Иннокентия (Просвирнина): попытка прояснения смысла	130
Священник Василий Андроников «Расем suam» или «mundi pascere»? Понимание «мира» в люциферианском послании «Libellus presum»	139

Contents

Introduction

The Introductory remarks by the Rector of the Perervinskaya Theological Seminary Hieromonk Apollinarius (Panin)	12
---	----

The chronicle of scientific life

Sergey Vladimirovich Feliksov I Interuniversity National Scientific and Practical School-Conference with international participation «LANGUAGE — LITERATURE — ORTHODOXY» named after Metropolitan Grigory (Postnikov) of the Department of Philology of the Perervinskaya Theological Seminary	14
---	----

Orthodoxy and literature

Anastasia Evgenievna Chernova The ideal and real world in Russian folklore: the constant of the folklore ideality of the world	20
Vladimir Ivanovich Melnik L. N. Tolstoy and the Moscow fool for Christ I. Ya. Koreisha	29
Yulia Alexandrovna Rostovtseva Alyosha Karamazov as a type of wanderer	37
Ekaterina Andreevna Vishnyakova Christian images in the novel by M. A. Sholokhov «And Quiet Flows the Don»	43
Polina Pavlovna Tkacheva From the manuscript to performance: the philosophical and Christian motives of V. S. Vysotsky's poetry	49

Orthodoxy and language

Sergey Vladimirovich Feliksov The Church Dictionary by Archpriest Peter Alekseev: the history of publications and linguotextological description	87
--	----

Elena Vladimirovna Makarova

The use of Church Slavonic forms by contemporary poets
(based on materials from the poem «Russia is risen»
by A. A. Voznesensky) 104

Anna Petrikova

Analysis of the linguocultural concept «Child» on «A Brief History
of Old and New Testaments» material 111

Alexander Vladimirovich Zagumennov

Vocabulary denoting the animal world in the «Book
of Interpretations and Morals» by protopope Avvakum 124

Denis Vitalievich Solodukhin

«Synergasia» (Συνεργασία) in understanding of Archimandrite
Innokenty (Prosvirnin): an attempt to clarify the meaning 130

Priest Vasily Andronikov

«Pacem suam» or «mundi pace»? Understanding the «world»
in the Luciferian message «Libellus precum» 139

Annotations

Chernova Anastasia Evgenievna

Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of Philology of the Perervinskaya Theological Seminary. E-mail: litsot@yandex.ru

The ideal and real world in Russian folklore: the constant of the folklore ideality of the world

The article examines various forms of interaction between the earthly and heavenly principles in Russian folklore. Their harmonious combination forms the constant of the folklore ideality of the world. The analysis of folklore works showed that the constant of the folklore ideality of the world is present in the conditionally utopian reality of a fairy tale, and in the wonderful reality of legends, traditions, bylichki, and in spiritual verses, as well as in lyric songs. However, in each of the named folklore and literary genres it performs different functions.

Keywords: *Russian folklore, real world, ideal kingdom, constant of folklore ideality of the world.*

Melnik Vladimir Ivanovich

Doctor of Sciences (Philology), Professor, Corresponding Member of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. E-mail: melnikvi1985@mail.ru

L. N. Tolstoy and the Moscow fool for Christ I. Ya. Koreisha

The article analyzes for the first time the experience of the meeting of Leo Tolstoy with the Moscow fool for Christ Ivan Yakovlevich Koreisha, based on the analysis of the writer's diaries, the estimated time of the meeting is called. The question is considered within the framework of a general problem: L. Tolstoy and religion. Leo Tolstoy's interest in non-canonical manifestations of faith is emphasized. The article allows you to make clarifications in the comments to the story by L. Tolstoy «Youth».

Keywords: *L. N. Tolstoy, I. Ya. Koreisha, N. S. Leskov, N. V. Gogol, F. M. Dostoevsky, faith, religion.*

Rostovtseva Yulia Alexandrovna

Candidate of Sciences (Philology), editor-in-chief of the Orthodox Bible portal ekzeget.ru.
E-mail: rostoyuliya@yandex.ru

Alyosha Karamazov as a type of wanderer

The article is devoted to the image of the main character of the novel by F. M. Dostoevsky «The Brothers Karamazov». The character of the dilogy is analyzed from the perspective of spiritual journey. Based on such plot elements as the exit from the monastery, the choice of Lisa Khokhlakova as the chosen one, the persistent stay near the brothers, the author comes to the conclusion that Alyosha belongs to a special type of wanderer-novice. Significant importance is given to the prediction of the elder Zosima about the «wandering» of the young Karamazov in the world and the future return to the monastery fence. The opinion is expressed that, contrary to the point of view of A. S. Suvorin, Dostoevsky could not debunk the image of the elder through a false prophecy.

Keywords: *F. M. Dostoevsky, «The Brothers Karamazov», the wanderer, the novice.*

Vishnyakova Ekaterina Andreevna

Candidate of Sciences (Philology); editor cooperating with the Eksmo publishing house.
E-mail: ekaterinav91@mail.ru

Christian images in the novel by M. A. Sholokhov «And Quiet Flows the Don»

The article examines the features of Christian images in the novel by M. A. Sholokhov «And Quiet Flows the Don». It also examines the point of view of the literary critics of the 1920s and modern researchers on this problem. The question is raised about the degree of the presence of the Christian component in the novel, the features of the depiction of Orthodox life. Attention is drawn to the key Christian images in the novel, which are embodied in the main character — Grigory Melekhov: the image of the prodigal son in several guises, the image of the publican.

Keywords: *M. A. Sholokhov, «And Quiet Flows the Don», Christianity, archetypes, epic novel, gospel images in Russian literature.*

Tkacheva Polina Pavlovna

Candidate of Sciences (Philology), docent, senior researcher of the State Museum of Vladimir Vysotsky. E-mail: tkacheva.p@pstgu.ru

From the manuscript to performance: the philosophical and Christian motives of V. S. Vysotsky's poetry

The author of this work does not aim to analyze all the works of V. S. Vysotsky containing Christian motives, because it is impossible due to the large number of such texts. Our

task is to consider in detail only a few works and show by their example that addressing the topic of Christianity is important for V. S. Vysotsky when he talks about truth, conscience, soul, about the poet's purpose, about his vision of the world and, of course, about Russia.

Keywords: *motive, Christianity, truth, cross, dome, candle, bell, manuscript, creativity, Vysotsky.*

Feliksov Sergey Vladimirovich

Candidate of Sciences (Philology), Head of the Department of Philology of the Perervinskaya Theological Seminary; Associate Professor of the Department of Pedagogy of the Faculty of History and Philology of Saint Tikhon's Orthodox University. E-mail: svfeliksov@gmail.com

The Church Dictionary by Archpriest Peter Alekseev: the history of publications and linguotextological description

The article is devoted to the consideration of one of the most valuable monuments of Russian culture of the 18th century — the Church Dictionary by Archpriest Peter Alekseev, which is the first essay in the history of Russian lexicography that most fully describes the vocabulary of the church sphere of use. The work provides basic information regarding the history of the publication of the Church Dictionary, as well as the linguotextological description of its first two editions, carried out from 1773 to 1794.

Keywords: *church dictionary, Peter Alekseev, Orthodoxy, XVIIIth century, Russian lexicography, exeget.*

Makarova Elena Vladimirovna

Candidate of Sciences (Pedagogics), Associate Professor of the Department of the Pedagogy, Faculty of History and Philology of the Saint Tikhon's Orthodox University, Moscow. E-mail: makarovael@yandex.ru

The use of Church Slavonic forms by contemporary poets (based on materials from the poem «Russia is risen» by A. A. Voznesensky)

The article deals with the problem of using Church Slavonic forms in modern poetry. A. A. Voznesensky, as well as a number of other poets who boldly handled lexical material, at the top of his work consciously resorts to Church Slavonic heritage, which gives his poems spiritual coloring and depth. The analysis of this phenomenon leads to the question of the relevance of studying the Church Slavonic language, without which an adequate perception of poetry can be difficult.

Keywords: *linguistic memory, Church Slavonic language, Church Slavonic forms, hymnography, Andrey Voznesensky, poetry, neologisms, occasionalisms.*

Petrikova Anna

PhD, Associate Professor of the Department of the Russian Studies, Prešov University (Slovakia).
E-mail: anna.petrikova@ff.unipo.sk

Analysis of the linguocultural concept «Child» on «A Brief History of Old and New Testaments» material

The article examines the concept «child» in the linguocultural approach based on the theoretical assumptions of Russian researchers such as S. G. Vorkachev, V. I. Karasik, V. A. Maslova and others, as well as the Slovak Russianists J. Sipko, L. Guzi, N. Mertova, M. Blago, etc. The material of the analysis is a textbook for teaching the Law of God in public schools in the Czech and Slovak Republics. The textbook was published in Prague with the blessing of His Eminence Eleutherius, Exarch of the Moscow Patriarchate, Metropolitan of Prague and All Czechoslovakia in 1950.

Keywords: *concept, cultural linguistics, child, Old and New Testament, textbook, Law of God, Czech, Slovak.*

Zagumennov Alexander Vladimirovich

Candidate of Sciences (Philology), lecturer at the «Educational and Information Center «SOKRAT», senior lecturer of the Department of Humanities and Natural Sciences of the Vologda Theological Seminary of the Vologda Diocese of the Russian Orthodox Church. E-mail: zaw1991@mail.ru

Vocabulary denoting the animal world in the «Book of Interpretations and Morals» by protopope Avvakum

The article analyzes the little-studied from the point of view of linguistics text — «Book of Interpretations and Teachings» of Archpriest Avvakum. To a first approximation, the classification of the lexical layer with the names of species of living beings is given according to the conceptual oppositions «wild / domestic animals» and «real / mythical birds». At the conclusion of the article, prospects are outlined for studying the lexical tier of the monument in a linguopersonalological way, where the protopope Avvakum appears as the author with his own semantic coordinates.

Keywords: *vocabulary, book of interpretations, Avvakum, linguistic personality.*

Solodukhin Denis Vitalievich

Candidate of Sciences (Philosophy), Docent MIREA — Russian Technological University.
E-mail: dvsolodukhin@gmail.com

«Synergasia» (Συνεργασία) in understanding of Archimandrite Innokenty (Prosvirnin): an attempt to clarify the meaning

The hermeneutic attempt has been made to clarify the meaning of the word «Synergasia» (Συνεργασία) in understanding of a prominent church historian, Deputy Chairman of the

Publishing Department of the Moscow Patriarchate, Archimandrite Innokenty (Prosvirnin). This word is considered in the comparison with another — «synergy». Etymological and linguistic research is combined with an appeal to some aspects of the scientific interests of the representative of the Russian scholarly monasticism. All this is carried out on the materials of both his published articles and archival documents, some of which are being introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: *Archimandrite Innokenty (Prosvirnin), Synergasia, Synergy, the interaction of cultures, Conceptual History (Begriffsgeschichte).*

Priest Vasily Andronikov

Priest of the Russian Orthodox Old Believers Church. E-mail: d.vasilya@yandex.ru

«Pacem suam» or «mundi pace»? Understanding the «world» in the Luciferian message «Libellus precum»

The Luciferian schism in the history of the ancient Church of the 4th century created a very unusual precedent for Christian ecclesiology. Lucifer, the Bishop of Calaritan and his followers recognized only the sacrament of baptism as valid and did not recognize the sacrament of consecration for those who repented of the Arian heresy. The article presents one of the arguments presented in defense of this ecclesiology.

Keywords: *Lucifer Calaritan, Luciferians, Libellus precum.*

Вступительное слово ректора Перервинской духовной семинарии к 21-му выпуску «Трудов ПДС», посвящённому материалам международной конференции имени митрополита Новгородского и Санкт- Петербургского Григория (Постникова)

Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Григорий (Постников) — «строгий моралист, проповедник всеобщего покаяния»¹ — один из выдающихся воспитанников Перервинской духовной семинарии, доктор богословия (1817), ректор Санкт-Петербургской духовной академии (1819), первенствующий член Святейшего синода, почётный член Императорской академии наук (1856), Императорского Казанского университета (1857), Императорского Санкт-Петербургского университета (1858).

Многогранная деятельность митрополита Григория (Постникова) имела по-настоящему определяющее значение для развития духовного образования и нравственного просвещения российского общества в первой половине — середине XIX века. Его называют родоначальником православной научной периодики: в 1821 г. по его предложению Санкт-Петербургская духовная академия начала издание первого богословского журнала в России — **«Христианское чтение»**, в 1855 г. его заботами в Казанской духовной академии выходит журнал **«Православный Собеседник»**, а в 1857 г. митрополит Григорий получает от Святейшего Синода разрешение на издание еженедельного журнала **«Духовная беседа»**. Принципиальным новшеством этого журнала стал раздел: «Сведения о начальственных распоряжениях по ведомству православного вероисповедания и вообще о замечательных современных церковных событиях и явлениях»².

¹ Шавров М. В. Преосвященный Григорий, митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский. СПб., 1860. С. 21.

² Там же. С. 25, 28.

Известен митрополит Григорий и как автор догматических трудов, апологет Православия.

Молитвенно почитая труды и заслуги Преосвященного Григория на духовно-просветительском литературном поприще, необходимо вспомнить и о Перервинской семинарии, положившей начало его воспитанию как будущего архипастыря и церковного учёного. «Григорьевские чтения», материалы которых представлены в данном сборнике «Трудов ПДС», — это, по сути, попытка продолжения просветительских начинаний владыки Григория в области гуманитарных наук, православной периодики.

Обращаясь к опыту наших святых предков, возрождая лучшие традиции прошлого, мы переводим на современный литературный язык вечные христианские смыслы, мотивы любви и покаяния. Искренне надеюсь, что всем настоящим и будущим участникам «Григорьевских чтений», а также тем, кто будет знакомиться с материалами конференции на страницах нашего журнала — «Труды Перервинской духовной семинарии» — будет интересен представленный опыт осмысления проблем современной филологии в контексте православной традиции.

иеромонах Аполлинарий (Панин),
ректор Перервинской духовной семинарии

Хроника научной жизни

Сергей Владимирович Феликсов¹

I Межвузовская национальная научно-практическая школа-конференция с международным участием «ЯЗЫК — ЛИТЕРАТУРА — ПРАВОСЛАВИЕ» имени митрополита Григория (Постникова) кафедры филологии Перервинской духовной семинарии

12 мая 2021 года кафедра филологии Перервинской духовной семинарии провела **I Межвузовскую национальную научно-практическую школу-конференцию с международным участием «ЯЗЫК — ЛИТЕРАТУРА — ПРАВОСЛАВИЕ».**

Отдавая дань памяти историческому прошлому семинарии и её выдающимся представителям, школе-конференции было присвоено имя **митрополита Григория (Постникова)**, выпускника Перервинской духовной семинарии, главы Санкт-Петербургской и Новгородской митрополии, ректора и профессора Санкт-Петербургской духовной академии, доктора богословия и почётного члена по отделению русского языка и словесности Санкт-Петербургской Академии Наук, продолжателя учёной традиции основателя духовной школы в Перерве — митрополита Платона (Левшина).

Научное мероприятие объединило педагогов-исследователей и учёных из разных образовательных и научных учреждений: Перервинской духовной семинарии, Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, Московской духовной академии, Балтийского федерального университета им. И. Канта, Новосибирского государственного университета, Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова, Кубанского государственного

¹ **Феликсов Сергей Владимирович** — заведующий кафедрой филологии Перервинской духовной семинарии, доцент кафедры педагогики историко-филологического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, кандидат филологических наук. Адрес для корреспонденции: svfeliksov@gmail.com.

Митрополит Григорий (Постников)

университета, Российского технологического университета, Варминско-Мазурского университета (Польша) и др.

В начале мероприятия с приветственным словом к участникам конференции обратился ректор Перервинской духовной семинарии, кандидат богословия **иеромонах Аполлинарий (Панин)**. В выступлении им было отмечено значение для истории русской духовной культуры творческого наследия митрополита Григория (Постникова) и обозначена основная цель проведения конференции — развитие творческой активности студентов, аспирантов и молодых учёных, повышение уровня их филологической культуры, а также объединение интеллектуального потенциала исследователей для решения актуальных проблем в области изучения филологии и теологии в свете традиционных для отечественной культуры духовно-нравственных ценностей.

Заведующий кафедрой филологии Перервинской духовной семинарии, кандидат филологических наук **Сергей Владимирович Феликсов** в своём обращении к участникам конференции отметил важность для будущих пастырей и учёных-богословов владеть филологической культурой и быть ответственными за своё речевое поведение.

Работа школы-конференции проходила в рамках двух секций — «Православие и литература» и «Православие и язык». Участники конференции выступили с мини-лекциями и научными докладами.

В рамках секции **«ПРАВОСЛАВИЕ И ЛИТЕРАТУРА»** было заслушано семь докладов.

Протоиерей Дмитрий Долгушин, доктор филологических наук, доцент кафедры истории и теории литературы Новосибирского государственного университета выступил с мини-лекцией на тему *«Библия в жизни и творчестве В. А. Жуковского»*, в ходе которой познакомил слушателей с переводами Библии и комментариями к ней, сделанными В. А. Жуковским.

Специалист в области истории русской литературы XIX века профессор, доктор филологических наук **Владимир Иванович Мельник** прочитал мини-лекцию на тему *«Ранний Н. А. Некрасов: становление религиозного сознания»*. Содержание выступления было посвящено анализу религиозного мировоззрения Н. А. Некрасова на основе фактов из биографии великого поэта.

Доцент кафедры филологии Перервинской духовной семинарии, кандидат филологических наук **Анастасия Евгеньевна Чернова** выступила с докладом на тему *«Пасхальный сюжет в прозе современных писателей»*, в ходе которого познакомила слушателей с современными отечественными писателями, работающими в жанре пасхального рассказа, а также с их художественными произведениями, сюжет которых связан с главным для православных христиан праздником.

Старший научный сотрудник научно-фондового отдела Государственного музея Владимира Высоцкого (г. Москва), кандидат филологических наук, доцент **Полина Павловна Ткачёва** в рамках мини-лекции *«Христианские мотивы в поэзии В. С. Высоцкого»* проанализировала ряд поэтических произведений В. Высоцкого, затрагивающих религиозные темы, а также привела примеры характерных для художественного творчества поэта христианских образов.

Кандидат филологических наук, редактор, сотрудничающий с издательством «Эксмо», **Екатерина Андреевна Вишнякова** осветила тему *«Христианские образы в „Тихом Доне“ Михаила Шолохова»*, рассмотрев художественные портреты главных героев романа М. Шолохова «Тихий Дон» в религиозном аспекте.

Заведующая кафедрой немецкой филологии Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова, доктор филологических наук, профессор **Лилия Анатольевна Долгополова** представила доклад на тему «*Модальное будущее в древневерхне-немецкой поэме о Страшном Суде „Muspilli“*», проанализировав особенности формирования категории времени в германских языках на примере памятника древневерхненемецкой эпической поэзии IX века «Muspilli».

В мини-лекции «*О литературных апокрифах*», прочитанной заведующим кафедрой зарубежной литературы и сравнительного культуроведения Кубанского государственного университета, профессором, доктором филологических наук **Алексеем Викторовичем Татариновым**, были проанализированы явления литературной апокрифизации на примере ряда произведений художественной литературы.

В рамках секции «**ПРАВОСЛАВИЕ И ЯЗЫК**» было заслушано восемь докладов.

Специалист в области теории языка и русистики из польского г. Ольштын, профессор Балтийского федерального университета им. И. Канта, доктор филологических наук, dr. hab. **Алла Алексеевна Камалова** прочитала мини-лекцию на тему «*Религиозный текст и филологический анализ*», в ходе которой были рассмотрены языковые признаки религиозных текстов, а также филологические методы их прочтения и толкования.

Заведующий кафедрой филологии Перервинской духовной семинарии, доцент кафедры педагогики историко-филологического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, кандидат филологических наук **Сергей Владимирович Феликсов** прочитал мини-лекцию на тему «*„Церковный словарь“ (1773–1794) протоиерея Петра Алексеева*». В ходе выступления была дана общая характеристика «Церковного словаря» протоиерея П. А. Алексеева как памятника истории русской лексикографии XVIII в., рассмотрена история его изданий, структура словарных статей и особенности толкования религиозной лексики.

Заведующая кафедрой восточнославянского языкознания Варминско-Мазурского университета в Ольштыне (Польша), dr. hab., профессор **Иоанна Ожеховска** в рамках мини-лекции «*Особенности строения текста синодика*» проанализировала в грамматическом

аспекте наиболее частотные лексемы, употребляющиеся в тексте «Войновского синодика».

Доцент кафедры библеистики Перервинской духовной семинарии и Московской духовной академии, кандидат богословия **Михаил Всеволодович Ковшов** прочитал мини-лекцию на тему «Филологические и богословские аспекты концепций Божьего водительства и Божьего покоя в послании св. ап. Павла к Евреям», посвящённую актуальным вопросам библейской филологии и библейского богословия на материале Послания святого апостола Павла к Евреям.

Доцент кафедры гуманитарных и общественных наук МИРЭА — Российского технологического университета, кандидат философских наук **Денис Витальевич Солодухин** выступил с докладом на тему «Синергасия» (*Συνεργασία*) в понимании архимандрита Иннокентия (Просвирнина): попытка реконструкции смысла термина», представив результаты реконструкции смысла термина «Синергасия», который используется в творческом наследии архимандрита Иннокентия (Просвирнина) при описании взаимодействия русской и византийской культур.

Представитель Русской Православной Старообрядческой Церкви, **священник Василий Андроников** выступил с докладом на тему «„*Rasemsuam*“ или „*mundipase*“? Понимание „мира“ в люциферианском послании *Libellus presum*». На основе анализа контекстов употребления слова «мир» в послании IV века «*Libellus presum*» епископа Луцифера Каралитанского докладчиком были выявлены особенности толкования данного богословского термина и представлена его дефиниция.

В рамках мини-лекции «Методика преподавания церковнославянского языка в контексте общешкольного образования» доцент кафедры педагогики историко-филологического факультета Свято-Тихоновского гуманитарного университета, кандидат педагогических наук **Елена Владимировна Макарова** привела аргументы, связанные с необходимостью изучения церковнославянского языка школьниками в современных образовательных учреждениях, констатируя неразрывную связь церковнославянского и русского литературного языков.

Доцент кафедры библеистики Московской духовной академии, кандидат богословия **диакон Сергей Кожухов** выступил с докладом

на тему *«Иоанн Кесарийский Грамматик цитирует апостола Павла: смысл и толкование»*, в котором на основе анализа «Апологии Халкидонского собора» Иоанна Кесарийского проанализировал интертекстуальные связи данного произведения с текстами посланий святого апостола Павла.

Конференция завершилась свободной дискуссией и подведением итогов.

Основу содержания предлагаемого вниманию читателей очередного выпуска журнала «Труды Перервинской православной духовной семинарии», подготовленного кафедрой филологии ПДС, составляют научные статьи участников I Межвузовской национальной научно-практической школы-конференции с международным участием «ЯЗЫК — ЛИТЕРАТУРА — ПРАВОСЛАВИЕ» имени митрополита Григория (Постникова).

Кафедра филологии Перервинской духовной семинарии выражает глубокое уважение и благодарность всем участникам конференции и желает им дальнейших творческих успехов!

Православие и литература

Анастасия Евгеньевна Чернова¹

Идеальный и реальный мир в русском фольклоре: константа фольклорной идеальности мира

В статье рассматриваются различные формы взаимодействия земного и небесного начал в русском фольклоре. Их гармоничное соединение образует константу фольклорной идеальности мира. Проведённый анализ фольклорных произведений показал, что константа фольклорной идеальности мира присутствует и в условно-утопической реальности волшебной сказки, и в чудесной действительности легенд, преданий, быличек, и в духовных стихах, а также в лирических песнях. Но в каждом из названных фольклорных и литературных жанрах выполняет различные функции.

Ключевые слова: *русский фольклор, реальный мир, идеальное царство, константа фольклорной идеальности мира.*

Художественное изображение идеального царства в фольклорном тексте предполагает наличие и реального, земного мира. Причудливое переплетение сверхъестественного с действительностью, их противопоставление составляет основу сказочного конфликта.

О. И. Шабалина в кандидатской диссертации «Фольклорное сознание как способ духовно-практического освоения действительности» расширяет сказочный конфликт до универсального признака всего фольклора в целом. Она называет противоречие между реальным миром и миром желаний, устремлений, мечтаний человека, то есть идеальным миром, движущей силой фольклорного сознания. Именно в фольклоре, по мнению Шабалиной, «разыгрывается драма этих двух миров, драма человеческой жизни; происходит постоянный поиск человеком гармонии между своим внутренним, идеальным миром и внешним по отношению к нему, реальным миром»².

¹ **Чернова Анастасия Евгеньевна** — кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Перервинской духовной семинарии. Адрес для корреспонденции: г. Москва, Бескудниковский бульвар, д. 9. E-mail: litsot@yandex.ru.

² *Шабалина О. И.* Фольклорное сознание как способ духовно-практического освоения действительности [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. Магнитогорск, 2000. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/folklorное-soznanie-kak-sposob-duxhovno-prakticheskogo-osvoeniya-deistvitelnosti>.

Общая аксиологическая направленность конфликта обусловлена народным отношением к рассказанным событиям, которые можно расценивать двояким образом: как правду или как выдумку. На основе такого разграничения фольклористы выделяют два больших раздела: сказки и несказочную прозу. Сказка — это, прежде всего, выдумка, фантазия. По определению В. Я. Проппа, это «нарочитая и поэтическая фикция. Она никогда не выдаётся за действительность»³. Конфликт мечты и действительности в сказке носит характер условно-утопический.

Если народная сказка, реагируя на многие жизненные проблемы, предлагает их «справедливое, но утопическое разрешение»⁴, то в несказочной прозе (легенде, предании, быличке, меморате и др.) характер взаимодействия идеального и реального мира отличается большей достоверностью. Например, в легенде самое необыкновенное и сверхъестественное событие воспринимается как реальное, поэтому острого конфликта между разными духовными мирами (идеалом и обыденностью) не возникает.

Категория чуда пронизывает всю художественную структуру легенды, определяя систему образов и поэтику. Важно отметить, что, в отличие от предания, «события легенд протекают одновременно в прошлом, настоящем и будущем»⁵.

Такая вневременность образуется целостностью двух миров. Мы говорим про общий художественный принцип, лежащий в основе жанра. Внутри же самого единого реально-идеального пространства легенды могут возникать свои сюжетные противопоставления и конфликты, которые, однако, не затрагивают общую аксиологическую установку на восприятие чуда как достоверности.

Например, в христианской легенде «О святой Февронии» социально-бытовой конфликт прослеживается как между Февронией и князем, который не сразу исполняет своё обещание, так и между Февронией и жителями села Ласково, которые смеются над ней: «Посадил её в сани, едут, а наши ласковские смеются над ней, кричат ей вслед:

³ Пропп В. Я. Фольклор и действительность: Избранные статьи. М. : Наука, 1976. С. 87.

⁴ Зуева Т. В. Русский фольклор: Словарь — справочник: Книга для учителя. М. : Просвещение, 2002. С. 217.

⁵ Там же. С. 87.

„Вон нашу дурочку в санях повезли с князем венчаться“⁶. В первом случае конфликт разрешается свадьбой, во втором — примирением и покаянием: «Стали ей тут молиться, праздники её почитать, молебны служить, ну, простила она нас, стало наше село прибавляться. <...> Святая Хаврония была наша ласковская, благочестивая была, Богу всё молилась, а наш народ смеялся над ней, дурочкой её считал. А она вон какая была: сама святость получила, да и мужа прославила»⁷. Жизнь благочестивой Февронии проходит сквозь все века, являясь событием не только далёкого прошлого, но и настоящего: «Она и теперь, говорят, ходит сюда Богу молиться. Да знамо, мы, грешные, её не видим, а благочестивые люди видят иногда огонёк в церкви, есть у нас такие»⁸. Прошрое, настоящее и будущее время оказываются здесь едиными, а земной, видимый мир непременно содержит в себе измерение чудесного, которое является его важнейшей частью.

Похожий тип идеализации представлен и жанром фольклорного предания. Чудо реальности — взаимодействие миров видимого и невидимого — проявляется здесь, как правило, в изображении частных судеб исторических деятелей, при этом конкретные подвиги осмысливаются как типические и предстают чаще всего в идеальном свете. Герои преданий — цари и полководцы — нередко обладают особым чутьём к незримым явлениям мира, они способны предугадывать развитие исторических событий и в непростой ситуации делать выбор, единственно верный и победоносный. Их готовность к тому или иному важному поступку определяют небесные видения, а не трезвый логический расчёт.

Так, например, полководец Суворов никогда не начинал сражения, «прежде чем не окончится обедня на небе, которую служат ангелы и которую видел только он один»⁹. Предание изображает «отчаянное положение», в котором как-то раз оказался полководец с небольшим отрядом. И, несмотря на то, что «его могла спасти только одна быстрота нападения, он приказал не двигаться с места и не мешать неприятелю;

⁶ Народная проза. Серия: Библиотека русского фольклора / Сост. С. Н. Азбелев. Т. 12. М.: Советская Россия, 1992. С. 508.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 249.

сам же, сложа руки и сняв шапку с седой головы, слушал ангельскую обедню; долго продолжалась она, долго стоял неподвижно дедушка, впереv свои очи в небо»¹⁰. Кажется, страшное поражение теперь неизбежно. Ведь «сильно укрепились за это время враги...». Однако вопреки очевидности, «когда кончилась небесная служба, очнулся полководец и, быстро построив своих, начал нападение, и солдаты сами удивлялись, с какой лёгкостью они разбили неприятеля, столь многочисленного и казавшегося сильным»¹¹.

События идеального и реального миров оказываются взаимосвязанными. Обедня, которая невидимо совершается на небе, охватывает и земное пространство. Такая пространственно-временная целостность образуется в легендах и преданиях на уровне объективной данности и выполняет фатическую функцию. Различаться может лишь глубина субъективного восприятия. Если одни люди способны почувствовать и распознать небесные видения, то для других — идеальный мир остаётся скрытым, хотя и познаваемым при особых условиях.

Так, в том же самом предании повествуется об одном из адъютантов Суворова, который «выразил сомнение насчёт того, что видел фельд-маршал, и для удостоверения хотел просить последнего показать ему небесное видение. Старик, как бы предвидя сомнения адъютанта, подзвал его, не решавшегося выразить своё желание, и приказал ему снять сапоги с ног и стать правою ногою на его левую и поглядеть, перекрестясь, через его голову. Когда адъютант в точности исполнил приказанное, то увидел разверстые небеса и ангелов Божиих, служивших обедню на облаках»¹². Для того чтобы прозревать божественные события небесного царства, человеку необходимо приложить некоторые усилия.

В демонологических рассказах, быличках и бывальщинах, потусторонний мир проникает в повседневную реальность, и человек, настойчиво и необратимо, независимо от своего желания, встречается с нечистой силой. Эта встреча может иметь самые непредсказуемые последствия: трагический исход (в бывальщинах) или чудесное спасение (в быличках). Несмотря на то, что каждому демоническому

¹⁰ Народная проза. Серия: Библиотека русского фольклора / Сост. С. Н. Азбелев. Т. 12. М.: Советская Россия, 1992. С. 249.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

существу — чёрту, домовому, баеннику, овиннику, кикиморе, лешему, полевому, водяному, русалке или оборотню — присуще своё типичное поведение, можно выделить и некоторые общие признаки, свойственные всем видам. Эти признаки связаны с местом и временем появления нечистой силы.

По наблюдениям Т. В. Зуевой, встреча человека и демона происходит в особое время: «в „нечистое“, пограничное время года и суток: в святочные „страшные вечера“, в купальскую ночь, в полдень, в полночь, перед рассветом, после заката солнца. Всё происходит в сумерках, беспросветной ночью, в тумане, при свете месяца»¹³. Пространство встречи должно быть обособленным, удалённым от шумных и многолюдных мест. Демоны появляются «в пустынных и опасных местах (пустоши, лесные дебри, болота, перекрёстки и росстани безлюдных дорог, пещеры, ямы, водоёмы, омуты, водовороты)»¹⁴.

Другой тип взаимодействия миров мы найдём в духовных стихах. Если в сказочной прозе — легендах, преданиях и быличках — сама повседневность осмысливается как фантастическая, человек постоянно соприкасается с таинственными и непознанными явлениями иной реальности, то в духовных стихах различается не столько земное и небесное, мир видимый и мир невидимый (которые в определённых случаях могут становиться едиными), сколько жизнь христианская и мирская. Это различие касается именно человеческой жизни, которая может быть греховной или святой, а не общих законов устройства мироздания, сформированных Божьим промыслом.

С. Е. Никитина в послесловии к сборнику Г. П. Федотова «Стихи духовные» пишет о неправомочности выделения некоторыми исследователями в духовных стихах принципа дуализма. В них, напротив, господствует «идея всесильной божественной власти», «всё происходящее в них делается по Божьему велению».

Противоположная Богу сила — дьявол, могущественный лишь по отношению к слабым и грешным по природе людям, на самом деле ничтожен.

В духовных стихах утверждается, что «победа Кривды на земле временна, а небеса, где находится Правда, всемогущи, то есть необходимый

¹³ Зуева Т. В. Указ. соч. С. 206.

¹⁴ Там же.

признак дуализма — равенство сил Бога и дьявола — явно отсутствует»¹⁵.

Образ внешнего мира в духовных стихах оказывается цельным и единым: мать-сыра земля безгрешна, насыщена Святым Духом. Грех же заключён в самом человеке, в глубинах его души. Именно поэтому вещный, физический мир, по справедливому наблюдению С. Е. Никитиной, характеризуется в духовных стихах как «идеальный мир фольклорной нормы», что отражается системой постоянных эпитетов: на *матушке-сырой земле* текут *реки быстрые*, стоят *леса тёмные*, дуют *ветры буйные*, светит *солнце красное*. Напротив, душевный мир «обычного человека, по своей воле творящего грех, — это „мир, во зле лежащий“, отступление от идеальной нормы (*душа грешная, житие суетное, мысли нечестивые*)»¹⁶. Таким образом, «противопоставления добра и зла, правды и кривды, праведности и греха являются внутренней пружиной, разворачивающей сюжет духовных стихов»¹⁷.

Такие же мотивы развиваются и в русских пословицах. Кроме того, подчёркивается временность земной жизни: «*На сем свете мы в гостях гостим*», а также трудность и земная тягота: «*Из светлого рая, да на трудную землю*»¹⁸. Внешний мир становится продолжением души человека. Особое внимание обращается именно на душевные качества: на добродетель и порок, на оттенки чувства любви или ненависти и т.д. В отличие от духовных стихов и лирических песен, фольклорная идеальность мира в пословицах почти не наблюдается, в них идея взаимодействия миров имеет психологическую функцию.

Если в духовных стихах фольклорная идеальность связана прежде всего с природным миром, который сотворен Богом, а потому исполнен благодати и прекрасен, то в лирических песнях идеальность проявляется через единство человека и природы: внутреннее — чувства, мысли, впечатления — выражается через внешние реалии. Так,

¹⁵ Никитина С. Е. «Стихи духовные» Г. Федотова и русские духовные стихи. Послесловие // Г. П. Федотов. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам). М.: Прогресс, Гнозис, 1991. С. 137–153.

¹⁶ Там же. С. 140.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Даль В. И. Пословицы русского народа: Сборник: в 2 т. М.: Художественная литература, 1984. Т. 1. С. 229.

свежие цветы, травы и деревья, яркий свет, тепло, солнце, заря, звёзды символизируют радость, любовь и молодость. Напротив, поникшие цветы, сломанное дерево, бурная погода, ветер, метель, мрак, болото, пустынные поля, смятая трава обозначают тоску, болезнь и долгую разлуку.

Фольклорная идеальность мира, также как и взаимодействие между идеальным миром и реальным, выражается в каждом фольклорном жанре по-своему и определяется различными функциями. Согласимся с О. И. Шабалиной, которая считает подобную «драму миров» движущей силой фольклорного сознания, однако уточним, что логичнее говорить не только о противоречии, но и о взаимодействии двух миров. Ведь именно благодаря их взаимодействию образовывается важнейшая константа, связанная с «народно-песенным способом мышления», — фольклорная идеальность мира. Аксиологическая константа фольклорной идеальности формирует такое пространство и время, в которых мечта и реальность слиты воедино. Это идеальное царство, существующее по своим внеземным законам, оно герметично по отношению к новым духовным веяниям и не содержит внутри себя принципа дуализма.

Таково иное царство в волшебной сказке, на поиск которого отправляется Иванушка-дурачок, такова смысловая сердцевина художественного измерения в легендах и преданиях, таков, наконец, видимый мир в духовных стихах, созданный Богом и не тронутый ещё страстями человека. Если в волшебных сказках, легендах, преданиях и духовных стихах константа фольклорной идеальности мира, соединяя мечту и реальность, выполняет символическую и фатическую функции, то в лирических песнях единство внутреннего мира человека и природы осуществляет психологическую функцию.

В демонологических рассказах иное царство, или идеальный мир, обозначить труднее: если в легендах «рассказчик стремится преодолеть бытовое осмысление событий, выходит на уровень вечных, вневременных ценностей», то в быличках, по мнению И. А. Голованова, такого экзистенциального прорыва нет. Обращённость к сверхъестественным событиям в демонологических рассказах прослеживается лишь на бытовом уровне, тогда как в легендах, преданиях и духовных стихах — на сакральном. Это фундаментальное различие связано с особенностями восприятия, оценка реальности происходит под

определённым углом зрения, что формирует специфику того или иного жанра. По верному замечанию И. А. Голованова, «жанр выступает вариантом интерпретации действительности с точки зрения носителей фольклора»¹⁹.

Универсальный принцип двоемирия, пронизывающий все жанры устного народного творчества, определяет характер художественного конфликта, а также тип идеализации, которая выражается константой фольклорной идеальности мира. Проведённый анализ фольклорных произведений показал, что константа фольклорной идеальности мира присутствует и в условно-утопической реальности волшебной сказки, и в чудесной действительности легенд, преданий, быличек, и в духовных стихах, транслирующих оппозицию христианской и мирской жизни, а также в лирических песнях, но в каждом из названных фольклорных и литературных жанрах выполняет различные функции.

В волшебных сказках, легендах, преданиях и духовных стихах константа фольклорной идеальности мира, определяя вневременность ситуации, осуществляет символическую и фатическую функции, которые направлены на формирование аксиологических свойств иного царства. В лирических песнях константа фольклорной идеальности мира, подчёркивая единство настроения человека и состояния природы, выполняет психологическую функцию. Также психологическая функция обуславливает два типа восприятия рассказчиком чудесных событий — обращение к занимательной стороне описываемого явления в демонологических рассказах и устремлённость к видению бытийной тайны, красоты и святости мироздания в легендах, преданиях и духовных стихах. В первом случае психологическая функция связана с развлекательными целями, а во втором — выражает экзистенциальный прорыв и приближается по своему значению к фатической и символической функции константы фольклорной идеальности мира.

Источники и литература

1. Голованов И. А. Константы фольклорного сознания в устной народной прозе Урала (XX–XXI вв.): моногр. — Челябинск: Энциклопедия, 2009. — 251 с.

¹⁹ Голованов И. А. Константы фольклорного сознания в устной народной прозе Урала (XX–XXI вв.): моногр. Челябинск : Энциклопедия, 2009. С. 37.

2. *Даль В. И.* Пословицы русского народа: сб.: в 2 т.— М. : Худ. литература, 1984.— Т. 1.— 383 с.; Т. 2.— 399 с.
3. *Зуева Т. В.* Русский фольклор: слов.-справ.: кн. для учителя.— М. : Просвещение, 2002.— 334 с.
4. *Народная проза* / сост. С. Н. Азбелев.— М. : Советская Россия, 1992.— Т. 12.— 608 с.— (Библиотека русского фольклора).
5. *Никитина С. Е.* «Стихи духовные» Г. Федотова и русские духовные стихи. После-
словие // Г. П. Федотов. Стихи духовные. Русская народная вера по духовным
стихам.— М. : Прогресс : Гнозис, 1991.— С. 137–153.
6. *Пропп В. Я.* Фольклор и действительность: Избранные статьи.— М. : Наука, 1976.—
327 с.
7. *Федотов Г. П.* Стихи духовные: Русская народная вера по духовным стихам / вступ.
ст. Н. И. Толстого; послесл. С. Е. Никитиной; подг. текста и коммент. А. Л. Топоркова.—
М. : Прогресс : Гнозис, 1991.— 192 с.
8. *Шабалина О. И.* Фольклорное сознание как способ духовно-практического
освоения действительности [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. филос.
наук: 09.00.01.— Магнитогорск, 2000. URL: [http://www.dissercat.com/content/
folklorное-soznanie-kak-sposob-dukhovno-prakticheskogo-osvoeniya-deistvitelnosti](http://www.dissercat.com/content/folklorное-soznanie-kak-sposob-dukhovno-prakticheskogo-osvoeniya-deistvitelnosti).

Владимир Иванович Мельник¹

Л. Н. Толстой и московский юродивый И. Я. Корейша

В статье впервые анализируется опыт встречи Л. Н. Толстого с московским юродивым Иваном Яковлевичем Корейшей, на основе анализа дневников писателя называется предположительное время встречи. Вопрос рассматривается в рамках общей проблемы: Л. Толстой и религия. Акцентирован интерес Л. Толстого к неканоничным проявлениям веры. Статья позволяет внести уточнения в комментарии к повести Л. Толстого «Юность».

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, И. Я. Корейша, Н. С. Лесков, Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, вера, религия, юродство.

Хотя «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого, друга и доктора Л. Н. Толстого, были опубликованы ещё в 1979 г., пока исследователи не обратили внимание на то, что в записках впервые упоминается о личной встрече писателя с легендарным в XIX в. московским блаженным Иваном Яковлевичем Корейшей (1783–1861), проживавшим в больнице для душевнобольных на Преображенке. Между тем эта встреча была весьма важна для Л. Толстого, так что он сделал блаженного героем произведения и вспоминал о своём знакомстве с Корейшей даже в конце своей жизни. Для того чтобы понять причины этого, следует обратиться к образу жизни этого совершенно необычного блаженного.

Его имя было широко известно не только в простонародной, но и в образованной среде. «Новый энциклопедический словарь» даёт любопытные сведения: «Редкий день проходил без того, чтобы у Корейши не побывала сотня посетителей... Его посещали многие представители (особенно представительницы) высшего света...»². Приходили к нему за решением своих духовных и жизненных проблем не только светские люди, но и писатели, учёные и пр. Так, в 1845 году его посетил тогда ещё начинающий филолог Ф. И. Буслаев. Будущий академик написал ему записку: «Батюшка Иван Яковлевич, благословите Феодора и не оставьте его в ваших святых молитвах. Скажите,

¹ **Мельник Владимир Иванович** — доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент АН Республики Татарстан. Адрес для корреспонденции: melnikov1985@mail.ru.

² Новый энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб.–Пг., 1911–1916. Т. 22. С. 749.

будет ли он благополучен. Скоро ли женится». Ответ был, как всегда, иносказательный:

1845 рока мца декемря XIV дня
ко Господу молитесь
да в адских полех
совершенно изцелитесь
А женится не скороу
А животу пудет здоровоу
студент просвещения <...>³

Искал встречи с Иваном Яковлевичем и Н. В. Гоголь, отличавшийся глубокой духовностью. В записках доктора А. Т. Тарасенкова упоминается о загадочной поездке писателя к Ивану Яковлевичу. Гоголь, подъехав к воротам Преображенской больницы, слез с санок, долго ходил взад и вперёд у ворот, а потом, постояв в раздумье, опять сел в сани и уехал⁴. Посетил Корейшу и духовник Н. В. Гоголя, священник Матфей Константиновский.

Имя Ивана Яковлевича встречается не только в классических текстах русской литературы (его образ вошёл в произведения А. Н. Островского⁵, Н. С. Лескова⁶, Ф. М. Достоевского⁷, И. А. Бунина и др.), оно часто упоминалось и в пылу журнальной полемики⁸ второй половины XIX в., и в высказываниях и писаниях святых Отцов Церкви: например, епископа Игнатия (Брянчанинова), митрополита Филарета (Дроздова), митрополита Иннокентия (Вениаминова). Ивану Яковлевичу посвящались отдельные книги⁹, в том числе уже при его жизни.

Современники, в том числе и писатели, вводившие поразивший их образ Корейши в свои произведения, звали его чаще всего просто «Иван Яковлевич», ибо под этим именем он приобрёл всероссийскую

³ Никитин О. В. Предсказание И. Я. Корейши Ф. И. Буслаеву // Русская речь. 2002. № 3. С. 90–91.

⁴ Тарасенков А. Т. Последние дни жизни Н. В. Гоголя. Изд. 2-е, доп. по рукописи. М.: Т-во Скоропечатни А. А. Левенсон, 1902. С. 17.

⁵ Пьесы «На всякого мудреца довольно простоты», «Женитьба Бальзаминова».

⁶ Рассказ «Маленькая ошибка».

⁷ Роман «Бесы».

⁸ См., например: Катков М. Н. Старые и новые боги // Русский вестник. 1861. № 2. С. 893, 898.

⁹ Прыжов И. Г. Житие И. Я. Корейши. СПб., 1860. Его же: Очерки. Статьи. Письма. М.; Л.: Academia. 1934; Киреев А. Ф. Юродивый Иван Яковлевич Корейш. М., 1898. См. также: Поселянин Е. Русские подвижники 19-го века. Изд. 3-е. СПб.: Издание И. Л. Тузова, 1910. С. 501–509.

известность. Так, например, уже в начале рассказа Н. С. Лескова «Маленькая ошибка» (1883), целиком посвящённого Ивану Яковлевичу, есть фраза: «Дядюшка и тётушка мои одинаково прилежали покойному чудотворцу Ивану Яковлевичу. Особенно тётушка, — никакого дела не начинала, у него не спросившись. Сначала, бывало, сходит к нему в сумасшедший дом и посоветуется, а потом попросит его, чтобы за её дело молился»¹⁰. А в пьесе А. Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты» (1868) одна из главных героинь говорит: «Какая потеря для Москвы, что умер Иван Яковлич! Как легко, просто было жить в Москве при нём. Вот теперь я ночи не сплю, всё думаю, как пристроить Машеньку: ну, ошибёшься как-нибудь, на моей душе грех будет. А будь жив Иван Яковлич, мне бы и думать не о чем: съездила, спросила и покойна» (действие 3-е, явление 3-е).

Тем более любопытен тот факт, что впервые его образ в литературу ввёл Л. Толстой в повести «Юность» (1857). Дмитрий Нехлюдов, влюблённый в Любовь Сергеевну, признаётся: «Третьего дня Любовь Сергеевна желала, чтоб я съездил с ней к Ивану Яковлевичу, — ты слышал, верно, про Ивана Яковлевича, который будто бы сумасшедший, а действительно — замечательный человек. Любовь Сергеевна чрезвычайно религиозна, надо тебе сказать, и понимает совершенно Ивана Яковлевича. Она часто ездит к нему, беседует с ним и даёт ему для бедных деньги, которые сама вырабатывает. Она удивительная женщина, ты увидишь. Ну, я съездил с ней к Ивану Яковлевичу, и очень благодарен ей за то, что видел этого замечательного человека. А матушка никак не хочет понять этого, видит в этом суеверие»¹¹.

Судя по отрывку из повести «Юность», Толстой, в отличие от многих представителей писательской и интеллигентской среды того времени, без пренебрежения отнёсся к юродивому и полностью ему доверился, назвав его в повести «замечательным человеком». Поскольку повесть была написана после посещения Толстым Ивана Яковлевича, становится понятным, что герой передаёт толстовскую оценку личности Корейши. «Юность» вышла в 1857 году, за три года до того, как в прессе начнутся нападки на Ивана Яковлевича, в чём особенно преуспел

¹⁰ Лесков Н. С. Собр. соч. : в 12 т. Т. 7. М. : Правда, 1989. С. 449–450.

¹¹ Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 22 т. М. : Художественная литература, 1978–1985. Т. 1. С. 251.

маргинальный писатель И. Г. Прыжов¹², о котором характерно высказался свт. Игнатий (Брянчанинов): «В ноябрьской книжке „Странника“ опубликована книга „26 московских лжепророков“ и проч. — Что же? В первых двух статьях, особливо в первой, об Иване Яковлевиче, выставлено участником их лицо, предмет общего уважения, и превращено в предмет насмешки»¹³.

Записки доктора Маковицкого показывают, что Толстой говорил о встрече с Иваном Яковлевичем по меньшей мере дважды, причём более чем полвека спустя. Значит, писатель придавал своей беседе с Иваном Яковлевичем большое значение. Первый раз — 30 июля 1905 года. В этот день Толстой, увидя портрет святителя Филарета, сказал: «Я его посетил в Москве. Посетил тогда трёх знаменитостей: Ермолова, Филарета, Ивана Яковлевича¹⁴... Филарет благословил меня образом. Горчакова, которая меня водила, даже ревновала: её двух сыновей не благословил»¹⁵.

Через три года, 13 июня 1908 года, снова заходит разговор об Иване Яковлевиче:

«Л. Н.: А у Филарета я был (этого, оказалось, Молоствов не знал).

Л. Н. рассказал, что перед Севастополем тётка его А. А. Горчакова, когда он к ней заехал, сказала: „Непременно заезжай к Филарету“.

— Он очень ласково со мной говорил. Разговор был какой-то серьёзный, и потом меня благословил и подарил мне образок финифтяный. У Софьи Андреевны он есть. Анна Александровна нашла это особенной милостью: „Моих сыновей не благословил, а тебя благословил“»¹⁶.

¹² Прыжов И. Г. Житие И. Я. Корейши, известного пророка в Москве. СПб., 1860 ; Он же. Сказание о кончине и погребении московских юродивых Симеона Митрича и Иоанна Яковлевича. М., 1862 ; [Он же.] 26 московских лже-пророков, лже-юродивых, дур и дураков. М., 1864 и др. Впрочем, некоторые современные исследователи называют его «выдающимся этнографом», несмотря на то, что книги Прыжова отнюдь не научны: они написаны публицистически, с явной негативной тенденцией: Прыжов не столько описывает своих персонажей, сколько клеймит их (может быть, в некоторых случаях и справедливо: в маргинальных, по сути, книгах Прыжова теперь уже невозможно отделить «зёрна» от «плевел»).

¹³ Игнатий (Брянчанинов), свт. Собрание писем. М., 2000. С. 494.

¹⁴ Публикаторы академического издания записок Д. Маковицкого в комментариях указывают, что речь идёт о московском юродивом Иване Яковлевиче Корейше ([Маковицкий Д. П.] «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого. У Толстого. 1904–1910. Литературное наследство. Т. 90 : в 4 кн. Кн. 1. 1904–1905. М. : Наука, 1979. С. 525).

¹⁵ Там же. С. 359.

¹⁶ «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого. Кн. 3. 1908–1909 (январь — июнь). С. 116. О посещении Толстым митрополита Филарета в 1854 году перед отъездом в Дунайскую армию см.: Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 90 т. М. ; Л. : ГИХЛ, 1928–1958. Т. 54. С. 568.

Таким образом, становится понятно, что посещение состоялось до отъезда писателя в Крым. Известно, что Л. Толстой, написав на всякий случай завещание, поехал «перед Севастополем» в Москву, и находился в городе с 16 по 18 февраля 1854 года. Однако дневник Л. Толстого показывает, что вряд ли в эти дни он мог посетить святителя Филарета и Ивана Яковлевича: «Москва. 16, 17, 18 Февраля. Ничего не помню, исключая того, что приехал в Москву. Беспорядочен физич[ески] и мор[ально] и сделал слишком много расходов». Следующая запись в дневнике сделана 14 марта 1854 года в Бухаресте, и уже точно после посещения митрополита Московского Филарета: «14 Марта 1854 года. Бухарест. Начинаю новую тетрадь дневника, после почти месячного промежутка, во время которого я так много переиспытал, перечувствовал, что мне не было времени думать и ещё меньше записывать. С Кавказа я приехал в Тулу, видел тёток, сестру, Валерьяна и узнал о своём производстве. *Все 3 брата и Перфильевы приехали ко мне и увезли меня в Москву...* Оттуда поехал к Митиньке, который почти по моему совету бросил Москву, — и через Полтаву, Кишинёв и т.д. 3-го дня приехал в Бухарест. Я был счастлив всё это время!»¹⁷

Таким образом, от 18 февраля до начала марта 1854 года — как раз то время, когда Толстой мог встретиться с митрополитом Филаретом и Иваном Яковлевичем. К ним повела его А. А. Горчакова¹⁸.

В комментариях к повести «Юность» в 90-томном собрании сочинений Л. Толстого упомянуто лишь имя Корейши и ничего не сказано ни о нём, ни о встрече писателя с ним, ни о причинах положительного восприятия этого человека Толстым. Между тем это чрезвычайно важно, в особенности потому, что восприятие Л. Толстого сильно разнилось от реакции на личность Ивана Яковлевича основной массы русских писателей того времени.

Дело в том, что после кончины Корейши его личность стала в русской журналистике и литературе притчей во языцех, символом религиозного невежества и пристрастным указанием на тёмные стороны

¹⁷ Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 22 т. М. : Худ. литература, 1978–1985. Т. 21. С. 122.

¹⁸ Княгиня Анна Александровна Горчакова, урожд. Шереметева (р. 14 апреля 1800 г., ум. 12 апреля 1882 г.), жена троюродного дяди Толстого кн. Сергея Дмитриевича Горчакова (1794–1873), в 1844–1849 гг. бывшего директором 1-го отделения Экспедиции сохранный казны. Толстой был близок с семьёй кн. Горчаковых, живших до 1853 г. на Сивцевом Вражке (теперь дом № 29). В «Детстве» и «Юности» кн. Горчаковы изображены в лице «князей Карнаковых» (Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 90 т. М. ; Л. : ГИХЛ, 1928–1958. Т. 59. С. 22).

русской православной религиозности. Эта тема наиболее ярко представлена у Бунина в его миниатюре под названием «Слава». Г. Н. Кузнецова вспоминала:

— А из чего создалась у вас «Чаша жизни»? — спрашиваю я, вспоминая только что прочитанные вслед за «Студентом» отрывки из неё.

— То что у каждой девушки бывает счастливое лето — это между прочим вспоминалась сестра Машенька...А юродивого я взял от Ивана Яковлевича Кирши.

— Кто это?

— Его вся Россия знала. Был такой в Москве. Лежал в больнице и дробил кирпичом стекло. И день, и ночь, так что сторожа с ума сходили. И когда он спал, неизвестно! И вот валил туда валом народ, поклонницы заваливали его апельсинами, а он жевал их, выплёвывал прямо в поклонницу, — в какую попадёт, та считает себя особенно отмеченной и счастливой. Когда он умер, везли его через весь город, он долго стоял в кладбищенской церкви. Я себе очень хорошо представляю это: осень, листья в лужах, ледяная кладбищенская церковь, и он всё стоит, и его не могут похоронить, потому что церковь осаждают пришедшие поклониться... И вот, так как жрал он много и был грузен и долго стоял, то быстро лопнул и текло из него так, что под гроб пришлось поставить тазы, и вот представьте себе! эти поклонницы, разные купчихи, кинулись давя друг друга, с тем, чтобы обмакнуть вату в эту сукровицу и унести к себе домой.

— Что за гадость!

— Да, да и было это всего 70 лет назад. Да вообще у нас в России такие вещи бывали... И дурак я, что не написал жития этого «святого». У меня и материалы все были.

— Да напишите, как рассказываете!

— Нет, это не то. Там стихи его были. Да и надоело мне это. Я в этом роде уже писал¹⁹.

Бунин здесь целиком и полностью полагается на карикатурно тенденциозного И. Прыжова и его оценки личности Ивана Яковлевича. Так же точно поступил, описывая Ивана Яковлевича в романе «Бесы», и Ф. Достоевский. Оба писателя выказали нечувствительность к особенностям

¹⁹ Кузнецова Г. Н. Грасский дневник. М. : АСТ, 2017. С. 31.

духовного подвига юродства, далеко не всегда совпадающего с представлениями о церковном благочестии. Следует напомнить, что Прыжов был врагом церкви и писал свои брошюры после того, как отбыл тюремное заключение за убийство человека по приказу террориста С. Г. Нечаева, а впоследствии спился. Это была маргинальная личность, и то, что на его мнение опирались такие известные писатели, как Достоевский и Бунин, говорит лишь о религиозном кризисе в русском обществе в конце XIX — нач. XX вв. О реальном образе Ивана Яковлевича даёт истинное представление книга хорошо его знавшего А. Ф. Киреева «Юродивый Иван Яковлевич Корейш» (М., 1898). В предисловии к книге Киреев писал: «Многие из старожилов Москвы, вероятно, помнят то время, когда в Преображенской больнице умалишённых находился известный всей Москве „Иван Яковлевич“, который, получив высшее академическое образование и обладая от природы умом светлым, был для многих камнем преткновения, как образом своей юродствующей жизни, так и своими действиями, шедшими вразрез обычаям мира, и поэтому посещавшие его из одной лишь любознательности, уходили с полным убеждением, что видели сумасшедшего, тогда как... люди, чаще других бывавшие у него и с религиозной точки зрения глубже всматривавшиеся в его жизнь и действия, видели пред собою не только [не] сумасшедшего, но даже и не простого смертного, а великого по терпению своему подвижника, добровольно презревшего мир, со всеми его благами, и принявшего вольную нищету и юродство, которое и святыми отцами церкви признаётся за самое высокое подвижничество»²⁰.

Всё это прекрасно понимали святые Игнатий (Брянчанинов) и Филарет (Дроздов), которые, в отличие от литераторов, считали Ивана Яковлевича достойнейшим человеком и христианином, видели в его жизни настоящий духовный подвиг.

Ни Лесков, ни Островский, ни Достоевский не имели личной встречи с Иваном Яковлевичем — и писали о нём с чужих слов. Единственным из крупных русских писателей, кто посетил его, был Л. Толстой. Нельзя не отметить, что, несмотря на свои позднейшие духовные заблуждения, приведшие его к отрицанию церкви, Толстой,

²⁰ Киреев А. Ф. Юродивый Иван Яковлевич Корейш. М., 1898. С. 5.

как и Островский²¹, выказал в восприятии фигуры Ивана Яковлевича незаурядное духовное чутьё и не случайно назвал его «замечательным человеком». В числе немногих он сумел разглядеть за странными, а порою и грубыми поступками Корейши высокую духовность.

Нельзя не сказать о том, что встреча с Иваном Яковлевичем была одним из самых первых контактов Толстого с «экзотическим православием» (юродивые, старцы Оптиной пустыни и пр.), к которому он заметно тяготел, особенно с тех пор, как начал отходить от официальной церкви.

Источники и литература

1. *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Собрание писем. — М. : Правило веры, 2000.
2. *Катков М. Н.* Старые и новые боги // Русский вестник. 1861. № 2.
3. *Киреев А. Ф.* Юродивый Иван Яковлевич Корейш. — М., 1898.
4. *Кузнецова Г. Н.* Грасский дневник. — М. : АСТ, 2017.
5. *Лесков Н. С.* Собр. соч.: в 12 т. — М. : Правда, 1989. — Т. 7.
6. [Маковицкий Д. П.] «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого. У Толстого. 1904–1910. Литературное наследство. Т. 90: в 4 кн. — М. : Наука, 1979. — Кн. 1; Кн. 3.
7. *Никитин О. В.* Предсказание И. Я. Корейши Ф. И. Буслаеву // Русская речь. 2002. № 3.
8. *Новый энциклопедический словарь* Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. — СПб.; Пг., 1911–1916. Т. 22.
9. *Поселянин Е.* Русские подвижники 19-го века. — Изд. 3-е. — СПб. : Издание И. Л. Тузова, 1910.
10. *Прыжов И. Г.* Житие И. Я. Корейши, известного пророка в Москве. — СПб. : Тип. Н. Тиблена и К., 1860.
11. *Прыжов И. Г.* Сказание о кончине и погребении московских юродивых Симеона Митрича и Иоанна Яковлевича. — М. : Тип. М. Смирновой, 1862.
12. [Прыжов И. Г.] 26 московских лже-пророков, лже-юродивых, дур и дураков. — М. : Издание Н. Баркова, 1864. — 226 с.
13. *Прыжов И. Г.* Очерки. Статьи. Письма. М.; Л. : Academia, 1934. — 488 с.
14. *Тарасенков А. Т.* Последние дни жизни Н. В. Гоголя. — Изд. 2-е, доп. по рукописи. — М. : Т-во Скоропечатни А. А. Левенсон, 1902.
15. *Толстой Л. Н.* Собр. соч.: в 90 т. — М.; Л. : ГИХЛ, 1928–1958.
16. *Толстой Л. Н.* Собр. соч.: в 22 т. — М. : Худ. литература, 1978–1985.

²¹ В своих пьесах «На всякого мудреца довольно простоты» и «Женитьба Бальзаминова» Островский иронизирует не над Иваном Яковлевичем, а над пошлым пониманием духовной жизни многих его почитателей, досаждавших блаженному своими приземлёнными житейскими «вопросами».

Юлия Александровна Ростовцева¹

Алёша Карамазов как тип странника

Статья посвящена образу главного героя романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Персонаж дилогии анализируется с позиций странничества. На основании таких элементов сюжета, как выход из монастыря, выбор Лизы Хохлаковой в качестве избранницы, неотступное пребывание близ братьев автор приходит к выводу, что Алёша относится к особому типу странника-послушника. Существенное значение отводится предсказанию старца Зосимы о «странствовании» юного Карамазова в мире и будущем возвращении в монастырскую ограду. Высказывается взгляд, что вопреки точке зрения А. С. Суворина, Достоевский не мог развенчать образ старца через ложное пророчество.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, «Братья Карамазовы», странник, послушник.

Говоря о странниках русской литературы, нельзя обойти стороной Алёшу Карамазова, образ которого был выведен Ф. М. Достоевским на страницах его последнего романа. Некоей предварительной иллюстрацией к этому положению является то, насколько часто слово «странный» (однокоренное слову «странник») употребляет писатель по отношению к своему герою в самом начале. «Одно, пожалуй, довольно несомненно: это человек **странный**, даже чужак. Но **странность** и чудачество скорее вредят...», — говорится в предисловии «От автора»². В главе четвертой, собственно, и посвящённой главному персонажу дилогии, Достоевский вновь употребляет прилагательное «странный», отождествляя его уже с некими духовными коннотациями. Речь идёт о выборе Алёшей монашеского пути: «Впрочем, я не спорю, что был он и тогда уже очень **странен**, начав даже с колыбели»³. В контексте последующего рассказа об эпизоде из детства, когда мать исступлённо молила за сына Пресвятую Богородицу, эта «странность» приобретает обертоны некоей присущей Алёше религиозной черты. Странность героя уже потому есть отчасти *странничество*, что она

¹ **Ростовцева Юлия Александровна** — кандидат филологических наук, главный редактор православного библейского портала «Экзегет.ру». Адрес для корреспонденции: rostoyuliya@yandex.ru.

² Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы / Собр. соч. : в 4 т. М., 1999. Т. II. С. 7.

³ Там же. С. 21.

сообразуется с архетипом **дороги**: «...и если ударился на монастырскую дорогу, то потому только, что в то время она одна поразила его и представила ему, так сказать, идеал исхода рвавшейся из мрака мирской злобы к свету любви души его»⁴. Не случайно и одно из значений имени старца Зосимы (др.-греч. Ζωσιμάς), повстречавшегося Алёше на этой **дороге**, есть «готовящийся к путешествию».

Чуть ниже в той же главе Достоевский словно закрепляет за своим персонажем статус странника, рассказывая о двух дамах, у которых довелось жить юному Карамазову после смерти Ефима Петровича. Подобное существование автор вновь называет «странным», но уже отчётливее, чем ранее выявляет религиозную подоплёку, помещая в тот же контекст слово «юродивый». «Но эту странную черту в характере Алексия, кажется, нельзя было осудить очень строго... Алексей непременно из таких юношей вроде как бы юродивых...»⁵ Примечательно и то, что отсутствие собственного угла по примеру Спасителя (*лиси язвыны имут и птицы небесныя гнезда; Сын же человеческий не имать где главы подклонити* (Мф. 8:20)) преподобный старец Амвросий Оптинский в письме одной из своих духовных дочерей назвал «духовным странничеством»⁶.

Между тем духовное странничество Алёши не просто странничество, а странничество послушника. Роман Достоевского посвящён младшему из братьев Карамазовых именно в этом его качестве. Эта идея лежит в основе задуманной диалогии, эту же идею, как ни странно, подчёркивают строки из Евангелия от Иоанна, вынесенные автором в эпиграф произведения: *Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода* (Ин. 12:24). На первый взгляд, здесь говорится лишь об умирании Богочеловека. Однако следует помнить, что смерть Христа была не просто смертью, а актом послушания: *Смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной* (Флп. 2:8). В сердцевине жертвенной гибели Спасителя — отвержение собственной воли: *не Моя воля, но Твоя да будет* (Лк. 22:42).

⁴ Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы / Собр. соч. : в 4 т. М., 1999. Т. II. С. 21.

⁵ Там же. С. 24.

⁶ О духовном странничестве. Враг смущает попечением о собственной келье / Собрание писем Оптинского старца Амвросия. Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптиная Пустынь, 2012. С. 581.

Послушание Алёше старцу Зосиме сродни умиранию. Не случайно оно некоторым образом обусловлено физической смертью: «Как только сподобит Бог **преставиться** мне — и уходи из монастыря»⁷. Подчас подобно гибели и «полное самоотречение» послушника. Так, преподобному Иоанну Колову было заповедано своим аввой связать на кладбище гиену, «умерщвлявшую человеков и скотов». Зосима не посылает своего любимого ученика на послушание, чреватое физической смертью, но отправляет его в мир, что по мысли Алёши создаёт опасность для его духовной жизни: «...зачем тот послал его „в мир“? Здесь тишина, здесь святыня. А там — смущенье, там мрак...»⁸. Тем не менее, угроза эта граничит с «великим послушанием»: «Чего ты? Не здесь твое место пока. Благословляю тебя на **великое послушание в миру**». Знаменательно, что после этих слов старец употребляет слова со страннической мотивикой: «Много тебе ещё **странствовать**». При этом тема брака возникает как долженствование: «**И ожениться должен будешь, должен**»⁹. В качестве другой обязанности озвучивается пребывание около братьев: «Около братьев будь. Да не около одного, а около обоих»¹⁰.

Выйдя из обители, Алёша сразу приступает к исполнению послушания, возложенного на него старцем. Прежде всего он принимает исповедь у братьев. Об этой духовнической функции юного Карамазова свидетельствуют названия некоторых глав книги: «Исповедь горячего сердца. В стихах», «Исповедь горячего сердца. В анекдотах», «Исповедь горячего сердца. „Вверх пятнами“». Существует работа, посвящённая разбору светской миссии Алёши, в которой деятельность младшего Карамазова в миру рассматривается как особый вид священнослужения. В качестве одного из доказательств тезиса приводится как раз аргумент об исповедальном характере отношений Алёши с одним из братьев¹¹. Не опровергая в целом наблюдений исследователя, укажем лишь, что в основе

⁷ Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы / Собр. соч. : в 4 т. М., 1999. Т. II. С. 82.

⁸ Там же. С. 165.

⁹ Там же. С. 82.

¹⁰ Там же. С. 83.

¹¹ Гнусова И. Ф. Священнослужение в миру: главный герой в романах «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского и «Дэниел Деронда» Джордж Элиот // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. № 2 (34). Пермь, 2016. С. 86.

«священнослужения» Алёши лежит его послушание старцу, и выше — Творцу. Послушание Богу отчётливо проявляется в беседе с братом — Иваном, когда Алёша словно снимает с него обвинения: «Но убил (отца. — Ю. Р.) не ты, ты ошибаешься, не ты убийца... Меня **Бог послал** тебе это сказать». По мысли В. К. Кантора, Алёша выступает как «лекарь»¹².

Послушнический подтекст имеют и брачные устремления любимого ученика старца Зосимы. Д. Д. Благой в статье 1974 года «Путь Алёши Карамазова» отмечает: «...целомудренный и стыдливый юноша-девственник Алёша, который уже в школе затыкал уши, когда его товарищи с напускным цинизмом вели разговоры „про это“, а затем ушёл в монастырь, впервые испытывает любовное влечение к парализованной девочке-подростку»¹³. Выстраивая своё наблюдение антитетически (целомудрие — любовное влечение), Благой, по всей видимости, подразумевает в чувствах юного Карамазова какой-то плотской подтекст. Но верно ли подобное наблюдение? При взгляде на историю отношений Карамазова и Лизы Хохлаковой обращает на себя внимание то, что начало этих отношений ознаменовано идеей послушания. Так, в главе «Ещё одна погибшая репутация», центром которой и является письменное признание в любви Lise к Алёше дважды (и разными лицами) озвучивается мысль о «великом послушании», на которое послан бывший насельник монастыря в мир. Алёша читает письмо Lise, в котором долженствование, предъявленное к нему молоденькой девушкой «конечно, с тем условием, что вы выйдете из монастыря»¹⁴ согласуется с прежним заветом старца: «и ожениться должен будешь»¹⁵. Одно долженствование как бы накладывается на другое. Поэтому, повторимся, в выборе Лизы Хохлаковой в качестве избранницы Алёшей нет и тени плотской любви — это одно лишь послушание. *А послушник не рассуждает.* В некотором смысле не рассуждает и Алёша — первая девушка, которая предлагает ему руку и сердце, становится его потенциальной невестой.

¹² Кантор В. К. «Братья Карамазовы» Ф. Достоевского. М., 1983. С. 164.

¹³ Благой Д. Д. Путь Алёши Карамазова // ИОРЯС. Т. 33. № 1. 1974. С. 11.

¹⁴ Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы / Собр. соч. : в 4 т. М., 1999. Т. II. С. 167.

¹⁵ Там же. С. 82.

Молитва Алёши после прочтения письма Lise, наличие в ней местоимения множественного числа: «Господи, помилуй **их всех**, давешних, сохрани их, несчастных и бурных, и направь»¹⁶ только подчёркивает мысль о том, что «великое послушание», служение его будет распространяться не только на родных братьев, но и на юную Хохлакову. Если брак — это крест, как крест — и жизнь монашеская, то Алёша идёт на этот крест послушнически самозабвенно и, конечно же, испытывает страдания. Подразумевается не только то, что Lise на момент их объяснения является парализованным подростком, речь в гораздо большей мере идёт о её духовных недугах: недаром в романе она называется «бесёнком». О страданиях героя, связанных с его матримонимальным выбором, нет упоминания в первом томе дилогии. Предположительно, как на то указывает А. Г. Достоевская, во второй книге романа, действие которой происходит двадцать лет спустя «Алёша являлся уже не юношей, а зрелым человеком, пережившим сложную душевную драму с Лизой Хохлаковой»¹⁷.

Послушанием пронизана всё последующее существование юного Алёши. Пребывание близ братьев, обязанность жениться — всё это звучит с особым драматизмом, когда старец Зосима изрекает своё главное пророчество: «Всё должен будешь перенести, **пока вновь придёши**»¹⁸. Оказывается, жизнь Алёши в миру, вся его мирская миссия — это всего-навсего перевалочный пункт между двумя с периодами жительства в монастыре. Именно поэтому знаменитое свидетельство А. С. Суворина о том, что во втором томе романа Алёша должен был стать революционером не совсем правомерно. Достоевский глубоко понимал и ценил старчество, с большим сочувствием написан им образ Зосимы, вряд ли писатель попустил бы своему герою впасть в обманчивые предсказания.

Алёша — послушник, но послушание его сопряжено со странничеством. Странник, по слову преподобного Иоанна Лествичника, удаляется от близких и дорогих сердцу. Именно таковым становится младший Карамазов, покидая стены монастырской обители. Так, именно со страннической мотивикой связано напутствие отца Паисия ученику

¹⁶ Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы / Собр. соч. : в 4 т. М., 1999. Т. II. С. 168.

¹⁷ Гроссман Л. Достоевский. М., 1962. С. 512.

¹⁸ Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы / Собр. соч. : в 4 т. М., 1999. Т. II. С. 82.

старца перед выходом в мир: «Ну теперь ступай, сирота»¹⁹. Ясно, что слово «сирота» здесь употреблено не в буквальном смысле, так как у Алёши ещё был жив отец, а в переносном. Но именно это сиротство приближает Карамазова к Богу, Который, по слову Псалмопевца, *поддерживает сироту и вдову* (Пс. 145:9). Впоследствии совершённое дело послушания — пребывание близ братьев — также знаменуется потенциальным пространственным перемещением. После болезни Ивана и ссыльного приговора Мите Алёша признаётся мальчикам, стоя у камня: «...скоро я здешний город покину, может быть очень надолго»²⁰. Там же, у камня, звучат возгласы в честь последнего слова юноши, и слово это вновь связано с семантикой пути. Пути, который хотя и имеет пространственные очертания — дом Илюшечки — тем не менее не имеет хроникальных границ, расплываясь во времени до длины человеческой жизни: «„Вот мы теперь и идём рука в руку“. — „И вечно так, всю жизнь рука в руку! Ура Карамазову!“»²¹

Таким образом, страннические мотивы пронизывают весь роман и актуализируются благодаря образу Алёши Карамазова, доминантной духовной чертой которого является послушание. В этой связи произведение Достоевского приобретает новые идейные смыслы, основополагающим из которых является — показать «странствование» послушника в земной юдоли.

Источники и литература

1. *Благой Д. Д.* Путь Алёши Карамазова // ИОРЯС. Т. 33. № 1. 1974. С. 8–26.
2. *Гнюсова И. Ф.* Священнослужение в миру: главный герой в романах «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского и «Дэниел Деронда» Джордж Элиот // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. № 2 (34).— Пермь, 2016.— С. 83–93.
3. *Гроссман Л.* Достоевский.— М.: Молодая гвардия 1962.— 543 с.
4. *Достоевский Ф. М.* Братья Карамазовы / Собр. соч.: в 4 т.— М., 1999.— Т. II.— 800 с.
5. *Кантор В. К.* «Братья Карамазовы» Ф. Достоевского.— М., 1983.— 192 с.
6. *Собрание писем* Оптинского старца Амвросия.— Козельск: Оптина Пустынь, 2012.— 767 с.

¹⁹ Там же. С. 178.

²⁰ Там же. С. 794.

²¹ Там же. С. 796.

Екатерина Андреевна Вишнякова¹

Христианские образы в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон»

В статье рассматриваются особенности христианских образов в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон». Анализируется точка зрения на данную проблему литературных критиков 1920-х годов и современных исследователей. Ставится вопрос о степени присутствия христианской составляющей в романе, особенностях изображения православного быта. Обращается внимание на ключевые христианские образы в романе, которые воплощаются в главном герое — Григории Мелехове: образ блудного сына в нескольких ипостасях, образ мытаря.

Ключевые слова: *М. А. Шолохов, «Тихий Дон», христианство, архетипы, роман-эпопея, евангельские образы в русской литературе.*

«Тихий Дон» является энциклопедией русской жизни, содержащей разнообразные метафоры, сравнения, живые образы, без которых невозможно представить творчество М. А. Шолохова. «Тихий Дон» исследовался с начала публикации первых книг романа в 1928 году в различных аспектах: творческая история, художественные открытия, язык и стиль романа. Он сразу привлёк внимание критиков, которые рассматривали роман как полотно, отражающее трагические события современности, освещающее культурные, социально-политические и духовно-нравственные стороны общественной жизни. В настоящее время обращение к христианской стороне романа является объектом пристального исследования, что неудивительно, поскольку сама русская литература берёт начало из летописей, из текстов Священных книг. Само приобщение к литературе означало приобщение к Псалтири, Евангелию. Многочисленные библейские образы и цитаты в речах автора и персонажей являются в романе важным элементом эпического повествования. На страницах романа вводятся казачьи песни, в которых присутствуют яркие образы Николая Чудотворца, Богородицы.

Критики в 1920–1930-е годы подходили к рассмотрению романа с идеологических позиций. Как справедливо отмечает Н. В. Корниенко,

¹ **Вишнякова Екатерина Андреевна** — кандидат филологических наук; редактор, сотрудничающий с издательством «Эксмо». Адрес для корреспонденции: ekaterinav91@mail.ru.

«по всем культурным фронтам критика брала на себя функции управления»². А. М. Ушаков обращает внимание на то, что «выражения „революционная действительность“, „революционное сознание“, „революционный правопорядок“ появились и в официальной, и в бытовой жизни российского общества именно в 1920-е годы»³, поэтому официальная критика не только не могла углубляться в рассмотрение нравственно-христианской стороны романа, но и отрицала её. Так, И. Машбиц-Веров отмечает отсутствие у Шолохова сравнений и эпитетов, связанных с церковно-религиозной стороной быта: «В то время, когда у других крестьянских писателей (Клычков, Орешин, Есенин, Клюев) религиозно-образная ассоциация — явление обычное, у Шолохова, наоборот, этого нет. Это объясняется идеологией автора, далёкого от религиозных настроений»⁴. Поэтические эпитеты и сравнения на религиозную тему, встречающиеся в поэзии данных авторов, не характерны для Шолохова, поскольку задача романа-эпопеи находится в другой плоскости. Следует обратить внимание на то, что критиком были упущены из виду яркие и характерные эпизоды романа.

Одна из самых драматических сцен в романе, в которой Наталья, узнав об измене Григория с Аксиньей, в степи проклинает его. Данная сцена предшествует смерти Натальи и содержит в себе обращение к Богу, полное отчаяния. Следует подчеркнуть, что в этом важном с точки зрения драматургии сюжете, религиозная тема является ведущей и позволяет передать оттенки чувств героини, укоренённых в духовных началах, что выражается в обращении к Богу как к Высшему суду. По мнению других, более внимательных к данному вопросу критиков, религиозная тема присутствует в романе «Тихий Дон», только на качественно другом уровне. На духовно-нравственные ценности обращают внимание такие шолоховеды, как А. И. Хватов, Ю. А. Дворяшин, Ф. Г. Бирюков, В. В. Петелин, А. А. Дырдин, Г. С. Ермолаев и др.

В романе упоминания о следовании христианским традициям встроены в текст романа, они являются необходимой структурой, которая определяет течение жизни Григория, Аксиньи, Натальи, Дарьи

² Корниенко Н. В. «Нэповская оттепель»: становление института советской литературной критики. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 331.

³ Ушаков А. М. Эстетика социального максимализма Маяковского // Творчество В. В. Маяковского. Вып. 3. Текст и биография. Слово и изображение. М.: ИМЛИ РАН, 2015. С. 14.

⁴ Майзель М. Рецензия на роман «Тихий Дон» // Звезда. 1928. № 3. С. 166.

и других героев романа. Следования традициям сопровождаются ритуальными действиями: Григорий крестится, возвращаясь с игрищ, его отец в напутствие старшему сыну, Петру, произносит: «С Богом», осеняет его крестным знамением. Исследователь А. Дырдин отмечает, что в основе образов персонажей, природы лежит народное православие, которое придаёт живость и высший нравственный смысл всему сюжету романа. Православие включено в течение повседневной жизни героев романа, что отражает глубокую нравственную составляющую казачества, которую показал М. А. Шолохов.

Время в романе отсчитывается от церковных праздников: Рождество, Святки, Крещение, Успение Пресвятой Богородицы, Пасха: «Свадьбу назначили на первый мясоед. На Успенье приезжал Григорий проведать невесту», «Ростепель держалась до Михайлова дня»⁵. Троица — один из самых упоминаемых православных праздников в романе Шолохова, на второй день Троицы происходит завязка истории любви Григория и Аксиньи.

Многие особенные события, которые дают новое развитие сюжету, происходят в воскресенье, именно в этот день отец принимает решение женить Григория Мелехова. Также воскресенье — седьмой день недели, который каждый православный христианин должен посвятить Богу. Церковь в романе «Тихий Дон» является центром духовной жизни и обязательным местом посещения в воскресенье. В романе часто встречаются такие реплики героев, как «пойдём к светлой заутрене». В церкви происходит венчание Григория и Натальи. Всё это вместе с деталями православного быта служит достоверному, исторически точному воссозданию народной жизни в России в первые десятилетия XX века.

В произведениях М. А. Шолохова, и в «Тихом Доне» в особенности, есть множество образов-символов, которые восходят к глубинным архетипам, например: солнце, дом, семья, природа и др. В этом смысле М. А. Шолохов является продолжателем традиций русской литературы, в его творчестве сильна христианская составляющая, выраженная эксплицитно, христианские образы в романе имеют выпуклый характер. В русской литературе XIX века в целом выявляется архетип «блудного

⁵ Шолохов М. А. Тихий Дон. Роман : в 4 кн. М. : Худ. литература, 1980. Кн. 1. С. 205.

сына», который встречается в произведениях Н. В. Гоголя, Н. С. Гумилёва, Ф. М. Достоевского, Л. Леонова и др. Образ Григория Мелехова соотносится с образом блудного сына из евангельской притчи. Литературоведы прямо указывают на сходство главного героя «Тихого Дона» с евангельским персонажем. Он также проходит три этапа:

- уход из дома,
- жизнь во грехе,
- возвращение в родной хутор на последней странице романа.

Также Григорий — это младший сын, противопоставленный в романе старшему, Петру, как блудный и блуждающий по жизни. Именно за него родители переживают больше всего, как в евангельской притче. Данный образ выстраивается последовательно, если во второй книге он не имеет определяющего значения, то в третьей и особенно четвертой книгах происходит постепенное постижение нравственного миропорядка.

В «Тихом Доне» автор реализует евангельскую модель, которая завершается возвращением. Как отмечает Л. Г. Сатарова: «Конфликт Руси святой и Руси окаянной — общий для творчества Бунина и Шолохова. Оба писателя видят свет надежды — в вере, верности традиционному русскому делу. У Шолохова в „Тихом Доне“ это выражается в том смирении, с которым главный герой в финале расстаётся с оружием. Оно ничего не решает в братоубийственной войне. Мелехов оставляется автором на пороге не только родного дома, но и качественно иного духовного состояния»⁶. Образ блудного сына, полностью искупившего свои поступки, прослеживается в эволюции Григория Мелехова, который становится отцом и обретает надежду в последней сцене романа.

Гибель Аксины, отмеченная знаковым образом «чёрного солнца», — это наказание, постигшее Мелехова, который в полной мере передаёт ощущение глубокого душевного мрака, следующего за отступлением от заповедей, закона любви. М. А. Шолохов демонстрирует законченную эволюцию героя, который проходит путь, полный ошибок, драматических событий и, наконец, всецелого внутреннего изменения,

⁶ Сатарова Л. Г. Бунин и Шолохов о русской революции // Наследие И. А. Бунина в контексте русской культуры: Материалы международной научной конференции, посвящённой 130-летию со дня рождения И. А. Бунина. Елец : Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 2001. С. 23.

что соответствует греческому слову «μετάνοια», означающему «переосмысление». В христианской традиции под этим словом понимают покаяние.

Григорий Мелехов проявляет себя как блудный сын и в идеологическом плане — в отношении к революции и Гражданской войне. Уже в 1928 году исследователи уловили своеобразие Григория Мелехова, истоки которого выявлялись в устремлённости к исканиям правды. И. Машбиц-Веров обращает внимание, что «в отличие от Митек Коршуновых, Чубатых и т.д., Шолохов показывает других казаков — вдумчивых и серьёзных, ищущих новых путей в жизни, ощущающих несущую разницу, нелепость и несправедливость существующего порядка вещей»⁷. Как отмечает Л. Г. Сатарова, «блуждания Мелехова, да и большинства казачества, идут от отсутствия веры, осознанного жизненного идеала, который ощущается сердцем, но не управляет всем существом человека, разумом и волей»⁸. Весь ход повествования подводит героя к размышлениям о войне, и встреча с дедом Гришакой обнаруживает истинные мысли Григория, которые только зрели в его душе, не находя словесного выражения. Дед Гришака — это христианский образ мученика, пророка, которому известны последствия нарушения Божественного закона.

Также образ Григория можно соотнести с евангельским образом из притчи о мытаре и фарисее. Несмотря на противопоставление себя миру в первых книгах романа, Григорий по сути следует основным евангельским идеям. Он является сторонником общей правды, евангельским мытарем, который нуждается в спасении и прощении. Жизнь Григория не является примером праведной жизни, но он следует внутреннему нравственному закону, который преображает его.

Таким образом, христианская составляющая романа обнаруживается на различных уровнях романа, она выражена как эксплицитно, так и имплицитно и находит наиболее полное выражение в архетипических образах главного героя. Обращение к христианским образам в «Тихом Доне» позволяет рассмотреть индивидуальные судьбы в общечеловеческом контексте. Как убедительно показано Ю. А. Дворяшиным, «величие и прозорливость Шолохова как художника состоит,

⁷ Майзель М. Указ. соч. С. 186.

⁸ Сатарова Л. Г. Указ. соч. С. 29.

в частности, в том, что он сумел выявить в реальной жизни русского крестьянства, в его мироощущении и судьбе воплощение мучительных поисков „вечных истин“ человеческого бытия»⁹, которые неизбежно приводят к осмыслению роли христианских ценностей и идеалов.

Источники и литература

1. Вишнякова Е. А. Литературная критика 1930-х годов о традиции Л. Н. Толстого в «Тихом Доне» Михаила Шолохова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. — Тамбов : Грамота. 2017. № 9 (75). Ч. 1. — С. 33–36.
2. Дворяшин Ю. А. Движение народной жизни в изображении М. А. Шолохова // М. А. Шолохов в художественных и мировоззренческих исканиях современности: Сборник научных статей и материалов. — Сургут : РИО СурГПУ. 2005. — С. 4–14.
3. Корниенко Н. В. «Нэповская оттепель»: становление института советской литературной критики. — М. : ИМЛИ РАН, 2010. — 498 с.
4. Майзель М. Рецензия на роман «Тихий Дон» // Звезда. 1928. № 3. С. 162–187.
5. Сатарова Л. Г. Бунин и Шолохов о русской революции // Наследие И. А. Бунина в контексте русской культуры: Материалы международной научной конференции, посвящённой 130-летию со дня рождения И. А. Бунина / Отв. ред. А. А. Дякина. — Елец : Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 2001. — С. 24–31.
6. Ушаков А. М. Эстетика социального максимализма Маяковского // Творчество В. В. Маяковского. Вып. 3. Текст и биография. Слово и изображение. — М. : ИМЛИ РАН, 2015. — С. 8–21.
7. Шолохов М. А. Тихий Дон. Роман: в 4 кн. — М. : Худ. литература, 1980. — Кн. 1–2. — 736 с.

⁹ Дворяшин Ю. А. Движение народной жизни в изображении М. А. Шолохова // М. А. Шолохов в художественных и мировоззренческих исканиях современности: Сборник научных статей и материалов. Сургут : РИО СурГПУ. 2005. С. 14.

Полина Павловна Ткачёва¹

От рукописи к исполнению: философско-христианские мотивы поэзии В. С. Высоцкого

Автор данной работы не ставит цель проанализировать все произведения В. С. Высоцкого, содержащие христианские мотивы, потому что это невозможно из-за большого количества таких текстов. Наша задача подробно рассмотреть всего несколько произведений и на их примере показать, что обращение к теме христианства для В. С. Высоцкого важно, когда он говорит о правде, совести, душе, о предназначении поэта, о своём видении мира и конечно же о России.

Ключевые слова: *мотив, христианство, правда, крест, купол, свеча, колокол, рукопись, творчество, Высоцкий.*

В 1966 году вышел в прокат фильм режиссёра В. Т. Турова «Я родом из детства», в этом фильме на всю страну прозвучала песня В. С. Высоцкого «Братские могилы». Строки «На братских могилах не ставят крестов, / Но разве от этого легче» были настолько органично вплетены в текст песни, что ни одному цензору не пришло в голову вычеркнуть их. Высоцкий писал о том, чем дышал, чем жил, его творчество отразило боль и радость целой эпохи, отразило жизнь людей, в которой было место и подвигу, и слабости. Он писал о своём времени и о вечном для тех, кто жил тогда и для тех, кто живёт сегодня, и для тех, кто будет жить завтра. В его произведениях переплелось огромное множество тем, философских исканий, мотивов. Одним из них является мотив христианства, который очень органично входит в его творчестве в жизненно-философские искания автора. Следует отметить, что мы рассматриваем период 60–80-х годов прошлого века. Говорить о христианских мотивах в литературе данного периода довольно сложно, это связано с социально-политическими особенностями жизни СССР. Однако именно в творчестве Высоцкого эти мотивы активно присутствуют, поэт писал о жизни во всех её проявлениях, и в атеистической стране люди жили всё равно по своим убеждениям, поэтому продолжали несмотря ни на что крестить детей, печь куличи на Пасху

¹ **Ткачёва Полина Павловна** — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник научно-фондового отдела ГБУК г. Москвы «Государственного музея Владимира Высоцкого». Адрес для корреспонденции: polina.los@yandex.ru.

и радоваться Рождеству, продолжали верить в Бога, познавать духовные истины. Всё это как в зеркале отразилось в творчестве поэта, а он сам прошёл непростой путь осознания нашего мира через христианские ценности.

В творчестве Высоцкого свеча и храм являются одними из символов, отражающих христианские мотивы. Свеча как символ христианства, веры встречается, например, в «Балладе о борьбе», ведь своё обращение к молодому поколению поэт начинает так: «Среди оплывших свечей и вечерних молитв...». В другом своём произведении «Мне судьба — до последней черты, до креста...» он писал:

Может, кто-то когда-то поставит свечу
Мне за голый мой нерв, на котором кричу...²

Рассмотрим данное произведение подробнее. Так как первая книга Высоцкого «Нерв» вышла только в 1981 году, т.е. после его смерти, автор сам не имел возможности подготовить свои произведения к печати. Этот факт заставляет нас обращаться к записям и рукописям поэта, позволяющим получить более точное представление как о замысле, так и о создании произведения. В феврале 1978 года в Москве на квартире у В. И. Туманова Высоцкий среди целого ряда песен исполнил «Мне судьба — до последней черты, до креста...». Текст этого исполнения практически целиком совпадает с рукописью, черновой, имеющей редкие правки, но написанной уверенным, чётким почерком, что называется — на одном дыхании. Кроме этого есть ещё одна запись, часть текста, имеющегося в рукописи, там отсутствует. Для анализа возьмём полную запись³ и черновую рукопись⁴.

Произведение Высоцкого «Мне судьба — до последней черты, до креста...» написано анапестом. В связи с положением удара на последний слог, в стихе присутствует напряжение и стремительность, т.к. анапест является стопой восходящей. Именно напряжение и стремительность — основные типы внутреннего движения, которые прослеживаются в содержании данного произведения. Рассмотрим

² Высоцкий В. С. Сочинения : в 2 т. Екатеринбург : «У-Фактория», 1999. Т. 1. Песни. С. 455.

³ Архив ГКЦМ В. С. Высоцкого, ВС 5228/209.

⁴ Архив Высоцкого. РГАЛИ, ф. 3004, оп. 1, ед. хр. 44, л. 3, л. 3 об.

компоненты формы и содержания стихотворения и проанализируем, каким образом они взаимосвязаны с философско-христианскими мотивами, являющимися квинтэссенцией данного произведения.

Стихотворение состоит из трёх частей, каждая из которых имеет по шестнадцать строк. Рифма первой строфы сквозная, создающая звуковой круг, закругляющийся на слог «та». Слова, находящиеся в конце строки, подчёркнуты следующей за ними паузами, выделены при помощи звукового повтора и, естественно, привлекают к себе наибольшее внимание. Вот цепочка рифмы первой части стихотворения: «до креста», «немота», «у рта», «не та», «Христа», «плита», «ещё та», «нищета», «Калита», «ста», «тщета», «нищета», «ни черта», «шута», «не та», «суета». Вот как выглядит данный текст в автографе:

Мне судьба — до последний черты, до креста
 Спорить до хрипоты, а за ней — немота
 Убеждать и доказывать с пеной у рта
 Что не тако это всё, не тот и не та
 Что лабазники врут про ошибки Христа
 Что пока ещё в грунт не вляжалась плита.

Следующая запись сделана слева, явно приписана (видно, что не хватает места):

(300 лет под татарами —
 жизнь ещё та
 Маята 300*сот летняя
 и нищета.

Продолжение по тексту:

копил уже что-то
 Что под властью татар жил Иван Калита
 был уже не
 И был что был не один, кто один против ста.

Опять приписано слева:

И намерений
 добрых и бунтов — тщета
 Пугачёвщина кровь
 и опять нищета.

Продолжение по тексту:

И пускай Пусть не в раз пусть сперва не поймут ни черта
Повторю, даже в образе злого шута.
Но не стоит предмет, да и тема не та
Суета всех сует — всё равно суета⁵.

Стихотворение написано сплошь мужской рифмой, причём первая часть, как видно из приведённой выше цитаты имеет одинаковый ударный гласный звук во всех случаях, гласный [а], вторая часть также одинаковый ударный гласный [у]. Вот цепочка рифмы второй части стихотворения: «на бегу», «не смогу», «врагу», «не могу», «кругу», «в дугу», «не могу», «подстерегу», «в кругу», «згу», «сбегу», «не смогу», «на лугу», «ни гугу», «сберегу», «на лугу». В рукописи данный текст выглядит так:

Только чашу испить не успеть на бегу
Даже если разлить — всё равно не смогу
Или выплеснуть в наглую рожу врагу
Не ломаюсь не лгу — всё равно не могу
На вертящемся гладком и скользком кругу
Равновесье держу изгибаюсь в дугу
Что же с чашею делать — разбить не могу
Потерплю и достойного подстерегу
Передам — и не надо держаться в кругу
И в кромешную тьму и в неясную сгу
Я, до Другу, передоверивши чашу сбегу
Смог ли он её выпить — узнать не смогу
Я с сошедшими с круга пасусь на лугу
Я о чаше не выпитой здесь ни гу гу
Никому не скажу, при себе сберегу
А сказать — и затопчут меня на лугу
А узнают⁶.

Третья часть в двенадцати строках имеет ударный гласный [у], и лишь в последних четырёх опять ударный гласный [а]. Цепочка

⁵ Архив Высоцкого. РГАЛИ, ф. 3004, оп. 1, ед. хр. 44, л. 3.

⁶ Там же.

рифмы последней части выглядит так: «хлопочу», «свечу», «кричу», «шучу», «парчу», «не хочу», «не зазвучу», «подвинчу», «заторчу», «растопчу», «открочу», «по лучу», «судьба», «груба», «у рта», «суета». Приведём текст рукописи:

Я ~~за то, что~~ до рвоты, ребята, за Вас хлопочу
 Может кто-то когда-то поставит свечу
 Мне за ~~внятный~~ мой голый мой нерв, на котором кричу
 На И весёлый манер — ~~не хочу не хочу~~ (я на нём хохочу)
на котором шучу
 Даже, если сулят золотую парчу
 Или порчу грозят напустить — не хочу
 На ослабленном нерве я не зазвучу
 Я уж свой подтяну, подновлю подвинчу
 Лучше я загуляю, запью, заторчу
 Всё что ночью кропаю, в чаду растопчу
 Лучше голову песне своей открочу
 Но не буду скользить ~~по~~ словно пыль по лучу
 Если всё-таки чашу испить мне судьба
 Если музыка ~~елишком~~ с песней не слишком груба
 Если вдруг ~~если~~ всё же докажу даже с пеной у рта
 Я уйду и скажу, что не всё суета⁷.

Следует отметить, что в цепочке рифмы первой части есть всего лишь один повтор (два раза встречается слово «нищета»), в цепочке второй части четыре повтора (два раза встречаются слова «в (на) кругу», «не могу», «не смогу», «на лугу»), в последней же части нет ни одного повтора. Данное построение рифмы, на наш взгляд, не случайно. В первой части автор, рассуждая об исторической, сложной судьбе России, прошедшей через трёхсотлетнюю нищету татарского ига, пережившей пугачёвщину («Пугачёвщина, кровь и опять нищета...») и многое другое, делает всего один повтор (дважды слово «нищета»). Во второй части, где душа главного героя (а в конечном счёте автора) в поиске, в смятении, идут повторы слов («не могу», «не смогу») и слов имеющих символическое значения («в (на) кругу», «на лугу»). Здесь присутствует символичность пространства и движения: «круг» — замкнутость, ограниченность

⁷ Архив Высоцкого. РГАЛИ, ф. 3004, оп. 1, ед. хр. 44, л. 3 об.

пространства и в тоже время его бесконечность (т.к. круг — линия, у которой нет ни конца, ни начала,— образ единства ограниченности и безграничности); кроме этого здесь круг ещё и обладает свойствами, имеющими непосредственное отношение к движению:

На вертящемся гладком и скользком кругу
Равновесье держу, изгибаюсь в дугу!⁸

Круг вращается сам по себе, но и находящийся на нём герой, чтобы удержаться, вынужден быть в вечном движении, пытаясь поймать равновесие. Данный образ, на наш взгляд,— метафора жизни человека на Земле. Наша планета представляет собой вечно движущийся, вращающийся шар (графический круг), а попытка удержаться — это стремление прожить жизнь.

Ещё один символ пространства — «луг», с одной стороны — это относительно безграничное пространство, с другой — остановка движения. Здесь наблюдается качественный переход из одного состояния в другое, а соответственно и изменение не только рамок движения и пространства, но и статуса самого героя, переход с круга на луг — это метафорический уход из жизни героя, его переход в мир иной. Если «на кругу» он должен двигаться: творить, бороться — жить, то на лугу наступает царство спокойствия: «Я с сошедшими с круга пасусь на лугу...»⁹.

Кроме мотива жизни и смерти, здесь просматривается философско-христианский мотив испытания и предназначения каждого из живущих на земле. Герой понимает, что должен пройти свой путь, но сомневается, хватит ли у него сил.

В третьей части, как видно из приведённой выше цепочки рифмы, повторов вообще нет. Каждая новая строка третьей части усиливает впечатление уверенности героя в необходимости движения к намеченной цели.

Из приведённого выше анализа вытекает, что композиционная роль рифмы данного стихотворения — непосредственно поддерживать авторский замысел, воплощённый в произведении.

Следует так же отметить, что для раскрытия содержания автор использует и библейские мотивы. Так, например, первая часть стихотворения

⁸ *Высоцкий В. С.* Указ. соч. Т. 1. Песни. С. 454–455.

⁹ Там же. С. 455.

заканчивается строкой: «Суета всех сует — всё равно суета...»¹⁰. Данная фраза обращает нас к Ветхому Завету, а именно, к Книге Екклесиаста: *Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует, — всё суета!* (Еккл. 1:2) Далее Екклесиаст, развивая эту мысль, говорит о вращающемся постоянстве нашего мира: *Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит. Идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои. Все реки текут в море, но море не переполняется: к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь* (Еккл. 1:5–7).

В данном тексте основное движение, которое описано, — это движение по кругу. В природе всё движется, но это движение, будь это солнце или самая свободная из стихий — ветер, или вода — всё движется по кругу. Солнце всё время повторяет один и тот же путь, так как движется не вперёд, а по кругу, воздух тоже повторяет всегда одно и то же движение, и опять всё по кругу. Тот же круг мы видим и в описании Екклесиастом движения воды. Далее Екклесиаст говорит: *Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем* (Еккл. 1:9). То есть Екклесиаст утверждает, что даже людские дела, они тоже заключены в движение по кругу.

Вернёмся к тексту рассматриваемого нами стихотворения. Во второй его части Высоцкий говорит о чаше и о невозможности успеть её испить. Причём действие происходит при следующих обстоятельствах, вот как это описывает автор:

На вертящемся гладком и скользком кругу
Равновесье держу, изгибаюсь в дугу!¹¹

Как мы уже говорили выше, здесь земная суета изображена в виде крутящегося скользкого круга, как и у Екклесиаста — круговое движение. Высоцкий к библейско-философским рассуждениям добавляет своё видение: человеческая жизнь хоть и движется по кругу, но при этом, чтобы удержаться на этом кругу, нужно держать равновесие, «изгибаясь в дугу», да ещё в руках с чашей. Каков же смысл в этом

¹⁰ Высоцкий В. С. Указ. соч. Т. 1. Песни. С. 454.

¹¹ Там же. С. 454–455.

странном движении, да ещё и с полной чашей в руках, которую надо «испить»? Перед нами ещё один библейский символ:

Только чашу испить — не успеть на бегу,
Даже если разлить — всё равно не смогу;
Или выплеснуть в наглую рожу врагу —
Не ломаюсь, не лгу — всё равно не могу!
На вертящемся гладком и скользком кругу
Равновесье держу, изгибаюсь в дугу!
Что же с чашею делать?! Разбить — не могу!¹²

«Испить чашу» (варианты: испить чашу до дна, испить горькую чашу до дна) — фразеологизм, значение которого восходит к древним обычаям, связанным с языческими культами, которые были посвящены богам плодородия (в частности в Древней Греции культу бога Диониса)¹³, где было принято пить вино, отождествлявшееся с кровью человека (или жертвенного животного)¹⁴.

Существует также славянский обычай поднесения чаши (чарки, ковша) в знак расположения к гостю (в знак единения с кем-либо, либо сопричастности чему-либо).

Между тем само фразеологическое выражение безусловно восходит к библейскому пониманию чаши в качестве сосуда, наполненного гневом Господним: *Воспряни, воспряни, восстань, Иерусалим, ты, который из руки Господа выпил чашу ярости Его, выпил до дна чашу опьянения, осушил* (Ис. 51:17).

В Новом Завете чаша — это символ воли Господа, посланного им испытания. Вот слова Иисуса Христа: *И говорил: Авва Отче! Все возможно Тебе; пронеси чашу сию мимо Меня; но не чего Я хочу, а чего Ты* (Мк. 14:36). Или ещё: *И, отойдя немного, пал на лице Свое, молился и говорил: Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты* (Мф. 26:39). Слова и действия Христа, испившего чашу до дна, приводят нас к христианскому миропониманию чаши как испытания, которое нужно пройти до конца,

¹² Высоцкий В. С. Указ. соч. С. 454–455.

¹³ Мифология : энциклопедия. М. : Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 2008. С. 190.

¹⁴ Большой фразеологический словарь русского языка. М. : АСТ-Пресс ; Е. Н. Телия, 2008. В оцифрованном виде документ доступен здесь: phrase_dictionary.academic.ru (дата обращения: 07.11.2016).

т.е. испить чашу до дна — пройти испытание, выпавшее на долю человека.

Высоцкий ставит своего героя перед дилеммой: с одной стороны — ветхозаветное «суета всех сует», с другой — «чаша, которую нужно испить до дна» — Новый Завет. В его герое борются два начала: бросить всё или нести свой крест до конца, т.е. «испить чашу до дна». Вторая часть стихотворения, как уже говорилось, и посвящена этой борьбе.

Главный герой, как и любой человек, ищет оправдание своему нежеланию преодолевать трудности, ведь понятно, что всё мы делаем «на бегу», где же тут можно «успеть». За суетой жизни мы зачастую не обращаем внимания на главное и оправдываем не сделанное этой же суетой. Суетность мира Высоцкий передаёт при помощи ряда глаголов: испить, разлить, выплеснуть, разбить, передать (передам); как рефрен звучит бесконечное «не могу (не смогу)».

Здесь видно, как близки поэту слова Христа *пронеси чашу сию мимо Меня, да минует Меня чаша сия*, но он следует учению Христа, который в то же самое время, обращаясь к Господу говорит: *не как Я хочу, но как Ты*, т.е. всё посланное нам Богом, нужно пройти. Поэт в третьей части произведения отбрасывает сомнения в том, как ему надо поступить, и видит лишь один нужный путь, и здесь чувствуется возврат к первоначальному посылу, к первой строке произведения:

Мне судьба — до последней черты, до креста
Спорить до хрипоты (а за ней — немота),
Убеждать и доказывать с пеной у рта,
Что не то это вовсе, не тот и не та...¹⁵

Это начало объединяется с последними строками, где та же мысль звучит с усилением:

Если всё-таки чашу испить мне судьба,
Если музыка с песней не слишком груба,
Если вдруг докажу, даже с пеной у рта,—
Я умру и скажу, что не всё суета!¹⁶

¹⁵ Высоцкий В. С. Указ. соч. С. 454.

¹⁶ Там же. С. 455.

Интересна, на наш взгляд, обобщающая символика текста: первая часть произведения имеет основной символ крест, вторая часть — круг, а третья — опять крест (здесь автор не называет данное слово, но оно прочитывается по смыслу). Это символическое сочетание требует отдельного дополнительного рассмотрения, т.к. крест и круг — древнейшие символы, присутствующие практически во всех культурах мира.

Следует сказать, что в произведении «Мне судьба — до последней черты, до креста...» передано искание души русского человека, сомневающейся, грешной, кающейся, верующей. Борьба и поиск в душе творца, который не имеет права жить вполсилы. Высоцкий написал это произведение о себе, он мог вести размеренный образ жизни, перестать «подкручивать» нерв: «на ослабленном нерве я не зазвучу...». Тогда он бы не сгорел, а он сгорел, выпив «до дна чашу», которую по христианской традиции не мог пронести мимо, потому что христианство неотъемлемая черта русского человека. В подтверждение этого трижды звучит обращение к Христу: в начале произведения, в середине (об этом мы говорили выше) и в конце. В первой части:

Мне судьба — до последний черты, до креста
Спорить до хрипоты, (а за ней — немота)
Убеждать и доказывать с пеной у рта,
Что — не то это всё, не тот и не та!
Что — лабазники врут про ошибки Христа...¹⁷

У Высоцкого именно лабазники, т.е. торгаши, изгнанные Христом из Храма, «врут про ошибки Христа», и эта их ничтожная месть и есть суета, но приходится «убеждать и доказывать с пеной у рта», что их слова — ложь. С ложью бороться очень сложно, потому что «сперва не поймут ни черта», и даже очевидное, будут подвергать сомнению, таков род человеческий, но правда должна восторжествовать, и это крест поэта — открывать людям глаза на правду.

Может, кто-то когда-то поставит свечу
Мне за голый мой нерв, на котором кричу¹⁸.

В этих строках в конце произведения автор возвращается к Христу, ведь свеча — символ молитвенного горения, единения человека

¹⁷ Архив ГКЦМ В. С. Высоцкого, ВС 5228/209.

¹⁸ Там же.

с Богом, пламя свечи всегда направлено к Небесам. Свет свечи — Божественный свет, который принёс в наш мир Христос. Жизнь во грехе и неверии — тьма, а вера в Христа — это Свет, который нас спасает. Так и свеча своим сиянием побеждает мрак вокруг. И поэт надеется, что своим творчеством сможет помочь людям обрести дорогу к Свету, к правде. И тот, до кого он сможет докричаться, в своей молитве помянет и его, поставит за него свечу.

Здание храма обыкновенно завершается сверху куполом, символизирующим небо, купол же — главою, на которой ставится крест во славу Главы церкви — Иисуса Христа. Эти маковки напоминают язык пламени свечи и символизируют горение нашей молитвы к Богу. Именно такой образ появляется в песне «Купола».

Во время своих выступлений Высоцкий часто пел новые варианты уже ранее исполненных песен — это свидетельствует о том, что автор продолжал работать над своими произведениями даже после их публичного представления. «Купола» — одна из немногих песен поэта, которая была опубликована при его жизни: в 1978 году в журнале «Эхо» в Париже¹⁹. Текст данной публикации совпадает с последним публичным исполнением. При анализе песни «Купола» мы будем опираться на последнее исполнение как на финальный вариант, в статье мы будем анализировать текст, прозвучавший в Ленинграде в 1980 году²⁰ и сравнивать его с сохранившимися автографами произведения.

В автографе, хранящемся в нашем музее²¹, ярко прорисованы несколько образов, эти строки практически написаны уже так, как позже будут исполняться на концертах. Если внимательно сравнить строки автографа и финальный текст, то видно, что в данной рукописи ещё нет образов храма, колокольни, колокола, русской души и т.д.

Здесь намечен образ России, русской дороги и очень чётко прорисованы образы райских птиц. Сравним образы птиц из чернового варианта с образами финального текста. Образы Сирина и Алконоста практически полностью получили свои черты уже в черновом автографе.

¹⁹ Высоцкий В. С. Купола // Эхо. 1978. № 3. С. 6–7.

²⁰ Высоцкий В. С. Купола. В оцифрованном виде документ доступен здесь: <https://www.youtube.com/watch?v=T3lxZpsh4qA> (дата обращения: 05.05.2021).

²¹ Архив ГКЦМ В. С. Высоцкого, КП 6274.

Трижды Высоцкий в данном черновике переписывает четверостишие, где представлены Сирин и Алконост: обкатывает текст, ощупью, меняя слова, добавляя какие-то черты:

- 1) Что-то радостно скалится
Птица Сирин из гнёзд
А на ветке печалится
<плачет> Алконост
- 2) Радуетя зазывает
птица Сирин весело из гнёзд
И печально завывает
травит душу пти <вещий> Алконост
- 3) Птица Сирин — та радостно скалится
Завывает, а рядом печалится
В серебристых ветвях Алконост²².

Видно, что Высоцкий ищет образ, подбирает слова. Вот строка: «В серебристых ветвях Алконост» — красиво, но не подходит, не лаконично. А ведь слово — выстрел, слово — мысль, слово — в цель. Слов мало, совсем мало... Нужно уложиться в такой малый текстовый объём, а сказать всё.

Вот как звучат эти строки в финальном варианте текста:

Птица Сирин мне радостно скалится —
Веселит, зазывает из гнёзд,
А напротив — тоскует-печалится,
Травит душу чудной Алконост²³.

Как созданные Высоцким образы райских птиц соотносятся с их мифологическим представлением и видением в русской культурной традиции?

О птицах Сирин и Алконост существуют разноречивые мифологические представления. Чаще всего Сирин, чьё красивое пение несёт человеку гибель (её имя часто объясняют как происходящее от древнегреческих — *Σειρήνες* — сирен), представляется чёрной птицей, потому что «кто послушает её голос, забывает обо всём на свете, но скоро обрекается на беды и несчастья, а то и умирает, причём нет сил, чтобы заставить

²² Архив ГКЦМ В. С. Высоцкого, КП 6274.

²³ *Высоцкий В. С. Собр. соч. : в 4 т. М. : Время, 2008. Т. 2. : Песни. 1971–1980. С. 208.*

его не слушать голос Сирин»²⁴. Следует сказать, что в русском языке есть и ещё одно значение слова «сирин». У В. И. Даля читаем: «Сирин — птица сова, или филин, пугач»²⁵, т.е. ночная птица. В некоторых легендах Сирин считается посланницей подземного мира, и чтобы её отпугнуть, следует звонить в колокола. Вместе с тем Сирин в славянской мифологии — одна из райских птиц, её название созвучно с названием рая «Ирий». В древнерусском «Азбуковнике» мы находим её описание: «Сиринь, есть птица от главы до пояса состав и образ человекъ, от пояса же птица»²⁶. Подобный образ сказочной птицы-девы имеет и Алконост: «в русских и византийских средневековых легендах птица-дева, жительница Ирия — славянского рая». Образ Алконоста также связан с античной мифологией, а точнее с мифом об Алкионе (греч. ἄλκυών), превращённой богами в зимородка. Существует гипотеза, что «само имя этой сказочной птицы появилось вследствие искажения древнерусского речения „алкион есть (птица)“»²⁷. Эту птицу часто называют прекрасной девой зари, потому что Алконост начинает летать именно в тот момент, когда всходит солнце. Её имя упоминается в заговорах, так называемой зоревой медицины (чтобы иметь здоровое тело и здоровую душу, надо встречать зарю), считается, что Алконост «зашивает раны кровавые».

Существует также народное сказание о том, что утром на Яблочный Спас прилетает в яблоневоый сад птица Сирин, она грустит и плачет. После полудня появляется в яблоневом саду с радостью и смехом Алконост. Птица смахивает с крыльев живую росу — плоды преобразуются, в них появляется удивительная сила — все яблоки становятся целительными. Именно такими (печальная Сирин и радостная Алконост) изображены они В. М. Васнецовым на его знаменитой картине «Сирин и Алконост. Песнь радости и печали».

У Высоцкого настроение птиц диаметрально противоположное: Сирин «радостно скалится», Алконост «тоскует-печалится». Подобное настроение мы обнаруживаем в стихотворении А. А. Блока «Сирин и Алконост (Птицы радости и печали)»:

²⁴ Адамчик В. В. Словарь славянской мифологии. Минск: Харвест, 2010. С. 531.

²⁵ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Русский язык, 1981–1982. Т. 4. С. 188.

²⁶ Электронная энциклопедия / под ред. д.ф. н. Е. А. Осиповой. [Электронный ресурс] : <http://mifologia.osipova-pr.com/soderjanie/slavyane/sirin> (дата обращения 25.11.2014).

²⁷ Адамчик В. В. Указ. соч. С. 28.

Густых кудрей откинув волны,
Закинув голову назад,
Бросает Сирина счастья полный,
Блаженств нездешних полный взгляд.
И, затаив в груди дыхание,
Перистый стан лучам открыв,
Вдыхает всё благоуханье,
Весны неведомой прилив...
И нега мощного усилья
Слезой туманит блеск очей...
Вот, вот, сейчас распушит крылья
И улетит в снопах лучей!
Другая — вся печалью мощной
Истощена, изнурена...
Тоской вседневной и всенощной
Вся грудь высокая полна...
Напев звучит глубоким стоном,
В груди рыданье залегло,
И над её ветвистым троном
Нависло чёрное крыло...
Вдали — багровые зарницы,
Небес померкла бирюза...
И с окровавленной ресницы
Катится тяжкая слеза...²⁸

На первый взгляд у Высоцкого настроение птиц передано похоже на созданное Блоком, но всё же так ли это?

Птица Сирина мне радостно скалится —
Веселит, зазывает из гнёзд²⁹.

Сирина в «Куполах» не просто улыбается или смеется, она «скалится». «Скалить — развести губы, оголить зубы, казать их. *Берегись, собака зубы скалит! Он на меня давно зубы скалит*, точит, зол. // Хохотать, смеяться; насмехаться, глумиться, скалозубить *или* зубоскалить...»³⁰

²⁸ Блок А. Собр. соч. : в 8 т. М. ; Л.: ГИХЛ, 1960. Т. 1. Стихотворения 1897–1904. С. 403–404.

²⁹ Высоцкий В. С. Собр. соч. : в 4 т. Т. 2. С. 208.

³⁰ Даль В. И. Толковый словарь. Т. 4. С. 191.

И «скалится» она «радостно». «Радость — веселье, услада, наслаждение, утеха»³¹, значит, насмехается с наслаждением (её эта странная улыбка явно несёт беду), она «веселит, зазывает из гнёзд», а ведь хорошо известно, что тот, кто заслушается её пением, обрекает себя на погибель. Буквально в двух словах Высоцкий передаёт настроение, целого мифа (здесь и намёк на сирен, здесь и коварство этой птицы в её обаянии). Алконост наоборот: «...тоскует-печалится, / Травит душу чудной Алконост»³². «Тосковать — болеть по чем душою, сильно грустить, скучать, неутешно горевать, сохнуть сердцем, скорбеть, изнывать»³³. Алконост не просто тоскует, она печалится. А печаль — это не только «жаль, грусть, тоска, скука, сухота, горе, туга, боль души, кручина»³⁴, т.е. всё то, что можно сказать и про тоску, но и «забота, гребта, печа, усердныя и сердечныя хлопоты о чем, рвенье на чью пользу, застой, заступничество»³⁵. Высоцкий не просто соединяет два этих слова (основной приём во всех его произведениях — в минимальное количество слов вложить максимально возможное содержание, при этом простое повторение было бы непозволительной роскошью), он усиливает вторым словом понятие, уже привнесённое первым, добавляя значение: «забота, заступничество». В созданном Высоцким образе Алконоста видна заступническая забота, внутреннее переживание райской птицы за тех, кто слышит её пение (это внутреннее переживание, не напоказ, но искренне, с болью, с силою чувства характерно для русского человека). Своим пением она «травит душу»: с одной стороны, как бы «выпускает исподволь»³⁶ свою, с другой — этим же «изводит»³⁷ душу того, кто слушает. У Высоцкого получились неоднозначные, сложные образы Сирина и Алконоста. На первый взгляд Сирин — весела, но весёлость эта угрожающе опасна, Алконост же напротив грустен, но эта грусть с добром и заботой. В данных образах соединились разные понятия о радости и печали, переплелись с внутренними чувствами, с отношением к миру.

³¹ *Даль В. И.* Толковый словарь. Т. 4. С. 8.

³² *Высоцкий В. С.* Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. С. 208.

³³ *Даль В. И.* Толковый словарь. Т. 4. С. 422.

³⁴ Там же. Т. 3. С. 107.

³⁵ Там же.

³⁶ *Даль В. И.* Толковый словарь. Т. 4. С. 425.

³⁷ Там же.

В «Куполах» есть и ещё одна птица — это Гамаюн. Гамаюн тоже райская птица, но её образ пришёл в нашу культуру из «восточной (персидской) мифологии»³⁸. Эта птица вещает, раскрывает будущее, есть легенда, что именно она пропела своим чарующим голосом золотую книгу «Вед», потому что она знает всё на свете, также она может управлять погодой, например, вызывать сильный ветер. Гамаюн никогда не изображается на лубочных картинках вместе с Сирином и Алконостом. Одинокой, как птица вещая, она нарисована у В. М. Васнецова. А. А. Блок посвящает ей стихотворение «Гамаюн, птица вещая», опять таки одной. Высоцкий наоборот объединяет в своём произведении все три птицы. А сам образ Гамаюна, птицы вёщей, подающей надежду, Высоцкий в последней редакции текста соединяет с образом гусяра, баяна, но современного автору (или самого автора), потому что здесь перед нами появляется человек с семиструнной гитарой, «звонящие в свой черёд» струны которой — это и струны души поэта:

Словно семь заветных струн
Зазвенели в свой черёд —
Это птица Гамаюн
Надежду подаёт!³⁹

Вещая птица в «Куполах» Высоцкого подаёт надежду, как и «семь заветных струн» звучат с надеждой, с верой в лучшее. Совершенно иное настроение в стихотворении А. А. Блока «Гамаюн, птица вещая (Картина В. М. Васнецова)», где она:

Вещает иго злых татар,
Вещает казней ряд кровавых,
И трус, и голод, и пожар,
Злодеев силу, гибель правых...
Предвечным ужасом объят,
Прекрасный лик горит любовью,
Но вещей правдою звучат
Уста, запекшиеся кровью!..⁴⁰

В «Куполах» есть и ещё одно упоминание о птице Гамаюн:

³⁸ Адамчик В. В. Указ. соч. С. 152.

³⁹ Высоцкий В. С. Собр. соч. : в 4 т. Т. 2: Песни. 1971–1980. С. 208.

⁴⁰ Блок А. А. Собр. соч. : в 8 т. Т. 1: Стихотворения 1897–1904. С. 19.

Словно семь богатых лун
 На пути моём встаёт —
 То мне птица Гамаюн
 Надежду подаёт!⁴¹

Автор изменил две первые строки четверостишия, но здесь, как и в приведённом выше отрывке, есть упоминание числа семь и опять-таки обращение к себе самому. Семь богатых (заветных) лун — это не просто поэтический образ, это семь факторов лунного влияния, которые необходимо учитывать, например, в земледелии, поскольку, обращаясь вокруг Земли, Луна влияет на ток жидкостей, а потому и на все жизненные циклы⁴².

Между тем в черновом автографе эта птица ещё не получила столь объёмного образа, вот как она там представлена:

А для тех, кто
 сердцем юн
 Тем, кто может
 <вплавь> и вброд
 Этим птица Гамаюн
 надежду подаёт⁴³.

Здесь есть уже слова о надежде, но образ семи струн появится позже.

Сочетание именно этих трёх птиц порой удивляет тех, кто обращается к тексту «Куполов», потому что Сирий и Алконост имеют греческое происхождение и вместе встречаются у многих авторов, а вот Гамаюн-птица, как уже было сказано выше, пришла в нашу сказочную традицию с востока. На наш взгляд, автор, соединяя две разные традиции в одном произведении, символически показал объединение Запада и Востока, и объединение это он видит под эгидой Православия. Кстати, все три птицы украшают церковь-колокольню Воскресения Христова (с 1947 года Успения Божией Матери), которая была возведена в 1907–1910 годы архитектором Ф. Горностаевым в Рогожском посёлке в Москве.

Но это всё становится ясно лишь в конечном варианте текста, где образы птиц соединяются с образами куполов, колокольни, колокола,

⁴¹ *Высоцкий В. С.* Собр. соч. : в 4 т. Т. 2: Песни. 1971–1980. С. 209.

⁴² См. работы немецких учёных Иоганна Паунггера и Томаса Попе.

⁴³ Архив ГКЦМ В. С. Высоцкого, КП 6274.

русской души и России. В черновом наброске Высоцкий делает первый шаг к будущему произведению (кстати, сохранился черновой набросок данного произведения, где нет образов птиц, но есть всё остальное). По всей вероятности, позже произошло объединение разных вариантов текстов этой песни.

Рассмотрим автограф, хранящийся в РГАЛИ⁴⁴. Здесь нет образов птиц, но появляются образы-символы России: колокол, купола, душа...

Начнём с двух отрывков, в которых уже в черновом варианте появляются эти образы. Вот первый отрывок, где есть образы колокола и куполов (с него начинается черновой вариант):

В синем небе колокольнями проколотом
Медный колокол осерчал
Купола в России кроют чистым золотом
Чтобы легче Господь замечал⁴⁵.

Так выглядит это четверостишие, написанное от руки, чернилами, но здесь же прямо по тексту между первой и второй строками карандашом вписаны слова «То ль возрадовался, то ли», далее пропуск и тем же карандашом в этой же строке — «Медный колокол, гулкий колокол». Правка, по всей вероятности, автором была сделана для самого себя. Дело в том, что если прочитать всё подряд, как написано, появляется ощущение чего-то лишнего, что автор забыл зачеркнуть, вот как это выглядит:

В синем небе колокольнями проколотом
То ль возрадовался, то ли Медный колокол, гулкий колокол
Медный колокол осерчал
Купола в России кроют чистым золотом
Чтобы легче Господь замечал⁴⁶.

Перед нами авторский поиск смысловой и звуковой образности, и превращение четверостишия в пятистишие. Зная конечный вариант данного текста, предположим, что по авторской задумке данный отрывок мог выглядеть либо вот так:

⁴⁴ Архив Высоцкого. РГАЛИ, ф. 3004, оп. 1, ед. хр. 133, л. 1.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

В синем небе колокольнями проколотом
 Медный колокол, гулкий колокол
 То ль возрадовался, то ли осерчал
 Купола в России кроют чистым золотом
 Чтобы легче Господь замечал,

либо уже практически так, как он и звучит в песне:

В синем небе колокольнями проколотом
 Медный колокол, медный колокол
 То ль возрадовался, то ли осерчал
 Купола в России кроют чистым золотом
 Чтобы легче Господь замечал.

Данные исправления, на наш взгляд, позволили Высоцкому создать образ звучащего колокола. Звучание колокола появляется в связи с аллитерацией звука [л] (в отрывке встречается 14 раз) в сочетании со звуками [о], [к], [м]. Эти сочетания приводят к устойчивому появлению образа раскачивающегося большого колокола, который ещё только начинает звучать, и звук плывёт медленно, плавно, солидно. Ведь по точному определению В. И. Даля большой колокол зовётся «Божьим гласом»⁴⁷. Отсюда становится понятным и выражение «то ль возрадовался, то ли осерчал», потому что колокол — Божий глас обращён одновременно и к праведникам, и к грешникам — ко всем.

Следует также сказать, что данный текст, находящийся в начале черновика, в финальном варианте попадает в середину, уступив начало сказочным птицам, что соответствует временной последовательности их появления.

Отрывок, посвящённый образу души, выглядит в данном автографе так:

Душу, сбитую камнями перекатами
 Если стёрся лоскут истончал
 Залатаю золотыми я заплатами
 Чтобы чаще Господь замечал⁴⁸.

Следует сказать, что сам образ здесь уже прорисован, намечены основные доминанты: душа, прошедшая перекааты, истончавший

⁴⁷ Даль В. И. Толковый словарь. Т. 2. С. 139.

⁴⁸ Архив Высоцкого. РГАЛИ, ф. 3004, оп. 1, ед. хр. 133, л. 1.

лоскут, золотая заплата. В цветовом решении найдены два цвета: белый и золотой (лоскут и заплата).

В финальном тексте мы видим, как данное образное решение приобретает новое звуковое очертание: из четверостишия Высоцкий перестраивает текст в пятистишие, добавляет красный цвет, усиливает аллитерацию, чем, по сути, создаёт дополнительную образность:

Душу, сбитую утратами да тратами,
 Душу, стёртую перекатами,—
 Если до крови лоскут истончал,—
 Залатаю золотыми я заплатами,
 Чтобы чаще Господь замечал!⁴⁹

Текст о душе, находящийся в середине черновика, в финальном варианте завершает произведение, чем автор, на наш взгляд, подчёркивает, что сущностью русского человека является его душа. Здесь слышны голоса маленьких колокольчиков, этот образ создаётся аллитерацией звука [т] (в отрывке встречается 14 раз) в сочетаниях со звуками [р], [у], [а]. Чем же мотивирован выбор автором данных языковых средств? В первом рассмотренном нами отрывке, на наш взгляд, говорится о самом храме, о колокольне-свече и о колоколе — гласе Божиим, который начинает звать. Во втором — нет колокола и колокольни, но есть храм — это душа, душа грешная и кающаяся, и есть свеча (золотые заплаты души — это свечи). Автор представляет нам душу, «сбитую утратами да тратами», «стёртую перекатами», т.е. грешную, но душу человека, несущего свой крест. Здесь важно и цветовое решение (часто встречающееся на иконах): белый, красный, золотой цвета являются определяющими для данного отрывка. Лоскут значит белый, чистый, и душа — светлая, чистая, душа человека, идущего через испытания. Поскольку лоскут истончал до крови, возникает красный цвет. Душа через покаяние и молитву очищающаяся, и тут же образ золотой заплаты — горящей свечи.

Здесь мы и слышим звучание маленьких колокольчиков, трепет душ, отвечающих большому колоколу. Так, в начале произведения звучит величие зазывающего колокола, и заканчивается оно трепетом перед этим величием. Не случайно ведь эта песня посвящена России,

⁴⁹ *Высоцкий В. С.* Собр. соч. : в 4 т. Т. 2. С. 209.

сказочно-загадочной стране, которую Высоцкий видит только верующей, неразрывно связанной с христианством. Именно эти два отрывка автор выделяет голосом при исполнении этого произведения, и тем самым усиливает их звучание.

Интересным в связи с отрывком о душе является представление контрастности движения в данном произведении (и появляется это уже в черновом варианте): внешнее движение — сонное, вялое («воздух... крут да вязок» (финальный текст), «воздух вязок» (черновик), «вязнут лошади» (и там, и там), они «влекут... сонной державою, что раскисла, опухла от сна» (финальный текст)) и бурное внутреннее движение, ведь душа «сбитая камнями перекатами» (черновик), «стёртая перекатами» (финальный текст) вообще представляется как текущая, словно река в людском потоке, ведь перекаты — это препятствия, наносы в русле реки. И чаще всего перекаты находятся в местах перехода потока из одной извилины в другую. «На таких участках поперечные течения одного направления затухают и зарождаются течения другого направления, поэтому здесь по всей ширине русла откладываются наносы»⁵⁰.

Следует сказать, что к теме души в рассматриваемом нами черновом варианте Высоцкий обращается дважды (в финальном варианте, как уже было сказано, один раз в последних строках), в середине и конце. Вот финальные строки черновика:

И какой бы непосильною работою
В той Люд честной в той стране отягчал
Всё же души ~~крыты~~ щедро крыты позолотою,
Чтобы легче Господь замечал⁵¹.

Ещё один образ, который появляется на страницах произведения, — это образ горящей свечи. Следует отметить, что, хотя слово «свеча» ни разу не встречается в данном произведении, её образ в финальном тексте появляется трижды. Первый раз свечу символизирует горящий на синем небе золотой купол храма; третий (если учитывать последовательность в тексте) — золотые заплаты души, т.е. свеча и молитва; второй раз образ свечи как бы проступает через само повествование (в финальном тексте) в строках:

⁵⁰ [Электронный песчупс] : <http://danube.principics.org.ua/loodsen/index.html> (дата обращения: 02.02.2013).

⁵¹ Архив Высоцкого. РГАЛИ, ф. 3004, оп. 1, ед. хр. 133, л. 1.

Я стою, как перед вечною загадкой,
Пред великою да сказочной страной —
Перед солоно- да горько-кисло-сладкою,
Голубою, родниковою, ржаною⁵².

Так как эти строки идут буквально после образа золотого купола на синем небе и имеют переключку в цветовом плане («голубою» и «ржаною», рожь ведь золотая), то они звучат как повторение образа-символа Руси золотого купола (свечи). Этот образ хоть и не ярко выражен, и читается ассоциативно, но напоминает о том, что и земная жизнь связана с Богом каждым своим мгновением.

Символ горящей свечи появляется уже в черновом варианте. Мы уже рассматривали образы золотого купола и золотой заплаты для души в данном черновике. Что же касается последнего приведённого нами четверостишия, то в черновом варианте оно выглядит так:

Я стаю, как перед вечною загадкой
Пред таинственной сказочной страной
Перед кисло-горько солоно и сладкой
Золотою, медно рыжею ржаною⁵³.

Здесь, на наш взгляд, цветовое решение смещено в сторону жёлтого («золотою, медно рыжею ржаною»), голубой цвет отсутствует. Однако это всё равно является ассоциативным повтором образа купола («золотою») и даже образа колокола («медно-рыжею»), последнее уже отсутствует в финальном тексте.

Следует сказать, что рассмотренные нами два черновых автографа «Куполов», имеют, как было показано выше, довольно разное содержание и образную наполненность, тем не менее они безусловно объединены общей темой и некоторыми совпадающими строками. Например, в первом рассмотренном нами автографе читаем:

И лежат дороги жирно да ржаво
Тонут ~~Вязнут~~ лошади по стремяна
Это что за такая держава
Не Россия ли это страна⁵⁴.

⁵² Высоцкий В. С. Собр. соч. : в 4 т. Т. 2. С. 208.

⁵³ Архив Высоцкого. РГАЛИ, ф. 3004, оп. 1, ед. хр. 133, л. 1.

⁵⁴ Архив ГКЦМ В. С. Высоцкого, КП 6274.

Во втором черновике находим этот же отрывок:

Вот лежат дороги жирно да ржаво
Вязнут лошади по стремяна
Это что за такая держава
Не Россия ли эта страна⁵⁵.

Если бы не произошло объединение, в конечном счёте два этих текста могли бы стать и двумя разными произведениями.

Кроме рассмотренных нами двух автографов, существует ещё ряд автографов и черновых (правда с незначительными правками), и чистовых (почти слово в слово повторяющих финальный текст произведения). Например, в РГАЛИ находятся два автографа, имеющих название «Песня о России»⁵⁶, в которых образно-смысловой ряд выстроен так же, как в финальном тексте, да и количество строк соответствует последнему варианту, отличаются лишь некоторые строки. Исправления свидетельствуют, что автора не устраивает предыдущая редакция. Вот пример из одного автографа:

Птица Силин мне радостно скалится
Слышу посвист зазывный из гнёзд
(Зазывает лукаво из гнёзд)
А напротив тоскует-печалится
Травит душу чудной (вопит) Алконост⁵⁷.

И этот же отрывок из другого автографа:

Птица Силин мне радостно скалится
[Зазывает из глиняных гнёзд] Слышен посвист зазывный
из гнёзд
А в ответ ему горько печалится
Травит душу, вопит Алконост [чудной]⁵⁸.

Как видно из процитированного, Высоцкий продолжает работать над образами птиц даже после того, как произошло объединение текстов двух автографов (так как здесь, как мы уже говорили, есть

⁵⁵ Архив Высоцкого. РГАЛИ, ф. 3004, оп. 1, ед. хр. 133, л. 3.

⁵⁶ Архив Высоцкого. РГАЛИ, ф. 3004, оп. 1, ед. хр. 133, л. 2, 3.

⁵⁷ Архив Высоцкого. РГАЛИ, ф. 3004, оп. 1, ед. хр. 133, л. 2.

⁵⁸ Архив Высоцкого. РГАЛИ, ф. 3004, оп. 1, ед. хр. 133, л. 1.

и образы птиц, и образы колокола, куполов, души и т.д.). Даже композиционно всё уже так же, как в финальном тексте. В поиске автор находится и в отношении последних пяти строк данного стихотворения. Вот, например, один из вариантов:

Душу, сбитую, да стёртую утратами
Как порогами-перекатами
Если до крови лоскут истончал
Залатаю золотыми я заплатами
Пусть блестит, что Господь замечал⁵⁹.

И из другого текста:

Душу, сбитую утратами, да тратами
Душу стёртую перекатами
Так что до крови лоскут истончал
Залатаю золотыми я заплатами
Пусть блестит, чтоб Господь замечал
[душу сбитую, (да стёртую) каменьями-перекатами
В странах, названных тридевятыми]
[Душу, стёртую каменьями щербатыми
Ложью (горем) стёртую, да утратами
Так что до крови лоскут истончал
Залатаю золотыми я заплатами
Пусть блестит, чтоб Господь замечал]
[Чтобы чаще Господь замечал]⁶⁰.

В последнем отрывке видно, что автора не устраивает ни ритмический рисунок, ни смысловая подача, он пытается нащупать вариант, в котором образно-смысловое видение будет также полно раскрываться через ритм и звук. Не зря этот отрывок в исполнении автора звучит завораживающе, а созданный здесь образ безошибочно передаёт то, что есть в каждом из нас.

Есть ещё один автограф, чистовой, так как в нём нет исправлений, кроме одного (исправлено заглавие). Здесь появляется новое название песни — «Купола» и в скобках «Песня старины», именно над заглавием

⁵⁹ Архив Высоцкого. РГАЛИ, ф. 3004, оп. 1, ед. хр. 133, л. 2.

⁶⁰ Архив Высоцкого. РГАЛИ, ф. 3004, оп. 1, ед. хр. 133, л. 1.

автор задумался, написал «историческая песня» и зачеркнул. Строка выглядит так:

Купола ~~историческая песня~~ (Песня старины)⁶¹.

Сам текст песни полностью совпадает с текстом, который звучал на концерте в Ленинграде в 1980 году и с публикацией в журнале «Эхо» (Париж, 1978), в последнем случае есть незначительные различия в пунктуации.

Изучение автографов «Куполов» показывает, что Высоцкий очень тщательно работал над своими произведениями, ощущающаяся лёгкость их восприятия слушателем — это результат кропотливого труда и над формой, и над содержанием. Для раскрытия столь сложной темы, как тема России, Высоцкий использует целый ряд образов, напрямую связанных с исконными корнями России. Мы показали, как поступательно в данном произведении появились образы сказочных птиц и вместе с этим мотив путешествия (дороги — символа жизни и движения), затем образы колокола, колокольни (символов православия) и в конечном счёте образ души русского человека, души беспокойной, ищущей, грешной, кающейся. Через эти образы Высоцкий передаёт целую серию чувств и ощущений, сливающихся воедино, противоречивых, но соединённых в объёмный единый образ — образ России. Вот сонная Россия, а вот душа русского человека с бурным движением внутри, мечущаяся, ищущая. Внешнее спокойствие — внутренняя буря. И всё это на фоне яркого, контрастного описания, где доминирующими являются цвета: голубой и жёлтый (золотой), красный и белый.

В творчестве Высоцкого есть произведения, в построении которых смысловой ключевой сюжетобразующей доминантой является икона. В песне «Две судьбы» именно обращение главного героя к Пресвятой Богородице решает его судьбу, это обращение является кульминацией произведения⁶². А в песне «Я из дела ушёл...» обращение героя к иконе — это рубеж, важнейший для его души, когда решается, свет или тьма ждёт впереди. Рассмотрим данное произведение подробнее.

⁶¹ Вспоминая Высоцкого. Интервью с Мишель Канн. 25.01.2016. [Электронный ресурс] : <https://news.am/rus/print/news/307989.html> (дата обращения: 02.07.2018).

⁶² См. подробнее: Ткачёва П. П. В. С. Высоцкий — поэт: в творческой лаборатории мастера. — М. : Летний сад, 2019. — 272 с.

Песня «Я из дела ушёл...» исполнялась поэтом на концертах и в дружеских компаниях. На сегодняшний день известно около девяти записей песни (полных и неполных)⁶³, существует запись, где Высоцкий читает фрагмент будущей песни, а также черновая рукопись текста, хранящаяся в РГАЛИ⁶⁴. При анализе мы будем опираться как на опубликованный после смерти Высоцкого текст этой песни, так и на черновую рукопись и записи.

«Я из дела ушёл...» — одно из произведений Высоцкого, где чётко прочитываются христианско-философские мотивы. В нём автор передаёт свои рассуждения о вечных вопросах бытия, в частности он обращается к теме жизни и смерти, описывает переход из одного состояния в другое. Первая строка «Я из дела ушёл, из такого хорошего дела...» является сюжетообразующей, поскольку здесь показано основное действие главного героя произведения. Что же хотел сказать этой строкой поэт? С одной стороны, «выйти из дела» — арх. «потерять способность здраво мыслить»⁶⁵, с другой — существуют два современных выражения, близких по значению: «ушёл из дома» и «ушёл от дел». Перед нами две предложно-падежные конструкции с предлогами «от» и «из», объединённые автором в одну новую. В выражении «ушёл из дома» мы имеем дело с предлогом «из», который в пространственном значении показывает направление действия откуда-нибудь, указывая на источник, место, пространство, откуда исходит действие. Здесь есть указание на исходную точку внутри объекта, и используется данный предлог с глаголом «ушёл», обозначающим перемещение предмета. Получается, что предлог «из» определяет перемещение из одного пространства в другое, т.е. в данном случае («ушёл из дома») перемещение за порог. Здесь глагол использован в прямом значении, в отличие от переносного значения этого же самого глагола в выражении «ушёл от дел», где «ушёл» в значении «отстранился», предлог «от» стоит перед предметом (явлением) от которого освобождаются. «Уйти от дел — перестать заниматься какими-нибудь делами»⁶⁶. Существует

⁶³ Архив ГКЦМ В.С. Высоцкого, ВС 5228/156, КП 7872, КП 8324/41, КП 8324/33, ВС 5228/152, ВС 5228/181, ВС 5228/157, КП 8442/9.

⁶⁴ Архив Высоцкого. РГАЛИ, ф. 3004, оп. 1, ед. хр. 90, л. 3, л. 3 об.

⁶⁵ Большой словарь русских поговорок. М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. С. 179.

⁶⁶ Толковый словарь русского языка : в 4 т. М. : ОГИЗ, 1940. Т. 4. С. 912.

ещё одно близкое по значению выражение, являющееся устойчивым, — «ушёл из жизни», т.е. умер. Таким образом, «я из дела ушёл» вбирает в себя все три предыдущие выражения, перед нами метафора перехода в иной мир, здесь не отстранение от дел, как это мы видим в выражении «ушёл от дел», а именно перемещение, смена места пребывания, на которое и указывает предлог «из». Данный уход сопровождается сожалением главного героя, это подчёркивается при помощи прилагательного «хороший»: «из такого хорошего дела». Указательное местоимение «такой», стоящее перед прилагательным «хороший» усиливает значение последнего, т.е. «дело», которое покидает главный герой не просто хорошее, а очень хорошее.

Три последующие строчки первого четверостишия, дополняя и развивая это основное действие, усиливают эффект метафоричности ухода, как бы нанизывая уточняющие действия:

Я из дела ушёл, из такого хорошего дела!
Ничего не унёс — отвалился в чём мать родила —
Не затем, что приспичило мне, — просто время пришло,
Из-за синей горы понагнало другие дела⁶⁷.

Подтверждает уход в мир иной и то, что главный герой «ничего не унёс» и «отвалился в чём мать родила». Последнее выражение имеет кольцевое построение, соединяющее начало и конец земной жизни героя. «Отвалиться — 1. Отпасть, отделиться от чего-нибудь... 2. Отстать, отойти, удалиться (простореч.)... // отстать от остальных (спорт)... // пресытившись, отодвинуться и окончить есть (простореч.)»⁶⁸. Т.е. герой удаляется, пресытившись, и удаляется «в чём мать родила» (фразеологический оборот, означающий, что человек «без одежды, совсем голый»⁶⁹). Сам по себе герой не торопился уйти: «не затем, что приспичило мне» («его или ему приспичило — пришла крайняя нужда, вынь да положь, роди да подай»⁷⁰). «Просто время пришло» — данное уточняющее выражение крайне интересно тем, что здесь глагол «приспеть», будучи в роли сказуемого, употреблён с существительным

⁶⁷ Высоцкий В. С. Сочинения : в 2 т. Т. 1. С. 348.

⁶⁸ Толковый словарь русского языка. Т. 2. С. 899.

⁶⁹ Толковый словарь русского языка. Т. 3. С. 1871.

⁷⁰ Даль В. И. Толковый словарь. Т. 3. С. 444.

«время», которое является в данном предложении подлежащим. «Приспеть — поспевать, быть к сроку, ко времени, явиться впору»⁷¹, т.е. уже сам глагол несёт в себе значение времени, в данном же выражении «время» поспевает «ко времени». Само время, успевающее вовремя, — это ещё одна метафора ухода. В этом выражении подчёркивается невозможность поворота, изменения данного события. И наконец даётся объяснение, почему всё произошло: потому что «из-за синей горы понагнало другие дела». Смеем предположить, что «синяя гора» появляется в этом стихотворении не случайно. В 70-е годы прошлого века стали появляться сообщения, что в Волгоградской области севернее Синей горы (её высота 293 метра над уровнем моря, это одна из самых высоких точек равнинной части России) расположено урочище Синяя гора, или Склон бешеных молний — сильнейшая аномальная зона, постоянно притягивающих к себе грозовые облака и разряды молний, влияющая на самочувствие людей и поведение животных. Были сообщения, что очевидцы нередко отмечали необычные световые явления над Склоном бешеных молний, там же иногда глохли двигатели у проезжающих автомобилей и пролетающих вертолётов. Отмечались случаи появления человекоподобных существ и повышенная активность НЛО⁷².

Данное четверостишие в рукописи выглядит так:

Я из дела ушёл, из большого, хорошего дела
 Ничего не унёс, отвалился в чём мать родила
 Не за тем, что приспичило мне, просто время пришло
 Из-за синей горы от того что в дали понагнало показались
 чужие дела
 И ещё от того, что явились важнее дела⁷³.

Из процитированного видно, что практически текст совпадает с уже разобранным, кроме первой строки, где вместо «из такого хорошего дела» читаем: «из большого, хорошего дела». Кстати, такой вариант исполнения тоже есть в записи⁷⁴. Но и местоимение «такое», и прилагательное

⁷¹ Даль В. И. Толковый словарь. Т. 3. С. 444.

⁷² Синяя гора [Электронный ресурс] : <http://vetert.ru/rossiya/volgogradskaya-oblast/sights/55-sinaya-gora.php> (дата обращения: 12.04.2021).

⁷³ Архив Высоцкого. РГАЛИ, ф. 3004, оп. 1, ед. хр. 90, л. 3.

⁷⁴ Архив ГКЦМ В. С. Высоцкого, КП 8324/41, ВС 5228/181.

«большое» в принципе указывают на одно и то же, на то, что дело было весьма стоящим. Также в рукописи видна работа над последней строкой, поэт пытается сформулировать причину ухода. Вначале он пишет: «Из-за синей горы от того что в дали понагнало ~~показались~~ чужие дела». Но видимо относительное прилагательное «чужие» его не до конца удовлетворяет, т. к. аргументировать уход из «большого, хорошего дела», явно своего дела появлением «чужих дел» не совсем убедительно. Ведь «чужой» — это «не свой, сторонний, собь другого»⁷⁵, «в чужое дело не суйся»⁷⁶. Тогда «чужие дела» Высоцкий заменяет на «важные»: «~~И ещё от того, что явились важнее дела~~», но меняется смысл фразы и нарушается ритмический рисунок, поэтому он её зачёркивает и оставляет предыдущую запись. Между тем уже в конце рукописи появляется нужный вариант: «из за синей горы понагнало другие дела»⁷⁷. Относительное прилагательное «чужие» поэт меняет на определительное местоимение «другие», которое указывает на признак предмета, но не называет его. «Другие дела» могут быть и большими, и важными, и какими угодно, они просто другие, потому что герой попадает в иное измерение.

Переданный в четверостишии метафорический уход из жизни главного героя является завязкой данного произведения. В отличие от многих произведений, где после ухода передаются исключительно земные события, в данном произведении показано путешествие ушедшего из жизни героя. Предваряется это путешествие четверостишием, отсылающим нас к библейским текстам:

Мы многое из книжек узнаём,
А истины передают изустно:
«Пророков нет в отечестве своём», —
Но и в других отечествах — не густо⁷⁸.

Основное выражение данного четверостишия: «Пророков нет в отечестве своём» сложилось на основе евангельского стиха (Мф. 13:57). В главе 13 Евангелия от Матфея приведены притчи Иисуса о сеятеле,

⁷⁵ Даль В. И. Толковый словарь. Т. 4. С. 613.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Архив Высоцкого. РГАЛИ, ф. 3004, оп. 1, ед. хр. 90, л. 3.

⁷⁸ Высоцкий В. С. Сочинения : в 2 т. Т. 1. С. 348–349.

о пшенице и плевелах, о зерне горчичном, о закваске, о скрытом сокровище, о жемчужине, о неводе.

Заканчивается эта глава так: *И, когда окончил Иисус притчи сии, пошел оттуда. И, придя в отечество Свое, учил их в синагоге их, так что они изумлялись и говорили: откуда у Него такая премудрость и силы? Не плотников ли Он сын? Не Его ли Мать называется Мария, и братья Его Иаков, и Иосий, и Симон, и Иуда? И сестры Его не все ли между нами? Откуда же у Него всё это? И соблазнялись о Нем. Иисус же сказал им: не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и в доме своём. И не совершил там многих чудес по неверию их* (Мф. 13:53–58).

Высоцкий даёт отсылку к данной библейской теме, позволяя главному герою, как бы оборачиваясь назад, всматриваясь в свои земные дела, обронить фразу, напрямую связанную с творчеством самого автора:

Мы многое из книжек узнаём,
А истины передают изустно⁷⁹.

Ведь при жизни не было напечатано ни одной книги поэта, но его произведения знала и любила вся страна. Они на самом деле передавались «изустно». Мы разобрали исполняемый вариант, а вот рукопись:

Мы ~~истины на шкуре~~ многое с ~~годами~~ познаём
Читают их, А верные истины передают изустно:
«Пророков нет в отечестве своём»
Да! И в других отечества не густо⁸⁰.

Исполняемая фраза «Мы многое из книжек узнаем»⁸¹, сначала была «Мы ~~истины на шкуре~~ многое с ~~годами~~ познаём»⁸². И в данном черновике фраза так и не была до конца сформулирована. Хотя само фразеологическое выражение «познать на собственной шкуре» довольно интересно с точки зрения добавления иной смысловой нагрузки в текст, т.е. познание исключительно через личный опыт, Высоцкий меняет на познание через опыт других — «из книг», затем

⁷⁹ Высоцкий В. С. Сочинения : в 2 т. Т. 1. С. 348.

⁸⁰ Архив Высоцкого. РГАЛИ, ф. 3004, оп. 1, ед. хр. 90, л. 3.

⁸¹ Архив ГКЦМ В. С. Высоцкого, КП 41/8324.

⁸² Архив Высоцкого. РГАЛИ, ф. 3004, оп. 1, ед. хр. 90, л. 3.

он противопоставляет познание из книг (печатное) и устное познание. Далее в тексте рукописи идут строки, которые встречаются не во всех исполнениях и которые публикаторы вставляют в лучшем случае в комментарии к данному произведению:

~~Я друзей не подвёл, даже выиграл кто-то~~
~~Никого~~

Я не про~~е~~дал друзей ~~не подвёл~~ без меня даже выиграл кто-то
 Я подвёл одного, ненадолго, сочтёмся потом
 Я из дела исчез, не оставил ни крови, ни пота
 А оно, ~~говоря~~т видит Бог, покатилося своим чередом.
 И оно без меня⁸³.

Исполнялись оба варианта последней строчки, которые уже здесь есть: «А оно, видит Бог, покатилося своим чередом»⁸⁴ и «И оно без меня покатилося своим чередом»⁸⁵. Уход героя почти не заметен для существования мира в целом; «большое, хорошее дело» вырастает до масштабов земной цивилизации, которая вечно катится «своим чередом». Как ни цинично это звучит, но Высоцкий прав, говоря: «без меня даже выиграл кто-то», философия бытия заключается в том, что кто-то уходит, а на его место приходит другой, и так бесконечно живёт этот мир.

Как уже говорилось выше, герой переступил последнюю черту:

Растащили меня, но я счастлив, что львиную долю
 Получили лишь те, кому я б её отдал и так⁸⁶.

Данные строчки напоминают наследование, когда кому-то что-то достаётся после смерти родственника, только Высоцкий пишет «растащили меня», а не «растащили моё». Он употребляет личное местоимение «меня», указывающее на лицо, о котором идёт речь, вместо притяжательного местоимения «моё», указывающее на принадлежность объекта субъекту. Заменяв притяжательное местоимение личным, автор подчёркивает, что речь идёт отнюдь не о материальных ценностях, а о творчестве, о том, что является сущностью поэта и, безусловно,

⁸³ Архив Высоцкого. РГАЛИ, ф. 3004, оп. 1, ед. хр. 90, л. 3.

⁸⁴ Архив ГКЦМ В. С. Высоцкого, ВС 5228/156.

⁸⁵ Архив ГКЦМ В. С. Высоцкого, ВС 157/5228.

⁸⁶ *Высоцкий В. С. Сочинения* : в 2 т. Т. 1. С. 349.

выражается как личное я, и это ещё один намёк на отождествление главного героя произведения с личностью автора. В этом произведении 1973 года Высоцкий как бы проигрывает свой собственный уход, то, что случится в 1980 году Между тем путь главного героя продолжается, он лишь мельком замечает суету земного мира, но сам уже остановиться не может. Данное движение сопряжено с трудностями, ведь пол скользкий, а подниматься нужно вверх:

Я по скользкому полу иду, каблуки канифолю,
Подымаюсь по лестнице и прохожу на чердак⁸⁷.

И ниже читаем:

А внизу говорят — от добра ли, от зла ли, не знаю:
«Хорошо, что ушёл, — без него стало дело верней!»
Паутину в углу с образов я ногтями сдираю,
Тороплюсь — потому что за домом седлают коней⁸⁸.

Герой — на каблуках, которые он вынужден канифолить (натирать до скользящей гладкости, ведь канифолить — это натирать канифолью, например, смычок). То, что герой в такой обуви становится понятно, когда мы обращаем внимание на последнюю строку из процитированных, ведь уже «седлают коней». Если мы обратимся к истории происхождения обуви с каблуками, то данный текст становится ещё более понятным. Ведь каблуки изобрели и длительный период носили исключительно мужчины. «Появились они как приспособление для верховой езды (каблук не давал пятке при плохой посадке проскользнуть в стремя и застрять там)»⁸⁹.

Вот эта часть в рукописи:

И уже говорят — от добра ли от зла ли не знаю
~~Мол прекрасно~~ Даже лучше, что нет в этом подлинном
деле меня!
Нет греха на душе
~~Получил человек, я б ему даже отдал и так~~

⁸⁷ Высоцкий В. С. Сочинения : в 2 т. Т. 1. С. 349.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Журнал [Электронный ресурс] : <http://make-your-style.livejournal.com> (дата обращения: 03.03.2016).

~~хорошо~~ ~~хоть~~

Растащили меня, но я счастлив, что львиную долю
Получил ~~человек~~ только тот, кому я б её отдал и так
Я по скользкому полу иду, каблуки канифолю
Поднимаюсь по лестнице и прохожу на чердак.
~~Незаменимых~~ и нет² ~~незаменимых~~¹, и пропоём
~~Хвалу~~, За упокой ушедшим — будь им пусто.
Пророков нет в отечестве своём
Да и в других отечествах не густо
А внизу говорят — от добра ли от зла ли не знаю
Хорошо, что ушёл — стало² дело ~~крепче~~, верней³, без него¹
Ну, а я с чердака за потугами стараниями их наблюдаю
Я ногтями⁴ в углах² с образов³ паутину¹ сдираю
Я спешу, тороплюсь, потому что за домом седлают коней⁹⁰.

Герой уже не просто смотрит на земную суету, он достаточно поднялся вверх, и теперь, когда он обращает внимание на земную жизнь, он вынужден смотреть вниз «с чердака», но этот взгляд им брошен лишь на мгновение, потому что он должен продолжать своё движение вверх. И теперь это уже движение вверх руками и глазами. Ведь когда он сдирает паутину, происходит резкое движение к Небесам. Темная паутина на чердаке расступается как мрак и наступает время света:

Открылся лик — я встал к нему лицом,
И он поведал мне светло и грустно:
«Пророков нет в отечестве своём,—
Но и в других отечествах — не густо»⁹¹.

Это же место в рукописи:

Открылся лик я стал к нему лицом:
И он сказал ответил мне ни весело ни грустно (светло
и грустно)
Пророков нет в отечестве своём,
Но и в других отечествах не густо⁹².

⁹⁰ Архив Высоцкого. РГАЛИ, ф. 3004, оп. 1, ед. хр. 90, л. 3.

⁹¹ *Высоцкий В. С. Сочинения* : в 2 т. Т. 1. С. 349.

⁹² Архив Высоцкого. РГАЛИ, ф. 3004, оп. 1, ед. хр. 90, л. 3.

Это же место в записи, сделанной в Москве (библиотека № 60):

Открылся лик, остались мы вдвоём...
И он поведал мне светло и грустно:
«Пророков нет в отечестве своём,—
Но и в других отечествах — не густо»⁹³.

Происходит объединение уже затронутой в начале произведения библейской темы и иконы, найденной героем на чердаке. Высоцкий не даёт нам название иконы, но из-за данного соединения становится понятно, что это лик Христа. Интересным, на наш взгляд, является сочетание двух слов «лик» и «лицо»: «Открылся лик — я встал к нему лицом». В современных словарях слово «лик» отнесено в разряд книжных: «1. Лицо, облик человека... 2. Изображение лица святого (церк.)»⁹⁴. По определению Даля данное слово имеет возвышенное значение. Однако и слово «лицо» Далем рассматривается как «представитель высших духовных даров: лоб — небесная любовь; глаза — разуменье, разумное созерцанье; уши — пониманье и послушанье; нос — постижение добра; щеки — постижение духовных истин; рот — мысль и ученье; губы — духовная хвала; борода — внешность ученья»⁹⁵. Среди производных В. И. Даль приводит и слово «лицетворитель» в значении «поэт, писатель, сочинитель». С одной стороны, Божественный Лик, с другой — лицо человека, созданного по образу и подобию Божию.

Интересным, на наш взгляд, является и вариант, однажды исполненный Высоцким и оставшийся на плёнке: «Открылся лик, остались мы вдвоём». Миг, когда герой наедине с Богом, всё остальное уже не имеет значения. Перед нами кульминация произведения, решающий момент как для главного героя, так и для произведения в целом. Мгновенье встречи и мгновенье принятия решения: Свет или тьма? Свет:

Я влетаю в седло, я вырастаю в коня — тело в тело,—
Конь падёт подо мной — я уже закусил удила!
Я из дела ушёл, из такого хорошего дела:
Из-за синей горы понагнало другие дела.

⁹³ Архив ГКЦМ В. С. Высоцкого, КП 7872.

⁹⁴ Толковый словарь русского языка. Т. 2. С. 59.

⁹⁵ *Даль В. И.* Толковый словарь. Т. 2. С. 258.

Скачу — хрустят колосья под конём,
 Но ясно различаю из-за хруста:
 «Пророков нет в отечестве своём,—
 Но и в других отечествах — не густо»⁹⁶.

Герой улетает в Свет (невообразимо сильное чувство полёта), уже нет упоминания, что он идёт куда-то сам, где-то садиться в седло, он «влетает» в седло и «врастает» в коня. Конь и герой становятся единым целым. Для чего? Может быть, для того, чтобы конь смог перенести героя. Ведь «роль проводника на „тот свет“ (на вершину стеклянной горы и т.п.) выполняет волшебный конь — помощник сказочного героя (Сивка-Бурка, Конёк-Горбунок и т.п.)»⁹⁷. «Конь падёт подо мной — я уже закусил удила!» — фраза интересна прежде всего тем, что она опять подтверждает единение коня и героя. Конь закусил удила, т.е. вышел из повиновения, перестал чувствовать управление уздой и несётся сам по себе, в данном случае сам главный герой, будучи единым целым с конём, уже не считается с обстоятельствами и здравым смыслом, летит столь стремительно, что чувствует: «конь падёт подо мной». Но полёт продолжается непрерывно, потому что далее читаем: «скачу — хрустят колосья под конём». Этот полёт — смерть и воскрешение или мера весов, на которых взвешиваются проступки и добрые дела? Всё, что нам ясно — это то, что герой остаётся во власти Света. Он скачет по жёлтому полю колосьев. Поле спелой пшеницы — символ Света в творчестве Высоцкого, об этом мы уже говорили, когда анализировали «Купола». Здесь же мы хотим провести ещё одну параллель, но уже не с творчеством самого Высоцкого, а с библейскими притчами о сеятеле и о пшенице и плевелах, где посеянное зерно — мера добра и зла, а всходы определяют эту меру. Поэт тот же сеятель, золотое поле — надежда поэта, что то, с чем он пытается достучаться до нас, даст свои прекрасные всходы.

Вот как этот отрывок выглядит в рукописном варианте:

Я влетаю в седло, я врастаю в коня, тело в тело
 Конь падёт подо мной, да и я ~~уже~~ закусил удила
 Конь уздечку грызёт, да и я закусил удила

⁹⁶ Высоцкий В. С. Сочинения : в 2 т. Т. 1. С. 349.

⁹⁷ Адамчик В. В. Указ. соч. С. 306.

Я из дела ушёл из такого хорошего дела.
Из за синей горы понагнало другие дела.
Скачу я, ~~трава~~ ~~травы~~ хрустят колосья под конём
И ~~я ясно различаю~~ вечных слов не слышно из-за хруста
«Пророков нет в отечестве своём
Но и в других отечествах не густо».
Но бьют копыта ритм...⁹⁸

Рукописный вариант интересен, во-первых, тем, что последняя строчка «но бьют копыта ритм...» говорит о замысле поэта продолжить текст, но фраза так и осталась незавершённой. Во-вторых, было написано два варианта — исполняемый и оставшийся только на бумаге: «И ~~я ясно различаю~~ вечных слов не слышно из-за хруста». Причём исполняемый зачёркнут, остаётся дополнительный, когда герой уже не слышит «вечных слов». Ему это уже безразлично, в новом измерении всё по-другому, и, улетаая в Свет, герой забывает фразу, которая его мучила, к которой он возвращался несколько раз на протяжении этого небольшого произведения. А ведь именно ради этой фразы написана песня. Существует запись, сделанная 10 декабря 1972 года в Москве на квартире у Л. П. Делюсина, где Высоцкий говорит: «Там просто начинается... Это, наверное, стихи будут:

Пророков нет, не сыщешь днём с огнём,
Ушли и Магомет, и Заратустра.
Пророков нет в Отечестве своём,
Но и в других отечествах не густо»⁹⁹.

И это — весь текст, записанный у Л. П. Делюсина и относящийся к разбираемому нами произведению. Так начиналась работа над песней «Я из дела ушёл...».

«Я из дела ушёл...» — это произведение-путешествие: в тексте заложена динамика движения, здесь есть описание путешествия, краткий рассказ о том, что видел герой во время данного путешествия, и, безусловно, философские размышления и переживания героя. Но это путешествие необыкновенное, это метафорический уход героя из жизни, о котором он сам нам поведал, оно является полностью

⁹⁸ Архив Высоцкого. РГАЛИ, ф. 3004, оп. 1, ед. хр. 90, л. 3 об.

⁹⁹ Архив ГКЦМ В. С. Высоцкого, ВС 152/5228.

вымышленным, и это путешествие в один конец. Метафорическим символом, определяющим Рубикон данного путешествия, является обращение главного героя к иконе — это основная кульминация произведения, именно с обращения к иконе начинается движение героя к Небесам, это есть точка невозврата, рубеж перехода из одного мира в другой. Сложно сказать: лик, пред которым предстал герой — это лишь икона, или при переходе в мир иной герой видит самого Спасителя, призвавшего его к Себе? Взгляд, направленный на героя столь выразителен, что остаётся ощущение присутствия Господа в это мгновение.

Мы разобрали три песни В. С. Высоцкого, каждая из них по-своему отражает видение автором нашего мира через призму христианских ценностей. Обращаясь к вечным вопросам бытия и стараясь прежде всего для себя решить извечный вопрос «Быть или не быть?» (погрязнуть в суете или испить до дна чашу, нести до конца свой крест), Высоцкий опирается на библейские тексты. В своих произведениях Высоцкий пытается показать душу русского человека, мечущуюся, в вечном поиске, но душу искренне верующего человека, и Россию, сказочно-загадочную страну, которую Высоцкий видит неразрывно связанной с христианством, Россию, могучую силой веры своей, своими куполами, колоколами и искреннею молитвою, которая позволяет открывать вечные ценности и видеть чудеса.

Источники и литература

1. *Адамчик В. В.* Словарь славянской мифологии. — Минск : Харвест, 2010. — 639 с.
2. *Архив Высоцкого.* РГАЛИ, ф. 3004, оп. 1, ед.хр. 44, л.3, л 3 об.
3. *Архив Высоцкого.* РГАЛИ, ф. 3004, оп. 1, ед. хр. 90, л. 3, л. 3 об.
4. *Архив Высоцкого.* РГАЛИ, ф. 3004, оп. 1, ед. хр. 133, листы 1–3.
5. *Архив ГКЦМ В. С. Высоцкого,* КП 6274.
6. *Архив ГКЦМ В. С. Высоцкого,* КП 7872.
7. *Архив ГКЦМ В. С. Высоцкого,* КП 8324/33.
8. *Архив ГКЦМ В. С. Высоцкого,* КП 8324/41.
9. *Архив ГКЦМ В. С. Высоцкого,* КП 8442/9.
10. *Архив ГКЦМ В. С. Высоцкого,* ВС 5228/152.
11. *Архив ГКЦМ В. С. Высоцкого,* ВС 5228/156.
12. *Архив ГКЦМ В. С. Высоцкого,* ВС 5228/157.
13. *Архив ГКЦМ В. С. Высоцкого,* ВС 5228/181.

14. Архив ГКЦМ В. С. Высоцкого, ВС 5228/209.
15. Блок А. А. Собр. соч.: в 8 т. — М.; Л. : ГИХЛ, 1960. — Т. 1. Стихотворения 1897–1904. — 716 с.
16. Большой словарь русских поговорок. — М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. — 784 с.
17. Большой фразеологический словарь русского языка. — М : АСТ-Пресс; Е. Н. Телия, 2008. В оцифрованном виде документ доступен здесь: phrase_dictionary.academic.ru, (дата обращения: 07.11.2016).
18. Вспоминая Высоцкого. Интервью с Мишель Канн. 25.01.2016. [Электронный ресурс]: <https://news.am/rus/print//news/307989.html> (дата обращения: 02.07.2018).
19. Высоцкий В. С. Купола // Эхо. 1978. № 3. С. 6–7.
20. Высоцкий В. С. Нерв: Стихи. — 2-е изд. — М. : Современник, 1982. — 239 с.
21. Высоцкий В. С. Собр. соч.: в 4 т. — М. : Время, 2008. — Т. 1: Песни. 1961–1970. — 400 с.; Т. 2: Песни. 1971–1980. — 368 с.
22. Высоцкий В. С. Собр. соч.: в 5 т. — Тула : Тулица, 1997. — Т. 3: Песни и стихи. 1973–1975. — 405 с.
23. Высоцкий В. С. Сочинения: в 2 т. — Екатеринбург : У-Фактория, 1999. — Т. 1: Песни. — 544 с.
24. Высоцкий В. С. Сочинения: в 2 т. — М. : Худож. лит., 1990. — Т. 1: Песни. — 638 с.
25. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. — М. : Рус. яз., 1981–1982.
26. Журнал. [Электронный ресурс]: <http://make-your-style.livejournal.com> (дата обращения: 03.03.2016).
27. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. Институт научной информации по общественным наукам РАН. — М. : НПК «Интел-вак», 2001. — 1600 стб.
28. Мифология: энциклопедия. — М. : Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 2008. — 736 с.
29. Пономарёв Е. Р. Типология советского путешествия. «Путешествие на Запад» в русской литературе 1920–1930-х годов. — В оцифрованном виде документ доступен здесь: <http://www.pushkinskijdom.ru> (дата обращения: 03.03.2016).
30. Синяя гора. [Электронный ресурс]: <http://vetert.ru/rossiya/volgogradskaya-oblast/sights/55-sinyaya-gora.php> (дата обращения: 12.04.2021).
31. Ткачёва П. П. Формирование инновационных сатирико-юмористических жанров. — Минск : БГУ, 2013. — 243 с.
32. Ткачёва П. П. В. С. Высоцкий — поэт: в творческой лаборатории мастера. — М. : Летний сад, 2019. — 272 с.
33. Толковый словарь русского языка: в 4 т. — М. : ОГИЗ, 1938–1940.
34. Электронная энциклопедия / под ред. д. ф. н. Е. А. Осиповой. — В оцифрованном виде документ доступен здесь: <http://mifologia.osipova-pr.com/soderjanie/slavyane/sirin> (дата обращения: 25.11.2014).
35. [Электронный ресурс]: <http://danube.principics.org.ua/loodsen/index.html> (дата обращения: 02.02.2013).

Православие и язык

Сергей Владимирович Феликсов¹

«Церковный словарь» протоиерея Петра Алексеева: история изданий и лингвотекстологическое описание

Статья посвящена рассмотрению одного из ценнейших памятников отечественной культуры XVIII века — «Церковного словаря» протоиерея Петра Алексеева, являющегося первым в истории русской лексикографии сочинением, наиболее полно описывающим лексику церковной сферы употребления. В работе приводятся основные сведения, касающиеся истории публикации «Церковного словаря», а также представлено лингвотекстологическое описание его первых двух изданий, осуществлённых в период с 1773 по 1794 годы.

Ключевые слова: церковный словарь, Пётр Алексеев, православие, XVIII век, русская лексикография, экзегетика.

*Церковныхъ пользу книгъ, въ нихъ важность слова Россовъ,
Пространно доказаль великій Ломоносовъ*

.....
*И се реченіямъ изъ книгъ тѣхъ извлеченнымъ
Со изъясненіемъ зримъ полный алфавитъ:
Симъ благомъ общество священный мужъ дарить.
Ученый свѣтъ его за трудъ сей почитаетъ,
И славу тѣмъ себѣ онъ память оставляетъ.*

Василей Рубанъ
Надпись к «Церковному словарю», 1776 год

«Церковный словарь» (далее ЦС) протоиерея Петра Алексеева² — первый в истории отечественной культуры фундаментальный лексикографический труд как филологического, так и историко-экзегетического

¹ **Феликсов Сергей Владимирович** — заведующий кафедрой филологии Перервинской духовной семинарии, доцент кафедры педагогики историко-филологического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, кандидат филологических наук. Адрес для корреспонденции: svfeliksov@gmail.com.

² П. А. Алексеев (1727–1801 гг.) — священнослужитель Русской Православной Церкви, ключарь Успенского собора Московского Кремля, профессор и член Вольного русского общества Императорского Московского университета, член Российской Императорской Академии.

характера³, представляющий собой, по словам академика И. И. Срезневского, «краткую Энциклопедию ученых и церковных терминов»⁴. Богословско-филологические штудии, нашедшие отражение в ЦС, стали непосредственным продолжением тех библейских исследований русских учёных, которые были начаты в связи с подготовкой к изданию Елизаветинской Библии, при этом сам труд П. А. Алексеева явился своеобразным справочным дополнением к этому изданию⁵.

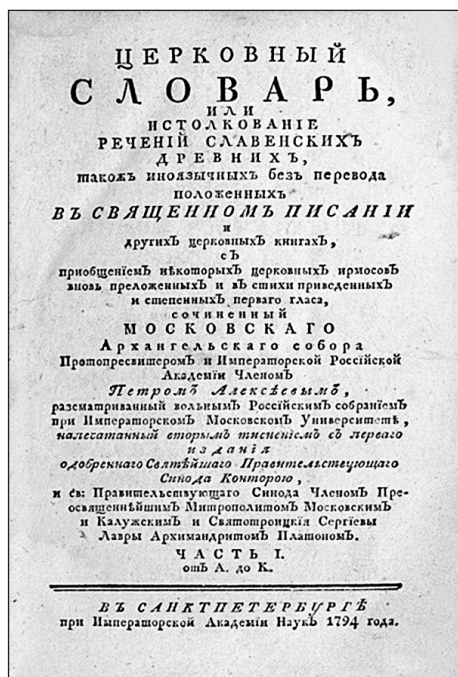

Рис. 1. Титульный лист
«Церковного словаря»

Рис. 2. Портрет протоиерея
Петра Алексеева, помещённый
в «Церковном словаре»

³ Венгеровъ С. А. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ (отъ начала русской образованности до нашихъ дней). СПб. : Семеновская Типо-литография, 1889. Т. 1. С. 398.

⁴ Срезневскій И. И. Словарь Церковно-Словянскаго и Русскаго языка, составленный II Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ // Журналъ министерства народнаго просвѣщенія. 1848. №6. С. 222.

⁵ Подробнее см.: Феликсов С. В. «Церковный словарь» протоиерея Петра Алексеева // Русская речь. Научно-популярный журнал Российской академии наук. М., 2009. № 3. С. 80–87. Феликсов С. В. Образцы филологической экзегезы Священного Писания в произведениях русской лексикографии второй половины XVIII века (на примере «Церковного словаря» протоиерея П. А. Алексеева) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 1. С. 64–77.

Несмотря на свою значимость для русской культуры, необходимо констатировать, что ЦС вплоть до настоящего времени не был объектом специального научного анализа в аспекте заявленной темы. Учитывая данное положение дел, в предлагаемой работе делается попытка заполнить в определённой мере существующую в науке лакуну, представив основные сведения, касающиеся истории изданий ЦС и их лингвотекстологическое описание⁶.

В период с 1773 по 1819 гг. ЦС выдержал четыре издания, став для своего времени «явленіемъ въ высшей степени замѣчательнымъ»⁷. Потребность в изданиях ЦС была обусловлена зарождавшейся в то время в российском обществе традицией домашнего чтения Священного Писания, а также развитием отечественной научной богословской и педагогической мысли.

Первое издание ЦС, однотомное, ставшее «самымъ важнымъ трудомъ, изданнымъ вольнымъ российскимъ собраніемъ»⁸, вышло в 1773 году в типографии Императорского Московского университета, оно содержит более 4300 словарных статей⁹. В 1776 году издаётся «Дополненіе къ Церковному словарю», в котором П. А. Алексеев, по собственному замечанию, «собрал еще нѣсколько иноязычных и древнихъ Славенскихъ реченій»¹⁰, расположив их по алфавиту; оно насчитывает около 3900 словарных статей. В 1779 году выходит «Продолженіе Церковнаго словаря»¹¹, содержащее около 1600 словарных статей¹².

Во втором издании, осуществлённом в 1794 году, П. А. Алексеев привёл «въ одинъ азбучный порядокъ»¹³ и дополнил вышедшие ранее части ЦС, напечатав его в трёх томах в Санкт-Петербурге при Императорской Академии наук; это издание включает в себя около 9800 словарных статей¹⁴.

⁶ В работе представлено лингвотекстологическое описание изданий ЦС, вышедших при жизни автора в период с 1773 по 1794 годы.

⁷ Сухомлиновъ М. И. Исторія російской Академіи. СПб., 1874. Т. I. С. 334.

⁸ Там же. С. 340.

⁹ Алексѣевъ П. А. Церковный словарь. М. : Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1773. 396 с.

¹⁰ Алексѣевъ П. А. Дополненіе къ Церковному словарю. М. : Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1776. 324 с.

¹¹ Алексѣевъ П. А. Продолженіе Церковнаго словаря. М. : Тип. Имп. Моск. ун-та, 1779. 299 с.

¹² В письме к Г. А. Потёмкину П. А. Алексеев просил князя «поднести особой экземпляръ» «Продолжения Церковнаго словаря» государыне Екатерине II за своей рекомендацией. См. подробнее: Русский архив. 1863 (Год первый). № 2. С. 929.

¹³ Энциклопедическій лексиконъ. Т. I. СПб. : Типографія А. Плюшара, 1835.

¹⁴ Алексѣевъ П. А. Церковный словарь. СПб. : При Имп. Акад. Наук, 1794.

Первые два издания ЦС были одобрены к печати Конторою Святейшего Правительствующего Синода и Митрополитом Московским Платоном (Левшиным).

Последующие издания ЦС были осуществлены после смерти автора.

Третье издание ЦС, состоящее из четырёх частей, вышло в 1815–1816 годах в Москве в Синодальной типографии, включая в себя более 10 400 словарных статей¹⁵. В Предисловии к изданию сказано, что оно было осуществлено трудами «Корректоровъ Московской Синодальной Типографіи», а также «одного из Духовныхъ Особъ», «извѣстнаго» в обществе своими «учеными трудами», который, «желая Публикѣ доставить полезную книгу въ исправнѣйшемъ видѣ, принявъ на себя трудъ, всѣ тексты и ссылки на Священное Писаніе», содержащиеся в ЦС, «рачительнѣйше пересмотрѣть, повѣрить и исправить»¹⁶. Кроме того, это издание было пополнено «болѣе 1000 слов и рѣченій въ прежнихъ изданіяхъ непомѣщенныхъ»¹⁷. Эти словарные материалы были найдены в «бумагахъ» П. А. Алексеева после его смерти¹⁸. Третье издание ЦС было одобрено к печати Московской духовной цензурой, однако во многие «церковные статьи», по свидетельству митрополита Евгения Болховитинова, были внесены значительные «поправки»¹⁹.

Четвёртое издание ЦС было подготовлено двумя членами Российской Императорской Академии: Д. М. Соколов, являвшийся Казначеем Российской Академии, осуществил печатание ЦС до буквы «С», после его смерти в 1819 году работу по изданию завершил «Непременный Секретарь» Российской Академии — П. И. Соколов. В Предуведомлении, написанном от лица его издателей, сообщается о том, что при новом, четвёртом, издании ЦС покойного протоиерея П. А. Алексеева они, желая сделать его «сколько возможно, полнѣе и совершеннѣе, не токмо не упустили исправить погрѣшности и недостатки, усмотрѣнные ими въ прежнихъ изданіяхъ, но и приумножили оное новымъ

¹⁵ Алексѣевъ П. А. Церковный словарь. М. : Синодальная Типографія, 1815–1816.

¹⁶ Там же. С. V–VI.

¹⁷ Там же. С. V.

¹⁸ Там же. С. V.

¹⁹ Евгений (Болховитиновъ), митр. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-российской церкви. М., 1995. С. 264.

дополнѣніемъ разныхъ словъ и рѣченій... собранныхъ чрезъ прочтеніе изъ Библіи и изъ многихъ другихъ церковныхъ книгъ и духовныхъ отеческихъ твореній, которое они имѣли случай приобрести частію отъ самого сочинителя еще при жизни его, частію же отъ другихъ любителей Славенскаго языка», надеясь таким образом «принести новую пользу просвѣщенной Публикѣ»²⁰. Четвёртое издание ЦС было опубликовано в пяти частях в 1817–1819 годах в Санкт-Петербурге в Типографии Ивана Глазунова, в нём содержится более 15300 словарных статей. Печатание ЦС было одобрено Цензурным Комитетом за подписью петербургского цензора И. О. Тимковского.

Несмотря на положительное цензурное решение со стороны церковных властей, как видно, первые два издания ЦС, вышедшие при жизни П. А. Алексеева, а также четвёртое издание были напечатаны в светских типографиях. Данное обстоятельство, безусловно, нарушавшее устоявшуюся традицию, связанную с книгопечатанием церковных книг, объясняется, по-видимому, тем, что ко второй половине XVIII в. культурный конфликт, проявлявшийся в оппозиции церковнославянского и русского языков, ощущается общественным языковым сознанием не так остро, как это было в начале века, а образовавшееся ко времени издания ЦС «гражданское наречие» получает «отсутствовавший у него прежде престиж»²¹, постепенно «захватывая» область богословской литературы, и начинает в целом претендовать на роль «универсального языка культуры»²². Помимо этого, безусловно, на окончательное решение относительно типографии, в которой должен быть издан ЦС, непосредственное влияние оказал и статус самого П. А. Алексеева, занимавшего к тому времени должность профессора Московского университета, а также являвшегося членом Академии Российской.

Выбор светской типографии обусловил использование при печати ЦС гражданской азбуки (в последней ко времени выхода труда П. А. Алексеева её редакции, которую она получила в 1758 г. решением Академии наук). Указанное обстоятельство, а также тот факт, что ЦС

²⁰ Алексѣевъ П. А. Церковный словарь. СПб. : Типографія Ивана Глазунова, 1817–1819.

²¹ Живов В. М. История языка русской письменности. М. : Университет Дмитрия Пожарского, 2017. Т. 2. С. 1087.

²² Там же. С. 954.

был создан как толковательное руководство для изучения славянской Библии и церковных книг, не могли не повлечь за собой совмещения в его тексте элементов графической системы гражданicy и кириллицы, порождая различного рода семиотические противоречия. При кодификации лексики П. А. Алексеев, с одной стороны, опирался на авторитет церковных книг, с целью узнавания читателем фиксируя слово в той графико-орфографической форме, в которой оно было употреблено в толкуемом тексте, а с другой стороны, учитывал графико-орфографические нормы, свойственные гражданским текстам второй половины XVIII в., где лексикографируемая единица также могла активно употребляться и иметь отличное от церковнославянского источника написание.

Прямым доказательством подобного рода семиотической гибридности в ЦС служит как употребление «литер» гражданской печати, в т. ч. используемого для издания текстов светского содержания диграфа *ю*, так и наличие в тексте ЦС графических элементов, используемых при печати церковнославянских текстов: надстрочных знаков (титла, сопровождающего написание наиболее употребительной в церковных книгах лексики, внесённой в ЦС; «острого» и «тупого» ударения), отменённых Петром I букв греческого происхождения и «i» с тремой в издании ЦС 1794 г.

ЦС П. А. Алексеева при первом и втором его изданиях включает в себя следующие части: Заглавие, Посвящение, Предисловие, Надписи, Сокращения, Словник, Приложение.

Заглавие, которое дал П. А. Алексеев своему сочинению, следующее: «Церковный словарь, или истолкованіе рѣченій славенскихъ древнихъ, такожъ иноязычныхъ, безъ перевода положенныхъ въ Священномъ Писаніи и другихъ церковныхъ книгахъ». Под ним ЦС был выпущен в 1773 и 1794 годах. Два «прибавленія» к первому изданию ЦС 1776 и 1779 годов выходили под названием — «Дополненіе к Церковному словарю» и «Продолженіе Церковнаго словаря». При этом в «Дополненіи» и при втором издании в названии содержится указание о «пріобщеніи» к ЦС церковных ирмосов. Полный текст, содержащийся на титульном листе, при изданиях ЦС корректировался. Изменяемыми в нём были данные, отражающие церковно-социальное положение сочинителя, время и место печатания ЦС, а также сведения относительно того, кем он был «разсматриваемъ» и по «одобренію»

кого издан. Важным представляется также отметить, что впервые в истории отечественной лексикографии словарь был определён как «церковный». Кроме того, примечателен факт, что для заглавия своего сочинения П. А. Алексеев использовал не употребительный в XVIII веке греческий термин «лексикон», а его русский эквивалент «словарь». Образцом же для полного названия, которое дано П. А. Алексеев своему сочинению, по всей видимости, послужили заглавия азбуковников, а также каталога «имень», содержащегося в конце Елизаветинской Библии (Ср.: «Каталогъ Собственныхъ Еврейскихъ, Греческихъ, и несобственныхъ безъ перевода во всей Библии оставленныхъ именъ, по алфавиту собранныхъ и истолкованныхъ»)²³.

Посвящение включено в структуру ЦС при его первом и втором издании. Оно написано от лица членов Вольного Российского Собрания и адресовано Екатерине II. В нём сочинители выражают «надежду» на то, что их «первый плодъ трудовъ и упражненій» будет принят «за благо» и «оное общество», радеющее за «распространеніе на Россійскомъ языкѣ полезныхъ знаній», «удостоится всевысочайшаго благоволенія и покровительства императорскаго величества»²⁴. Подобное «известіе» подтверждает факт того, что ЦС был «разсматриваемъ» на заседаниях Вольного Российского Собрания²⁵ и «составлялся подъ его смотрѣніемъ»²⁶, однако, как отмечает М. И. Сухомлинов, «нѣтъ никакихъ данныхъ, которыя бы обнаруживали въ содержаніи или формѣ словаря постороннее участіе». Заслуга Вольного Российского Собрания, по всей видимости, заключается лишь в том, что «оно оцѣнило и издало трудъ» П. А. Алексеева²⁷.

Предисловие, как и Посвящение, помещено при первом и втором издании ЦС²⁸ и написано от лица самого автора — П. А. Алексеева²⁹. В нём указываются основные положения, которыми сочинитель руководствовался при создании этой «книжки, в своемъ родѣ

²³ Бібліа. М., 1762.

²⁴ Алексѣевъ П. А. Церковный словарь. 1773. Посвящение.

²⁵ Опытъ трудовъ вольнаго російскаго собранія при императорскомъ московскомъ университетѣ. М.: Унив. тип., 1774. Ч. 1. С. 6.

²⁶ Сухомлиновъ М. И. Указ. соч. С. 340.

²⁷ Там же.

²⁸ На протяжении изданий ЦС текст предисловия и посвящения не изменялся.

²⁹ Кратким предисловием снабжено и издание ЦС 1776 г.

новой»³⁰, а также излагаются воззрения автора на природу славянского языка.

Прежде всего П. А. Алексеев обращает внимание на то, что в книгах Священного Писания, переведённых «съ Еллиногреческаго языка на Славенскій <...> остались речения, на нашъ языкъ не переведенныя, для особливаго ихъ уважения, или переведенныя, но не всѣмъ вразумительныя»³¹. Это обстоятельство затрудняет чтение и понимание священных книг, поэтому «необходимость требовала сочинить особый всѣмъ незнакомымъ или въ незнакомой силѣ взятымъ рѣченіямъ, съ краткимъ оныхъ изъясненіемъ церковный словарь»³².

Желание принести пользу обществу и университетским слушателям побудило П. А. Алексеева опубликовать свой кабинетный труд. П. А. Алексеев питал «не безосновательную надежду» на то, что те люди, которые «доселе удалялися от чтения священной Библии», из-за встречающихся там непонятных слов, благодаря этому пособию, станут охотно её читать и «прямой оныя разумъ постигать на природномъ языкѣ», а «любезное отечество въ скоромъ времени увидить на своемъ коренномъ языкѣ достойныхъ витіевъ, стихотворцевъ и исторіи писателей, кои оставя иноязычные для насъ незнакомые выговоры, собственную красоту Россійскаго слога искажающіе, и при частой перемѣнѣ къ осязательному упадку его наклоняющіе, Россійскимъ чистымъ словомъ прославятъ громкія дѣла нынѣшняго знаменитаго вѣка»³³. В приведённых словах П. А. Алексеев выражает общепринятое тогда мнение «о тожествѣ двухъ, хотя и родственныхъ между собою, но тѣмъ не менѣе отдѣльныхъ другъ отъ друга языковъ: церковнославянскаго и русскаго», различие между которыми допускалось

³⁰ Алексѣевъ П. А. Церковный словарь. 1773. С. 7.

³¹ Там же. Предисловіе.

³² Там же.

³³ Там же. П. А. Алексеев следует идеи языкового пуризма, с которой связан XVIII век, время «особенно отчётливого и сильного осознания идеи национальности, национальной особенности и самобытности, гордости этой самобытностью и веры в свои национальные силы <...> На ней основаны многие, так часто развиваемые в это время мысли о богатстве русского языка, плодотворности его векового сосуществования с родственным ему языком славянским — источником его силы и крепости. Русский язык имеет достоинства всех языков Европы и в состоянии передать самую тонкую мысль учёного, писателя, поэта» (См. подробнее: Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Л., 1972. С. 74). Так, в частности, сходие с П. А. Алексеевым взгляды развивал Н. Г. Курганов в «Словарѣ разноразличномъ».

«не иначе, какъ въ смыслѣ двухъ началъ или даже двухъ оттѣнковъ слога одного и того же языка»³⁴.

В той же степени П. А. Алексеев остаётся верен духу своего времени и в понятии о влиянии греческого языка на русский язык, полагая, что российский язык «отмѣнную получил красоту, изобиліе и важность с того времени, когда церковныя книги переведены съ Еллиногреческаго языка на Славенскій»³⁵. В оценке о влиянии языка духовных книг на русский литературный язык П. А. Алексеев следует взглядам М. В. Ломоносова, изложенным в «Предисловии о пользе книг церковных в Российском языке»³⁶.

Доказательством того, что ЦС П. А. Алексеева «заслужилъ общее одобреніе и благосклонное принятіе» в «просвѣщенной Публикѣ» XVIII века служат Надписи, помещённые в «Дополненіи къ Церковному словарю», а также при его втором издании. Одна из них принадлежит известному литератору того времени В. Г. Рубану³⁷, а другая «Неизвѣстному сочинителю»³⁸. В этих хвалебных речах П. А. Алексеев предстаёт как продолжатель дел «великаго Ломоносова», снискавший своим «талантомъ» почтение «ученаго свѣта» и «славу память» о себе.

Для удобства пользования ЦС при первом и втором изданиях в его структуру включено «изъясненіе» сокращённых «рѣчей», находящихся при «толкованіи» слов, которые «трудолюбивый сочинитель особо

³⁴ Сухомлиновъ М. И. Указ. соч. С. 310.

³⁵ Алексѣевъ П. А. Церковный словарь. 1773. Предисловіе.

³⁶ Ломоносов М. В. Предисловіе о пользе книг церковных в российском языке // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений / АН СССР. — М.; Л., 1950–1983. Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.

³⁷ Рубан Василий Григорьевич (1742–1795) — поэт-панегирист, переводчик и собиратель исторических древностей, издатель журналов «Ни то ни се» (1769), «Трудолюбивый Муравей» (1771), а также литературного альманаха «Старина и новизна» (1772–1773). Известен своими Надписями («Надписи к камню, назначенному для подножия статуи императора Петра Великаго», «Надпись на завоевание крымских городов», «Надпись к новостроящейся в Александроневском монастыре каменной соборной церкви» и др.). Одна из Надписей Рубана содержится в «Ботаническомъ подробномъ словарѣ, или травникѣ», составленном членом Вольного и Дружеского общества А. К. Мейером. В. Г. Рубан и П. А. Алексеев, по свидетельству М. И. Сухомлинова, состояли между собой в «ученой перепискѣ». В частности, в одном из писем Алексеев указывал на некоторые неточности, имеющиеся в составленном Рубаном «Любопытномъ месяцесловѣ» (Подробнее см.: Сухомлиновъ М. И. Указ. соч. С. 304–308).

³⁸ Можно было бы предположить, что надпись «Неизвѣстный сочинитель», содержащаяся в «Церковном словаре», является псевдонимом одного из культурных или общественных деятелей того времени. Однако это предположение не находит своего подтверждения при сверке с основным справочником по русскому литературному псевдониму XVIII–XX вв., составленным И. Ф. Масановым (См. подробнее: Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, учёных и общественных деятелей. М., 1956–1960).

выписавши», расположил «по азбукѣ»³⁹. Сокращения, употребляемые в ЦС, обозначают «название или содержаніе книгъ, съ именами Творцевъ ихъ или сочиненіями, а индѣ техническія, то есть художественныя или учебныя слова», принятые для грамматических, стилистических и этимологических помет, например: ПСАЛТ. Псалтирь; Греч. Или Еврейское, когда поставлено Евр.; ГЛАГ. Глагол; ИНОСКАЗАТ. Иносказательно. Общий список сокращений при первом издании включает себя около 300 наименований. В «Дополненіи къ Церковному словарю» этот список был пополнен 10 наименованиями. В нём нашли отражение новые источники, которые были использованы П. А. Алексеевым при составлении ЦС (БУКВ. ДУЛЯР. ПИСМ. букварь дулярный письменный; РЕГЛ. ДУХ. регламентъ духовный; ПРАЩ. Пращица и др.)⁴⁰. При втором издании ЦС список сокращений включает в себя более 300 наименований. Кроме того, П. А. Алексеев сообщает, что «читателю, желающему пользоваться симъ Словаремъ, надлежитъ держаться» Библии «новоисправленной... с переводу 72 толкователей» (имеется в виду издание Библии 1751 года, выполненное при Елизавете Петровне⁴¹, поскольку именно она была использована при ссылках на тексты Ветхого и Нового Завета).

Словник ЦС при его изданиях был «поправляемъ и пополняемъ» сочинителем. Автор ЦС впервые в истории отечественной лексикографии задался целью наиболее полно представить состав лексики, относящейся к сфере церковного употребления.

Опираясь на традицию предшествующих лексикографических сочинений (а именно: азбукоников, каталогов, симфоний), П. А. Алексеев расположил собранный лексический материал в соответствии с алфавитным принципом. Подобная организация словника представлялась наиболее простой для составителя и в то же время отвечала основному назначению ЦС как справочного пособия, при помощи которого можно было бы легко найти толкование «темнопереведеннымъ реченіямъ», встречающимся в церковных книгах.

Словарные статьи в ЦС организованы в соответствии с азбукой гражданской печати. Слова даны в алфавитном порядке, однако не редки

³⁹ Алексѣевъ П. А. Церковный словарь. 1773. Предисловіе.

⁴⁰ На это П. А. Алексеев особо обращает внимание читателей в Предисловии к «Дополненію к Церковному словарю».

⁴¹ Там же.

случаи, когда происходит его нарушение. Во втором издании ЦС осуществлена попытка исправить имеющиеся отступления от азбучного принципа. Так, в частности, в нём устранены ошибки в расположении указанных выше заглавных слов, однако и в этом издании можно встретить случаи нарушения намеченного автором принципа в расположении словарного материала (*павль, паволока, паволочникъ, павъ*).

Наряду с ведущим, алфавитным принципом организации словника, в ЦС содержатся элементы словопроизводного размещения слов. При этом в изданиях, напечатанных после 1773 года, помещаются производные, образованные от основ, включённых в первое издание ЦС. При печатании ЦС в 1794 году однокорневые заголовочные слова, рассредоточенные по разным вышедшим ранее изданиям, собирались в соответствии с алфавитным порядком, кроме того, помещались новые, ранее не приводимые производные (см. табл. 1).

Таблица 1

**Примеры словопроизводного размещения заглавных слов,
толкуемых в «Церковном словаре» П. А. Алексеева**

«Церковный словарь» (1773 г.)	«Дополнение къ Церковному словарю» (1776 г.)	«Продолжение Церковного словаря» (1779 г.)	«Церковный словарь» (1794 г.)
крестительница	крестованіе	креститася	крествующій
креститель	крествующій	крещатик	крестильница
крестобогородичень	крестникъ		креститася
крещаю	крестовиднѣ		креститель
крещеніе	крестоводруженіе		крестникъ
	крестоносный		крестница
	крестообразно		крестити
			крестобогородичень
			крестованіе
			крестовиднѣ
			крестоводруженіе
			крестоносный
			крестообразно
			крестъ

Помимо случаев словопроизводного размещения слов в алфавитном списке, около 60 словарных статей, помещённых в ЦС, являются гнездовыми. Словообразовательная парадигма большинства словарных статей гнездового типа построена по принципу включения в неё одного или двух, реже трёх, находящихся, как правило, на первой ступени мотивированности производных слов (*ИНОКЪ, тоже что монахъ, старецъ, чернецъ; названіе имѣеть потому, что инако долженъ вести жизнь свою отъ мирскаго поведенія. Инокиня, то есть монахиня, старица, черница. Иночество, монашество; иночествовать, монашескую жизнь вести*).

Большинство словарных статей, содержащихся в ЦС, имеют следующие обязательные составляющие: 1) заглавное слово; 2) его формальные характеристики (акцентологические, грамматические (для прилагательных, причастий и глаголов приводятся опорные парадигмы), этимологические (указывается язык-источник для заимствованных слов, а также толкование значения слова, которое оно имеют в языке-источнике); 3) его толкование; 4) отсылки к источнику. Факультативными в зависимости от характера самого слова были стилистические или нормативные сведения о его употреблении, подробные этимологические справки, указание на словообразовательные возможности, иллюстративный материал, а также энциклопедические сведения⁴². Структура словарной статьи в ЦС определяется языковыми особенностями толкуемого слова. Так, типичной характеристикой словарной статьи, объясняющей значение славянского слова является наличие в ней толкования лексического значения слова, а также, в большинстве случаев, ссылки на источник, откуда оно было извлечено (*БААЛЬНИКЪ, ворожея, колдунья. Лекс. Кут.; БАБИЩА, женщина непотребная. Бесѣд. Злат.; БЕДРО, бокъ. Быт. 50. 23; ИЗГРЕБІЕ, т.е. охлопки; ЯСТИ, т.е. ѣсть, кушать*). Словарная статья, описывающая заимствованное слово, обычно имеет следующий порядок изложения сведений: заголовочное слово; указание на язык-источник; толкование значения слова, которое оно имеют в языке-источнике; определение лексического

⁴² Схема построения словарной статьи в общих чертах была описана П. А. Алексеевым в предисловии к ЦС, где, в частности, сказано, что в ней [т.е. словарной статье] «кромѣ изъясненныхъ просто рѣчей благоразсудный читатель найдетъ примѣчанія Богословскія... сверхъ сего этимологическія, географическія и тому подобныя къ свѣденію не безполезныя вещи» (Алексѣевъ П. А. Церковный словарь. 1773. Предисловіе).

значения слова и ссылки, указывающей на то, откуда оно было извлечено (АЕНДОРЪ, Псал. 82. 11. мѣсто, состоящее близъ воды Магеддо Суд. 5. 19. Евр. толк. источник обитанія; АЗVMA, Греч. толк. Опрѣснокъ, т.е. хлѣбъ безквасный, прѣсный. Матѳ. Власт.; АММА, Сирское, толкуется Матерь духовная, то есть которая пріемлетъ новоначальную инокиню подъ свое смотрѣніе. Чет. мин. Maia 10). В некоторых случаях словарная статья с заимствованным словом не содержит толкования лексического значения: АИЛЕВЪ, Евр. толк. подвои. Іез. 40. 32; АМАТТАРИ, Еврейская рѣчь, толк: превышнее. Бесѣд. Злат. 498.

В изданиях ЦС после 1773 года нашла отражение работа П. А. Алексеева над расширением смысловой характеристики слов, помещённых в ЦС при первом его выпуске. На этот факт автор обращает внимание читателей в Предисловии к «Дополненію къ Церковному словарю», отмечая, что «многія здѣсь реченія сходны съ положенными въ первомъ Словарѣ: но въ другой силѣ взяты»⁴³. Таких «речений» в издании 1776 года насчитывается около 130 (ангель, благодать, величаніе, вина, гроздецъ, дань, зодчій, исходъ, книга, смиреніе и др.), а в «Продолженіи Церковнаго словаря» — 16 (бесѣда, бѣсъ, возатай, наставникъ, перво-священникъ и др.). В то же время издание ЦС 1779 года включает в себя около 50 слов, толкуемых в «Дополненіи къ Церковному словарю» (богиня, власть, деисусъ, молитвовати, преданіе, прилогъ, сердце, сила, солнце, сухота и др.). Некоторые же из «речений» находят объяснение сразу в трёх изданиях ЦС — 1773, 1776 и 1779 годов (анафема, благословити, глаголь, кровь, писмя, слава, тма, языкъ и др.). При печатании ЦС в 1794 году значения многозначных слов, рассредоточенные по разным вышедшим ранее изданиям ЦС, как правило, собирались под одну вокабулу, кроме того, при отдельных словах помещались новые, ранее не приводимые значения.

Важно отметить, что в ЦС 1773 года издания П. А. Алексеев был сосредоточен прежде всего на описании значений слов, выявляющихся в текстах Священного Писания, которые являются наиболее употребительными и значимыми для осмысления библейских сюжетов и, как правило, имеют прямой тип номинации. В последующих изданиях словаря (1776, 1779, 1794 годов) внимание автора сосредоточено на расширении

⁴³ Алексѣевъ П. А. Дополненіе къ Церковному словарю. Предисловіе.

смыслового объёма многих слов, включённых в издание 1773 года, в связи с этим в толковательную часть вводятся значения, развившиеся у слов в более поздний период, или менее употребительные, отмеченные не только в библейских, но и других церковных книгах, в том числе имеющие и переносный тип номинации (см. таблица № 2).

Таблица № 2

**Примеры лексикографирования слов в первом
втором изданиях «Церковного словаря»**

«Церковный словарь» (1773 г.)	«Дополнение къ Церковному словарю» (1776 г.)	«Продолжение Церковнаго словаря» (1779 г.)	«Церковный словарь» (1794 г.)
БЛАГОСЛОВИТИ, значить посвятить Богу или освятить. 1. Кор. 10. 16. доброжелать Быт. 47. стих. 7 и 10. хвалить и превозносить. Матѣ: 21. 9. Марк: 11. 9. <...> Благословити, еще берется за то, что осѣнить кого крестомъ или св. образомъ.	БЛАГОСЛОВИТИ, благословити иногда въ писаніи (per antiphrasis) берется вмѣсто клясть или злословить. Іов. 1. 11 и 2. 5.	БЛАГОСЛОВИТИ, индѣ значить поздравить встрѣтившагося на пути челоуѣка, цѣловать, привѣтствовать 4 Цар. 4. 29.	БЛАГОСЛОВИТИ, значить посвятить Богу или освятить 1. Кор: 10. 16. — Добра желать. Быт: 47. стих: 7 и 10. — Хвалить и превозносить, Матѣ: 21. 9. Марк: 11. 9. <...> — Благословити еще берется за то, что осѣнить кого крестомъ или св. образомъ <...> — Благословити, иногда въ писаніи per Antiphrasim берется вмѣсто клясть или злословить. Іов. 1. 11 и 2. 5. — Въ иныхъ мѣстахъ значить поздравить встрѣтившагося на пути челоуѣка, цѣловать, привѣтствовать 4 Цар: 4. 29.
ДОГМАТЪ, ученіе до вѣры касающееся, членъ вѣры или преданіе церковное, на священномъ писаніи основанное.	ДОГМАТЪ, индѣ значить уставъ Бесѣд. Злат.	—	ДОГМАТЪ, ученіе до вѣры касающееся, членъ вѣры или преданіе церковное, на священномъ писаніи основанное. Индѣ значить уставъ Бесѣд. Злат.

Катехизаторско-миссионерским целям служат помещённые в качестве Приложения в «Дополненіи къ Церковному словарю», а также при втором издании ЦС (в начале и конце) церковные ирмосы святого Иоанна Дамаскина, которые, по причине «невразумительности» переводов, имеющих на русском языке, П. А. Алексеев переложил «простымъ слогомъ, и употребительными въ Россіи стихами»⁴⁴. В ЦС приведены ирмосы на три Господских праздника: Рождество Христово, Крещение Господне, Пятидесятницу, кроме того, дан перевод «Степеннымъ перваго гласа, поемымъ на утрени Воскресной предъ Евангеліемъ». В этих творениях со всей полнотой проявился поэтический талант П. А. Алексеева, его глубокое понимание природы славянского слова. Представленный перевод избранных гимнографических творений должен был, по замыслу П. А. Алексеева, прививать учащимся внимание и любовь к славянскому литургическому слову и послужить неким «образцомъ» для всех «рачителей учености Россійской», упражняющихся в подобного рода трудах⁴⁵.

В качестве примера приведём ирмос на праздник Рождества Христова от второго канона, пятой песни из пророчества Исаина, главы 26 (стих с 9 по 21), переведённый протоиереем П. А. Алексеевым на русский язык и переложённый в стихи:⁴⁶

Церковнославянский текст ирмоса	Перевод ирмоса с церковнославянского на русский язык
Изъ ноци дѣль омраченныя прелести, очищеніе намъ Христе бодрено, нынѣ совершающимъ пѣснь, яко благодѣтелю, приди подавая удобну стезю, по нейже востекаяще обрящемъ славу.	<i>Христе благотворителю нашъ! Очисти насъ прежде омраченныхъ погрѣшностями отъ темныхъ дѣлъ нашихъ; а нынѣ безъ сна время провождающихъ въ пѣніи; и устрой намъ способный путь, по которому бы достигли истинной славы.</i>
Стихотворное переложение ирмоса на русский язык	
<i>Христе преславный благодѣтель! Покрытыхъ насъ дѣлами тьмы Очисти, наставъ на добродѣтель Поющихъ бодрими умы: Дабы стезю узнавши праву, Обрѣсть могли прямую славу.</i>	

⁴⁴ Алексѣевъ П. А. Церковный словарь. 1773. Предисловіе.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Алексѣевъ П. А. Дополненіе къ Церковному словарю. С. 305–306.

Таким образом, ЦС отличается структурной разработанностью, что свидетельствует об опоре П. А. Алексеева на произведения предшествующей лексикографии⁴⁷, а также традицию XVIII в., согласно которой словарь начинает рассматриваться как книга особого жанра, имеющая своё оформление. Внесённые в ЦС при его изданиях изменения объясняются, с одной стороны, социальными факторами, а с другой — творческими исканиями П. А. Алексеева, его стремлением усовершенствовать свой труд.

Источники и литература

1. *Алексѣевъ П. А.* Дополненіе къ Церковному словарю. — М. : Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1776.
2. *Алексѣевъ П. А.* Продолженіе Церковнаго словаря. — М. : Тип. Имп. Моск. ун-та, 1779.
3. *Алексѣевъ П. А.* Церковный словарь. — М. : Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1773.
4. *Алексѣевъ П. А.* Церковный словарь. — М. : Синодальная Типографія, 1815–1816.
5. *Алексѣевъ П. А.* Церковный словарь. — СПб. : При Имп. Акад. Наук, 1794.
6. *Алексѣевъ П. А.* Церковный словарь. — СПб. : Типографія Ивана Глазунова, 1817–1819.
7. *Бібліа.* — М., 1762.
8. *Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л.* Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. — Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1972.
9. *Ломоносов М. В.* Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. — М.; Л., 1950–1983. — Т. 7. Труды по филологии 1739–1758 гг.
10. *Венгеровъ С. А.* Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ (отъ начала русской образованности до нашихъ дней). — СПб. : Семеновская Типо-литография, 1889. — Т. 1.
11. *Евгеній (Болховитиновъ), митр.* Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-российской церкви. — М., 1995.
12. *Живов В. М.* История языка русской письменности. — М. : Университет Дмитрия Пожарского, 2017. — Т. 2.
13. *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, учёных и общественных деятелей. — М. : Изд-во Всесоюз. книжной палаты, 1956–1960.
14. *Опытъ трудовъ вольнаго российскаго собранія при императорскомъ московскомъ университетѣ.* — М. : Унив. тип, 1774. — Ч. 1.
15. *Русскій архивъ.* 1863 (Год первый). № 2.

⁴⁷ В частности, сходную с ЦС структуру имели «Лексиконъ треязычный» Ф. Поликарпова; «Словарь на шести языкахъ: Россійскомъ, Греческомъ, Латинскомъ, Французскомъ, Нѣмецкомъ и Англискомъ» Г. А. Полетики; «Россійский Целлариусъ» Гельтергофа.

16. *Энциклопедическій лексиконъ*. — СПб. : Типографія А. Плюшара, 1835. — Т. 1.
17. *Срезневскій И. И.* Словарь Церковно-Словянскаго и Русскаго языка, составленный II Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ // Журналь министерства народнаго просвѣщенія. 1848. №6.
18. *Сухомлиновъ М. И.* Исторія Россійской Академіи. — СПб. : Тип. Императорской акад. наук, 1874. — Т. I.
19. *Феликсов С. В.* «Церковный словарь» протоиерея Петра Алексеева // Русская речь. Научно-популярный журнал Российской академии наук.— М. 2009. № 3.
20. *Феликсов С. В.* Образцы филологической экзегезы Священного Писания в произведениях русской лексикографии второй половины XVIII века (на примере «Церковного словаря» протоиерея П. А. Алексеева) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 1.

Елена Владимировна Макарова¹

Употребление церковнославянских форм поэтами современности (по материалам поэмы «Россия воскресе» А. А. Вознесенского)

В статье рассматривается проблема употребления церковнославянизмов в современной поэзии. А. А. Вознесенский, также и как ряд других поэтов, смело обращавшихся с лексическим материалом, на вершине своего творчества осознанно прибегает к церковнославянскому наследию, что придаёт его стихам духовную окраску и глубину. Анализ этого явления приводит к вопросу об актуальности изучения церковнославянского языка, без которого затруднено адекватное восприятие поэзии.

Ключевые слова: языковая память, церковнославянский язык, церковнославянизмы, гимнография, Андрей Вознесенский, поэзия, неологизмы, окказионализмы.

Всякий внимательно читающий поэзию культурный человек, знакомый с историей языка, литературными шедеврами древности, без труда находит в поэтическом творчестве отражение тех или иных содержательных исторических черт. Языковая память, о которой говорил и писал Д. С. Лихачёв, формируется тысячелетиями существования письменности и может проявляться в разных жанрах, типах литературного языка, во всём разнообразии литературного опыта.

На протяжении долгих веков литературным языком России являлся церковнославянский язык, и, как известно, его наследник, русский литературный язык, сохраняет множеств форм, которые принято именовать церковнославянизмами: графическими, лексическими, грамматическими и т.д. Учёные не раз поднимали вопрос о роли церковнославянского языка в русской языковой культуре. «Чем был церковнославянский язык в России?.. Это язык, которому доверяли самые высокие мысли, на котором молились, на котором писали торжественные слова. Он всегда был „рядом“ с русским народом, обогащал его духовно. Потом молитвы заменила поэзия. Памятуя

¹ **Макарова Елена Владимировна** — кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики историко-филологического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Адрес для корреспонденции: makarovael@yandex.ru.

молитвенное прошлое нашей поэзии, следует хранить её язык и её „высокий настрой“»².

Известно, что русская поэзия XVIII в. по своей стилистике была ближе церковнославянской поэтике, нежели классической. Стихотворные переложения псалмов, явившиеся результатом литературного состязания М. В. Ломоносова, В. К. Тредиаковского и А. П. Сумарокова позволяют видеть, как происходило становление поэтического жанра на основе церковнославянских источников. Русская поэзия выросла из Псалтири, которая долгое время оставалась важной частью русской культуры. Библейские образы и отдельные изречения вошли как в устное, так и в письменное языковое творчество.

Можно привести множество примеров, показывающих, как церковнославянские формы насыщают поэтические тексты и украшают их, выстраивая при этом мостики между духовной и светской культурой. Так, например, в монографии О. А. Сергеевой прослеживается, как одно из наиболее регулярно исполняемых произведений православной гимнографии — *Свете Тихий*, буквально разлито по русской поэзии, начиная с Г. Р. Державина (ода «Христос»), включая А. С. Пушкина («Евгений Онегин»). Исследовательница показывает, как А. С. Хомяков, И. А. Бунин, М. И. Цветаева и другие поэты, «обращаясь к вечным вопросам бытия», используют этот образ, безусловно рассчитывая на то, что их читатели, бывая в храме на вечерне, хорошо знают это песнопение³.

Да будет свет!.. В лучах зари
Взойди над сумрачной пустыней,
О Свете Тихий! Озари
Глаза слепцов Твоей святыней!..
(Аполлон Коринфский)

Другая сторона соприкосновения церковнославянского языка с современной поэзией заключается в использовании грамматических форм. Так, например, можно встретить звательный падеж у В. А. Солоухина:

² Лихачёв Д. С. Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет. «О языке устном и письменном, старом и новом». Л.: Сов. писатель, 1989. С. 414.

³ Сергеева О. А. «Свете Тихий». Церковный гимн в русской поэзии: История, Богословие, Метафизика, Лингвистика, Поэтика: Монография. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2002. С. 106.

«Проходи, проходи, **человече!**
Чьи мы? Чьи вы?..» — ответ не найдёшь...
Мне птенцы вылетают навстречу,
Что в их крике?
Вовек не поймёшь.

Возможно, эта форма был использована В. А. Солоухиным для того, чтобы подчеркнуть обращение. Вместе с тем, присутствие в данном стихотворении звательного падежа придаёт стихам особый характер, придавая ему глубину и созерцательность.

Не разбирая подробно множество встречающихся у поэтов современности церковнославянских форм, отметим только, что их наличие или, напротив, отсутствие, отражает общий поэтический стиль автора и, возможно, мировоззрение. Так, например, произведениям И. А. Бродского церковнославянизмы не характерны, при этом известна его антиклерикальная позиция.

Попробуем остановиться на творчестве А. А. Вознесенского, оставившего яркий заметный след в русской литературе второй половины XX — начала XXI века. Известно, что поэт имел священнические корни, на что заметным образом указывает его фамилия. Его прапрадед был архимандритом, настоятелем Муромского Благовещенского монастыря. Андрей Андреевич живо интересовался своим предком, написал о нём поэму, в которой показал своё отношение к советской действительности.

Уже в этой поэме встречаются фрагменты, которые говорят о том, что поэту не чужд был язык церковных гимнов:

Я твою читаю за песню песнь:
Паче всех человек окаянен есмь⁴.

Одно из наиболее зрелых произведений А. А. Вознесенского, поэма «Россия воскресе» была написана под влиянием драматических событий, происходивших в России в начале перестройки девяностых годов. Первая часть поэмы, озаглавленная «Длящееся молитвословие», была опубликована в газете «Известия» 17 апреля 1993 г. рядом с Пасхальным посланием Патриарха Московского и Всея Руси Алексия. Вторая

⁴ Вознесенский А. А. Полн. собр. стихотворений и поэм в одном томе. М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012.

часть — «Безразмерный молитвенный сонет» — в той же газете спустя четыре месяца с подзаголовком «Воистину».

В предисловии к газетным публикациям Вознесенский делился тем состоянием, которое вдохновило его на создание поэмы, относя своё произведение к молитвенному жанру: «Измучась нашим бес-пределом, я стал писать молитву... в виде сонета...»⁵. Поэт сравнивает поэму с акафистами, имеющими характерные рефрены, и в качестве эпиграфа избирает строчки из известного Благодарственного акафиста: «Слава Тебе за указание тайного голоса, слава Тебе за откровение во сне и наяву...»

В его поэме рефреном выступает глагол *воскресе*, который привлекает Вознесенского звучностью и экспрессией, при этом не учитываются грамматические характеристики слова. Можно наблюдать своеобразное построение череды стихотворных строф, в которых контекст почти всякий раз указывает на то, что имеется в виду не простое прошедшее время, каковым является аорист, а, скорее всего, будущее:

- I. Россию хоронят. Некрологи в прессе.
- II. Но я повторяю — Россия *воскресе*.
- III. Помолимся вместе за тех, кто в отъезде,
- IV. за ближних и дальних помолимся вместе;
- V. за тех, кто страдает, и кто в «мерседесе»,
- VI. за бомжа, что спит, не на вилле Боргезе,
- VII. пусть с помощью Божьей Россия *воскресе*!⁶

Этот же рефрен употребляется в контексте с несовершенными формами глагола, указывающими на будущее время:

- При свете экрана — любовью *воскресе*! —
172. похристосуемся при Съезде.

Также обращает на себя внимание нарушение нормы, когда рядом с глаголом единственного числа *воскресе* употреблены существительные и субстантивированные прилагательные множественного числа: *стрекозы, стихи, живые*.

⁵ Андрей Вознесенский. [Электронный ресурс] : http://voznosolog.ru/rossia_voscrese.htm (дата обращения: 29.06.2021).

⁶ Вознесенский А. А. Полн. собр. стихотворений и поэм в одном томе.

Воскресе стрекозы, как тень от двуперстия...

Воскресе стихи на страницах «Известий»...

«Живые воскресе», — шепчу неуместно, —

— 51. от горя, от вируса ненавистины

Живые воскресе, воскресе воистину!

Поэт остро чувствует в церковнославянизмах духовную глубину и старается передавать её в своих стихах. Употреблением церковных форм он возвращает своих слушателей к нравственным началам, которые, возможно, забыты ими и покоятся в дальних уголках сознания.

Также в поэме можно встретить многократное употребление характерного церковнославянского наречия *воистину* из пасхального приветствия.

Спасти можно только любовью *воистину*.

Страшно *воистину*

от тихой улыбочки вопросительной.

Примите бесалол, Абессаломы

— 101. воинственные.

Против псаломаша нету приёма. *Воистину*.

Характерный поэту стиль, которому присущи смелые неологизмы, побуждает обратить внимание и на такое явление в лингвистике, как окказионализмы, нередко встречавшиеся в творчестве поэтов того времени⁷. Не ставя задачу разграничить понятия неологизма и окказионализма, в контексте данной статьи остановимся на окказионализмах Вознесенского, так или иначе имеющих отношение к церковнославянским формам. Задавая поэме определённую ритмическую структуру и звуковую тональность аористом *воскресе*, Вознесенский отталкивается от неё, переделывая по её фонетической конструкции другие части речи.

153. «Господа, вам нужны великие *потрясе...*»

154. Россия — возмездье. Оборвана пьеса.

196. Как двести поклонов пустынный в аскезе,

197. шепчу — вдруг спасёт Тебя? — строк этих двести.

⁷ Самохин И. С. Окказионализмы Андрея Вознесенского: опыт создания онлайн-словаря / И. С. Самохин. Текст: непосредственный // Молодой учёный. 2013. № 12 (59). С. 877–880.

198. За слог мой оборванный, Отче Небесный,
199. прости раба Божья Андрея *Вознесе*...

Тексту поэмы также характерны неологизмы, образованные от часто встречающихся в церковном обиходе слов, таких как *псалом*, *апокалипсис* и др., с одной стороны, сохраняющие изначальные семантические оттенки, с другой — порождающие совершенно иную смысловую и стилистическую картину.

Попса ломится на спуск Васильевский
попсаломиться...

— 150. сквозь политическую апокалиптисину
впишу от себя
Тебе слово «Воистину».

Наблюдения за подобными явлениями открывают яркие страницы непрекращающегося развития русского литературного языка, питающегося от своих церковнославянских корней. И Вознесенский — «России последний евангелист», как он сам себя именует, — показывает своим творчеством, как рождается и прорастает в поэте лингвистическая и генетическая память предков. Возможно кому-то авторские неточности в использовании церковнославянских форм могут показаться изречёнными на грани допустимости чистоты русского слога, но всё же невозможно не признать положительную сторону описанного явления, так как опыт обращения такого крупного поэта, как А. А. Вознесенский, к цитированию библейских и гимнографических текстов являет собой глубокое устремление к подлинному духовному началу.

Соприкосновение с этой проблемой приводит к мысли о важности повсеместного изучения церковнославянского языка, дающего живое вдохновение творцам и углубляющего наши представления о взаимоотношении неразрывно связанных церковнославянского и поэтического русского литературного творчества.

Источники и литература

1. *Вознесенский А. А.* Полное собрание стихотворений и поэм в одном томе. — М. : «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 1223 с.

2. *Лихачёв Д. С.* Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет. «О языке устном и письменном, старом и новом». — Л. : Сов. писатель, 1989.
3. *Самохин И. С.* Окказионализмы Андрея Вознесенского: опыт создания онлайн-словаря / И. С. Самохин. Текст: непосредственный // Молодой учёный. 2013. № 12 (59). Текст доступен в оцифрованном виде здесь: <https://moluch.ru/archive/59/8570/> (дата обращения: 09.06.2021).
4. *Сергеева О. А.* «Свете Тихий». Церковный гимн в русской поэзии: История, Богословие, Метафизика, Лингвистика, Поэтика: Монография. — Великий Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2002. — 140 с.
5. *Андрей Вознесенский.* [Электронный ресурс]:. URL: http://voznolog.ru/rossia_voscrese.htm (дата обращения: 29.06.2021).

Анна Петрикова¹

Анализ лингвокультурного концепта «Ребёнок» на материале «Краткой истории Ветхого и Нового Завета»

В данной статье рассматривается концепт «Ребёнок» в лингвокультурном подходе, основанном на теоретических предпосылках русских исследователей С. Г. Воркачёва, В. И. Карасика, В. А. Масловой и др., а также словацких русистов Й. Сипко, Л. Гузи, Н. Мертвой, М. Благо и др. Материал анализа представляет учебник для преподавания Закона Божия в народных школах Чехии и Словакии. Учебник был напечатан в Праге по благословению Высокопреосвященнейшего Елевферия, экзарха Московской Патриархии, Митрополита Пражского и всея Чехословакии в 1950 г.

Ключевые слова: *концепт, лингвокультурология, ребёнок, дитя, Ветхий и Новый Завет, учебник, Закон Божий, чешский, словацкий.*

В современной лингвистике наиболее распространены когнитивный и лингвокультурный подходы к описанию концепта, в рамках которого система концептов представляется как многомерное смысловое образование, в котором выделяются понятийный, образно-перцептивный и ценностный аспекты. Лингвокультурный подход позволяет изучать и описывать взаимоотношение языка и культуры, языка и этноса, языка и народного менталитета². По словам В. А. Масловой, к наиболее ценностно окрашенным концептам культуры относятся: «...вера, рай, ад, грех, совесть, закон, порядок, счастье, родина и т.п. Однако ценностно-окрашенным может стать любой фрагмент мира, например пустыня, горы — в христианской картине мира»³.

Материалом исследования является учебник «Краткая история Ветхого и Нового Завета», который написан на русском языке с целью изучения Закона Божия в народных школах в Чехословакии.

В послевоенный период, в 1946 году, Чешская православная епархия перешла в юрисдикцию Московской Патриархии, поэтому книга

¹ **Петрикова Анна** — PhD, доцент кафедры русистики Прешовского университета (Словакия). Адрес для корреспонденции: anna.petrkova@ff.unipo.sk.

² Маслова В. А. Лингвокультурология. Учебное пособие. М. : Издательский центр «Академия», 2001. С. 5–6.

³ Там же. С. 23.

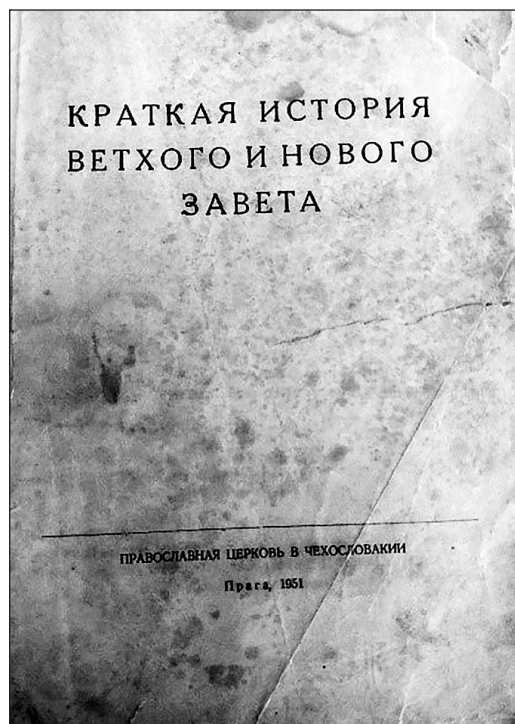

Рис. 1. Название учебника

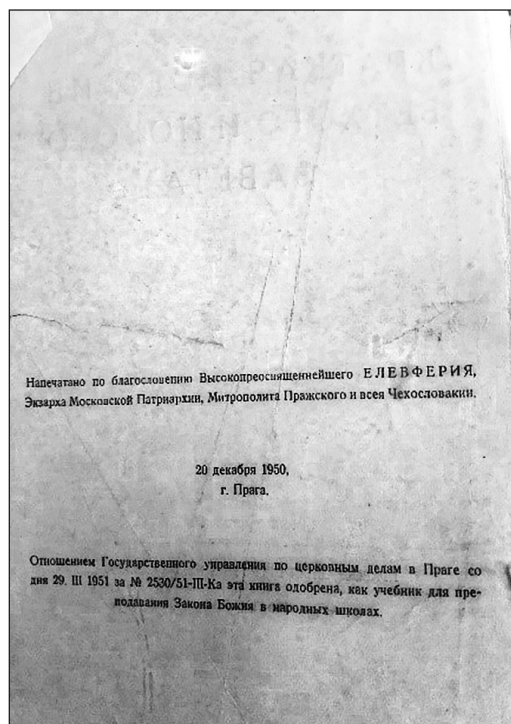

Рис. 2. Одобрение книги в качестве учебника

была издана по благословению Елевферия, экзарха Московской Патриархии, Митрополита Пражского и всей Чехословакии. В Бурега приводит данные о тридцати тысячах волынских чехов⁴, которые в 1946–1947 годах вернулись в Чехию с бывшей Волынской губернии на родину, девяносто процентов из которых были православного вероисповедания. Эмигранты «принесли с собой и свои церковные обычаи: особое церковное пение, богослужение на церковно-славянском языке»⁵. Можно полагать, что данным учебником могли пользоваться дети волынских чехов, которым была близка русская речь, а также потомки русских эмигрантов первой волны. Использованию учебника в Словакии мог косвенно способствовать собор греко-католического духовенства и верующих 28 апреля 1950 года в Прешеве, на котором была отменена Ужгородская уния

⁴ Речь идёт о чешских эмигрантах, основавших в 1867 году на Волыни на льготных условиях земледельческую общину.

⁵ Бурега В. Чехословацкая Православная Церковь: путь к автокефалии. 2001. [Электронный ресурс] : <https://pravoslavie.ru/orthodoxchurches/39938.htm> (дата обращения: 9.04.2021).

1646 и 1649 годов и было объявлено о воссоединении с Православной Церковью⁶. Последствием собора стало соблюдение католиками восточного обряда, главным образом, Восточной Словакии православной церковной традиции. В словацких школах русины начинают изучать украинский и русский языки. Учебник мог использоваться для изучения дисциплины «Закон Божий» в народных школах. На основе анализа языковых средств, композиционного построения, мы предполагаем, что возраст читателя колеблется в пределах 8–12 лет.

В учебнике соблюдается структура линейного текста, позволяющая ребёнку, читая последовательно текст, понять его. В тексте «Краткой истории Ветхого и Нового Завета» использованы имена существительные-диминывы: *солнышко, детки, звёздочки, глазки, фонарики, травка, цветочки, лошадки, овечки, зайчики, птички, рыбки, коровушка, постелька*, большинство которых образованы при помощи суффиксов **-к-, -ик-**. Они служат средством передачи нежности, естественной ласковости, поскольку ласкательные слова употребляются не только в данном учебнике для детей, но и в целом при обращении к детям, «ласкательная» лексика используется естественно и часто. Лексика в тексте соответствует нормам культуры речи. По частотности употребления в учебнике можно выделить устаревшую лексику: *велеть, послушаться, повиноваться*; религиозную лексику: *Иисус Христос, церковь, Бог, Господь, Сын Божий, воскресение, веровать, вознёсся, вездесущ, благословляет, почтили, ниспосланный, уверовали, архиерей, молиться* и т.д. С точки зрения частотных морфологических средств можно выделить глаголы: *жил (тогда один Господь Бог); быть (Было время... Не было ни дней, ни ночей... Всегда был, есть и будет); сказать; отвечать; говорил; любить*. Языковые наблюдения показывают, что глаголы являются наиболее любимыми детьми частью речи. По словам Д. П. Зылевич, чешские учёные провели исследование текстов для младшего школьного возраста и определили, что «в текстах для младшего школьного возраста количество существительных не должно превышать 21%

⁶ После этого в Восточной Словакии были созданы две епархии — Прешевская во главе с епископом Алексеем (Дехтяревым) и Михайловская во главе с епископом Александром (Михаличем). [Электронный ресурс] : <https://pravoslavie.ru/orthodoxchurches/39938.htm> (дата обращения: 9.04.2021).

всех слов в тексте. Ребёнку этого возраста интересны действия, события»⁷.

Кроме лексико-морфологических закономерностей, присутствуют синтаксические особенности, свойственные языку детского читателя. На уровне синтаксических структур составители использовали риторические вопросы, подчёркивая диалогичность текста и его воспитательный характер:

Не правда ли, дети, вам жаль маленького Иисуса?.. / И что же?.. / Хорошо ли это?.. / Может ли такое обращение с хлебом нравиться Иисусу Христу? Что тут делать?

Категория диалогичности подчёркивается при помощи обращения к детскому читателю:

*Случается, **дети**, что и вы невнимательно молитесь Богу. Особенно перед сном. Но знайте, что невнимательную молитву Бог не слушает. / Представьте, **дети**, что жители огромного города в один день вздумали выселиться в другое место за несколько тысяч верст. / Посмотрите, **дети**, Иисус, сын Божий, Который царствует над всем миром... / **Милые дети**, если и вы хотите быть счастливыми, если хотите, чтобы вас любили, крепко-накрепко запоминайте наставления Господа Иисуса. / Послушайте, **дети**, какую интересную историю рассказал Иисус Христос о добром отце и злом сыне.*

Синтаксис текста обусловлен возрастом детского адресата, так как показателем сложности языка произведения является длина предложения. В книге «Редакторская подготовка изданий» (2002) под редакцией С. Г. Антоновой определяется оптимальная длина предложения, количество слов. Авторы считают, что «чем длиннее предложение, тем больше в нём мыслей и деталей, тем сложнее синтаксические связи. Предложения в книгах, которые пользуются успехом у детей младшего школьного возраста, включают от семи до пятнадцати слов. К 12 годам дети активно воспринимают уже более длинные предложения, содержащие более двадцати слов»⁸. В учебнике типичны простые предложения типа: *Ангел Божий тогда отлетел от неё на небо*. Для определения сложности предложения используем сервис

⁷ Зылевич Д. П. Особенности языка и стиля художественных произведений для детей (на материале современной детской литературы). В оцифрованном виде документ доступен здесь: <https://elilib.bsu.by/bitstream/123456789/44566/1/65-69.pdf> (дата обращения: 27.04.2021).

⁸ Антонова С. Г. Редакторская подготовка изданий. М. : Издательство МГУП, 2002. С. 222.

«Текстомер»⁹. Результаты измерения: это очень простое предложение, подойдёт для возраста 7–8 лет; всего 8 слов; уровень структурной сложности текста 0 из 10; лексическая сложность 5 из 10; уровень читабельности текста по формуле Флеша 99 из 100 (чем больше, тем текст легче).

Обратимся к анализу концепта «Ребёнок» в лингвокультурном подходе. Культурный концепт имеет языковое выражение и отмечен этнокультурной спецификой¹⁰. Культура представляет богатство и глубину данного этноса, поскольку «культура — это совокупность всех форм деятельности субъекта в мире, основанная на системе установок и предписаний, ценностей и норм, образцов и идеалов, это наследственная память коллектива, которая „живёт“ лишь в диалоге с другими культурами»¹¹. Исследования отражений духовных ценностей, образцов в языке проводит ряд словацких русистов: М. Благо, Л. Гузи, Й. Сипко, Н. Мертова. Последняя, в частности, определяет культуру в рамках одного конкретного этноса как «совокупность специфических и уникальных явлений, предметов, форм человеческого творчества и национальных реалий, которые нашли своё отражение в языке»¹².

Концепт, как основную единицу в лингвокультурологических исследованиях, определяем вслед за С. М. Пашковым «как многомерное смысловое образование, в котором выделяются понятийный, образно-перцептивный и ценностный аспекты»¹³. Понятийный аспект концепта выделяется на основе толкования лексемы *ребёнок*, под которой по «Большому толковому словарю русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова понимается «маленький мальчик или маленькая девочка»¹⁴. Согласно «Этимологическому словарю русского языка» М. Фасмера слово *робёнок* считается диалектным словом и в древне-русском языке

⁹ Текстомер. [Электронный ресурс] : https://pushkin-lab.ru/#frequency_bag (дата обращения: 27.04.2021).

¹⁰ Воркачёв С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. Краснодар, 2002.

¹¹ Маслова В. А. Указ. соч.

¹² Mertová N. Kognitívny potenciál historických reálií a ich lingvokulturologická integrita // Historizmy ako predmet lingvokultúrnych skúmaníí Vysokoškolská učebnica. Prešov : Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove, 2017. С. 150.

¹³ Пашков С. М. Лингвокультурный концепт «благоговение» в русской и английской лингвокультурах // I Международная научно-практическая онлайн-конференция «Мир. Человек. Язык». Владимир–Донецк–СПб. — Ростов-на-Дону, 2019. В оцифрованном виде документ доступен здесь: https://elibrary.ru/download/elibrary_39699088_99946114.pdf (дата обращения: 27.04.2021).

¹⁴ Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб. : Норин, 2000. С. 1108.

обозначало «раб», на латинском — «осиротевший», на древне-индоевропейском — «маленький мальчик»¹⁵. Известно, что слово *ребёнок* имеет синонимы — *дитя, дети, младенец*¹⁶, *младенчество*¹⁷, причём слово *дитя* некоторым образом сближается со словом *раб*. Основным значением слова является: «кормить грудью, материнская грудь», в множественном числе в старо-славянском языке имеет форму *дѣти*¹⁸.

Приведённые примеры только в определённой мере раскрывают образные характеристики лингвокультурного концепта «Ребёнок».

Рассмотрим одну из глав учебника с названием «Рождество Христово»¹⁹.

Для определения частотности использования слов *ребёнок, дитя, младенец, младенчество* используем цифровой ресурс «Текстометр», разработанный в когнитивной лаборатории Государственного института им. А. С. Пушкина. Анализ показал, что это простой текст, который подойдёт для возраста 9–10 лет. Инструмент выделил следующие

¹⁵ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М. : Прогресс, 1987. Т. 3. С. 453.

¹⁶ Ребёнок приблизительно до 7 лет (Седакова О. А. Церковнославяно-русские паронимы. М. : Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2005. С. 178).

¹⁷ Словарь библейского богословия / под ред. К. Леон-Дюфура, Ж. Люпласи и др.; пер. со второго фр. изд. Брюссель : Жизнь с Богом, 1990.

¹⁸ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. С. 516.

¹⁹ Данная глава содержит 364 слова: Однажды праведный Иосиф и святая Мария из города Назарета, где они жили, отправились в город Вифлеем. Там в это время, по случаю народной переписи, собралось очень много людей, и все дома и даже маленькие **хижинки** уже были заняты. Что тут делать? Иосиф и Мария шли пешком, **утомились** и хотели отдохнуть. **Насилу** могли они **упросить** одного доброго человека, чтобы **дозволил** им переночевать в пещере, куда в дурную погоду загоняли скот для ночлега. В той стране, где это происходило, зимы не бывает, а потому скот и пастухи свободно проводят ночи в поле. Эта же ночь была особенно светлая и теплая, а потому вырытая в горе пещера, или по нашему **вертеп**, была свободна. Хозяин позволил Иосифу и Марии переночевать в ней. И вот здесь-то в этой пещере на соломе и родился **маленький Иисус Христос**. Посмотрите, **дети, Иисус, Сын Божий**, Который царствует над всем миром, у Которого в руках все богатства, теперь выглядит беднее всех бедных **детей**. И в самом деле, у вас, например, есть и теплая комнатка, и красивая постелька, и мягкие одеяльца, а у **бедного дитяти Иисуса** ничего этого не было. Он родился в скотном **загоне**, и Пречистая Его Матерь вынуждена была положить Его в яслях на соломе. Не правда ли, **дети, вам жаль маленького Иисуса**? Если жаль, если вы хотели бы поделиться с ним и вашими **одеяльцами**, и всем, чего у вас много, то всегда помните, что сказал **Иисус Христос**, когда он вырос. А Он говорит так: «Кто одевает и кормит **бедных**, тот одевает и кормит **Меня**». Вот почему, если вы хотите сделать что-либо приятное **Иисусу Христу**, то лучше всего помогайте **бедным. Иисус, Сын божий**, лежал в яслях, а пастухи ночевали в поле. Вдруг, как молния, к ним слетел с неба **лучезарный** ангел. Страшно испугались пастухи. Но добрый ангел сказал им: «Не бойтесь, я принес вам радостную весть: идите в свою пещеру, там вы увидите маленькое **дитя**, которое и есть **Иисус Сын Божий**, Спаситель мира». Едва скрылся этот ангел, как слышат пастухи, с неба **попилились** чудные звуки, неземная песнь пролилась с неба на землю. Это целые хоры ангелов сошли с небес, чтобы приветствовать **Младенца Иисуса**, Своего Царя и Создателя. Когда все ангелы улетели, пастухи отправились в пещеру и, увидев там Божественное **Дитя**, поклонились Ему до земли.

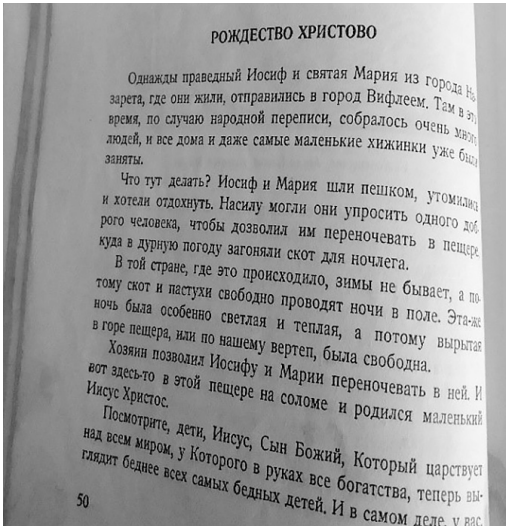

Рис. 3. Глава «Рождество Христово»
из учебника

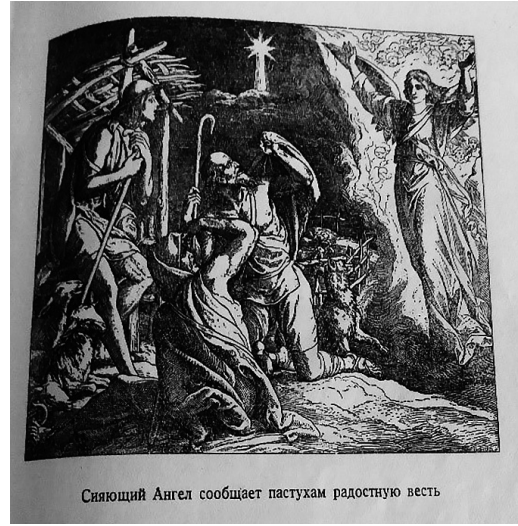

Рис. 4. Иллюстрация из учебника

редкие слова: ясли, загон, принуждать, постелька, ночлег, скотный, лучезарный, царствовать, хижинка, одеяльце, утомляться, неземной, насилиу, вертеп, переночевать, дозволять, пречистый, поливаться, вырыть, проливаться, загонять.

Показатель структурной сложности текста — 4 из 10, лексической сложности — 5 из 10.

Для составления полного семантического анализ текста необходимо проверить текста на частотность слов.

Следующая таблица показывает результаты подсчёта частотности некоторых лексем²⁰:

Слово	Количество вхождений	По Ципфу
Иисус (Иисус, Иисуса, Иисусу)	9	9
ангел (ангел, ангелов, ангелы)	5	2
сын	5	1
ребёнок (дети, детей)	3	1
Божий	3	1
Христос (Христос, Христу)	3	1
дитя (дитяти, дитя)	3	1

²⁰ Полный семантический анализ текста см.: https://miratext.ru/seo_analiz_text.

Анализ текста показал, что семантическое ядро данного текста составляет лексема *Иисус* (9 раз); далее по частотности следуют сочетания слов: *Иисус Сын* (3 раза); *Иисус Сын Божий* (3 раза); *Сын Божий* (3 раза); *дитя Иисус* (2 раза); *маленького Иисуса* (2 раза); *Христос* (2 раза), *младенец* — 1 раз. Лексема *ребёнок* в тексте не была идентифицирована, только её множественное число *дети* — 2 раза. Слово *дитя* встречается в тексте — 2 раза. Несмотря на отсутствие лексемы *ребёнок*, инструмент *Miratex* объединил слова *дети*, *детей* в группу с названием *ребёнок*, но слово *дитя* выделил отдельно.

Схематически семантическое ядро главы выглядит следующим образом²¹ (см. рис. 5):

Рис. 5. Облако слова. Глава «Рождество Христово»

Генератор «Облако слова» в центре поместил лексему *Иисус*, так как она самая частотная в данном тексте, размер её шрифта и цвета сильнее, чем у других слов, поскольку у тех частота появления в данном тексте ниже. Под ней находится словосочетание *Сын Божий*.

²¹ Облако слов — создать онлайн. [Электронный ресурс] : <https://wordsccloud.pythonanywhere.com/> (дата обращения: 20.04.2021).

Далее перейдём к анализу семантической структуры двух предложений из выбранной главы. Используя метод автоматической обработки текста (АОТ)²², установим поверхностную структуру предложения: *И вот здесь-то в этой пещере на соломе и родился **маленький Иисус Христос*** (см. рис. 6).

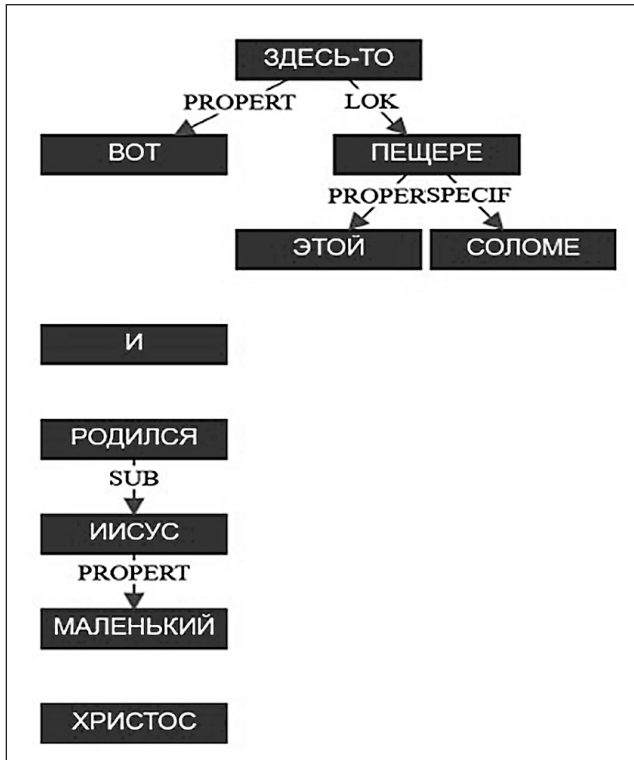

Рис. 6. Предложение 1 в обработке АОТ

Данная семантическая структура состоит из семантического узла *Здесь-то — вот — пещере — этой — соломе* и семантических отношений (Propert, ЛОК, Properspecif). Синтаксическим вариантом фрагмента является прямая связь с данными словами, грамматически выраженными местоименным наречием, местоименной определяющей фразой, с предложной локативной связью *в пещере*. На междоклаульном (синтаксический вариант фрагмента) уровне представлен глагол *родился*, для которого характерна предикативная связь с субъектом

²² И вот здесь-то в этой пещере на соломе и родился маленький Иисус Христос. [Электронный ресурс] : <http://www.aot.ru/demo/graph.html> (дата обращения: 14.04.2021).

Иисус, маленький. Сочинительный союз *и* соединяет два соседние клаузы. Примечательно, что предикат в данном предложении не является главным понятием семантического узла. Лексема *Христос* стоит как отдельный клауз. Система АОТ выделила в качестве центрального семантического узла место происходящего здесь, в этой пещере (ЛОК). В христианской картине мира место рождения Христа имеет существенное значение.

Для предложения *Когда все ангелы улетели, пастухи отправились в пещеру и, увидев там Божественное Дитя, поклонились Ему до земли* была построена следующая семантические структура в системе Диалинг²³ (см. рис. 7).

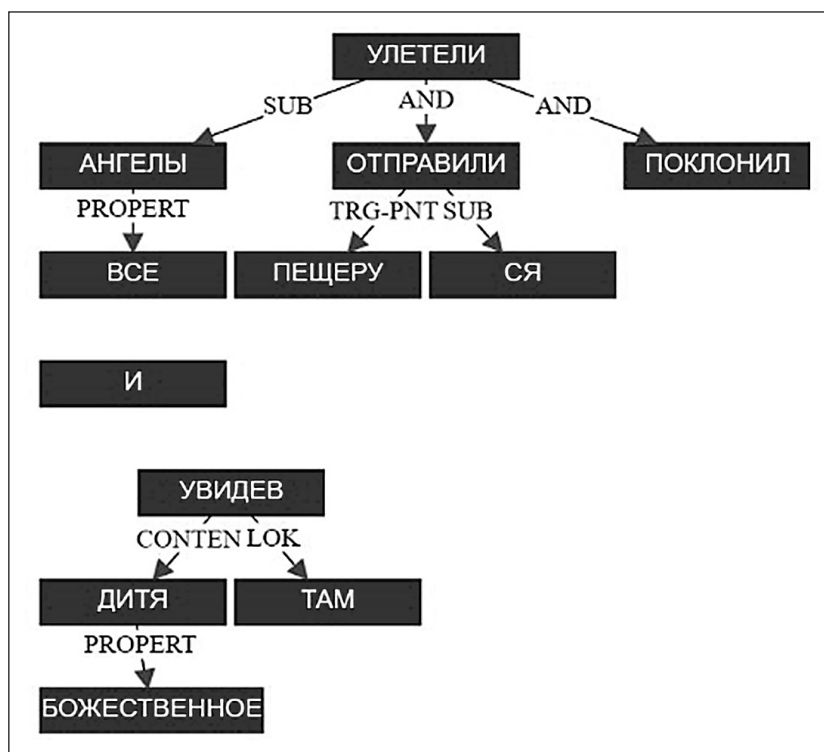

Рис. 7. Семантическая структура предложения 2
из главы «Рождество Христово»²⁴

²³ АОТ. Технологии. Первичный семантический анализ (aot.ru) // Академический проект развития семантического словаря под руководством д.т.н. Н. Н. Леонтьевой в НИВЦ МГУ (синтаксис и поверхностная семантика, Windows).

²⁴ АОТ. Онлайн демо. Граф (aot.ru) // Академический проект развития семантического словаря под руководством д.т.н. Н. Н. Леонтьевой в НИВЦ МГУ (синтаксис и поверхностная семантика, Windows).

Данная структура была сгенерирована на основе гипотетических грамматических и синтаксических отношений. В этом предложении главным словом семантического узла, предикатом является глагол *улетели*. Синтаксическим вариантом фрагмента является прямая связь со словами *ангелы* (подлежащее, SUB), *отправили* (–сь), *поклонил* (–ись). Автомат выделил отдельно окончание *ся*, поскольку частица *ся* в возвратных глаголах имеет несколько значений и система добавила ту, которая наиболее частотна в словаре. Это значит, что «в автомате для каждого окончания и для каждой продуктивной части речи содержится только одна морфологическая интерпретация, причём наиболее продуктивная»²⁵. Глаголы являются однородными членами предложения (AND). На межклаузном (синтаксический вариант фрагмента) уровне представлено деепричастие *увидев*, для которого характерна локативная (LOK) беспредложная связь *увидев там* с отношением уточнения. Сочинительный союз *и* соединяет два соседние клаузы.

Для понимания текста мы выбрали два предложения и подвергли автоматической обработке, используя инструмент АОТ. В результате мы получили многомерные модели семантической структуры предложений. Семантические отношения построены с учётом грамматических характеристик слов. Каждый из этих уровней помогает понять предложения и сам текст. Мы получили информацию, которая имеет смысл для реципиента. Построенные модели предложений показали на главные слова с точки зрения понимания текста и его роли в анализе концепта «Ребёнок». Само слово *ребёнок* на первый взгляд имеет прозрачную внутреннюю форму, но концептуально оно намного глубже. Мы исходили из значения слова, которое было установлено по «Большому толковому словарю русского языка» и словарю «Церковнославяно-русские паронимы», учитывали результаты этимологического анализа слов *ребёнок*, *дитя*. Мы затронули роль частотности слова как одной из ключевых при выборе подходящего наполнения семантического ядра концепта. При помощи инструментов автоматической обработки текстов были установлены семантические связи в концепте, который представлен в данном тексте лексемами

²⁵ Сокирко А. В. Морфологические модули на сайте www.aot.ru. [Электронный ресурс] : www.aot.ru (дата обращения: 15.04.2021).

Иисус, сын, дети, Христос, дитя, младенец. Приведённые примеры раскрывают имманентные образные характеристики лингвокультурного концепта «Ребёнок» не только в анализируемом учебнике, но и в христианской картине мира. Одновременно данные лексемы выявляют ценностный аспект концепта, поскольку представляют для верующего основополагающую значимость в его жизни, определяют личностный смысл для христианина в его коммуникации, установлении отношения с Господом и социумом, выражают общественный смысл для христианской цивилизации.

Литература и источники

1. Антонова С. Г. Редакторская подготовка изданий. — М. : Издательство МГУП, 2002. — 468 с.
2. АОТ. Онлайн демо. Граф (aot.ru) // Академический проект развития семантического словаря под руководством д.т.н. Н. Н. Леонтьевой в НИВЦ МГУ (синтаксис и поверхностная семантика, Windows). [Электронный ресурс]: www.aot.ru (дата обращения: 15.04.2021).
3. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. — СПб. : Норин, 2000. — 1108 с.
4. Бурега В. Чехословацкая Православная Церковь: путь к автокефалии. 2001. В оцифрованном виде документ доступен здесь: <https://pravoslavie.ru/orthodoxchurches/39938.htm> (дата обращения: 9.04.2021).
5. Воркачёв С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. — Краснодар, 2002. — 142 с.
6. Зылевич Д. П. Особенности языка и стиля художественных произведений для детей (на материале современной детской литературы). В оцифрованном виде документ доступен здесь: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/44566/1/65-69.pdf> (дата обращения: 27.04.2021).
7. Краткая история Ветхого и Нового Завета. — Прага, 1950. — 103 с.
8. Маслова В. А. Лингвокультурология. Учебное пособие. — М. : Издательский центр «Академия», 2001. — 208 с.
9. Облако слов — создать онлайн. [Электронный ресурс]: <https://wordsccloud.pythonanywhere.com/> (дата обращения: 20.04.2021).
10. Пашков С. М. Лингвокультурный концепт «благовение» в русской и английской лингвокультурах // I Международная научно-практическая онлайн-конференция «Мир. Человек. Язык». — Владимир; Донецк; СПб.; Ростов-на-Дону, 2019. С. 61–67. В оцифрованном виде документ доступен здесь: https://elibrary.ru/download/elibrary_39699088_99946114.pdf (дата обращения: 27.04.2021).
11. Полный семантический анализ текста. [Электронный ресурс]: https://miratext.ru/seo_analiz_text (дата обращения: 15.04.2021).

12. *Седакова О. А.* Церковнославяно-русские паронимы. — М. : Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина. 2005. — 432 с.
13. *Сипко Й.* В поисках истинного смысла — Hľadanie ozajstného zmyslu. Прешов : Философский факультет Прешовского университета в Прешове, 2010.
14. *Словарь* библейского богословия / под ред. К. Леон-Дюфура, Ж. Люпласи и др.; пер. со второго фр. изд. — Брюссель : Жизнь с Богом, 1990.
15. *Сокирко А. В.* Морфологические модули на сайте www.aot.ru. [Электронный ресурс]: www.aot.ru (дата обращения: 15.04.2021).
16. *Текстомер*. [Электронный ресурс]: https://pushkin-lab.ru/#frequency_bag (дата обращения: 27.04.2021).
17. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. — М. : Прогресс, 1987.
18. *Mertová N.* Kognitívny potenciál historických reálií a ich lingvokulturologická integrita // Historizmy ako predmet lingvokultúrnych skúmaní. Vysokoškolská učebnica. — Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove, 2017. С. 139–176.

Александр Владимирович Загуменнов¹

Лексика, обозначающая животный мир в «Книге толкований и нравоучений» протопопы Аввакума

В статье анализируется малоизученный с позиции лингвистики памятник — «Книга толкований и нравоучений» протопопы Аввакума. В первом приближении даётся классификация лексического пласта с наименованиями видов живых существ по понятийным оппозициям «дикие/домашние животные» и «реальные/мифические птицы». В заключении статьи намечаются перспективы для изучения лексического яруса памятника в лингвоперсонологическом ключе, где протопоп Аввакум предстаёт как автор со своими смысловыми координатами.

Ключевые слова: лексика, книга толкований, Аввакум, языковая личность.

Степень разработанности темы

«Книга толкований и нравоучений», созданная протопопом Аввакумом в 1673–1676 гг., до сих пор относится к числу малоизученных памятников религиозной письменности периода раннего старообрядчества. Этому, на наш взгляд, сопутствует целый ряд причин. Во-первых, публикация корпуса сочинений Аввакума (исключая единичные издания «Жития...» и «Пустозерский сборник» И. Н. Заволоко, поскольку по содержанию он ближе к собранию творений разных авторов) с хорошим научным аппаратом осуществилась довольно поздно. По крайней мере, пишущему эти строки известны три издания, причём хронологически последнее из них вызывает серьёзные вопросы². Во-вторых, публикация корпуса сочинений Аввакума в серии «Русская историческая библиотека» совпала с периодом ожесточённого отношения к церкви

¹ **Загуменнов Александр Владимирович** — кандидат филологических наук, преподаватель АНО ДО «Учебно-информационный центр «СОКРАТ», старший преподаватель кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин РО ДОО «Вологодская духовная семинария Вологодской епархии Русской Православной Церкви». Адрес для корреспонденции: zaw1991@mail.ru.

² Первое из них представляет классический источник в виде многотомного издания под редакцией Н. Субботина: Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Братством св. Петра митрополита [Текст]: [т. 1–9] / под ред. Н. Субботина. М.: Тип. Э. Лисснер и Ю. Роман, 1875–[1895]. Вторая публикация осуществилась уже в советское время: Русская историческая библиотека / издаваемая Археографической комиссией. СПб., 1872–1927. Т. 39: Памятники истории старообрядчества XVII века. Кн. 1. Вып. 1 [Текст]. 1927. XCVII, [480] с. Третье издание позиционирует себя как «полное собрание сочинений»: Аввакум (протопоп; 1620 или 1621–1682). Собрание творений [Текст] / протопоп Аввакум; над книгой работали: К. Я. Кожурин и др. СПб.: Квадривиум, 2017. 1229 с.

со стороны государства, поэтому не все тексты по идеологическим причинам допустимо было изучать. В-третьих, полное уничтожение основ христианского образования имело следствием неспособность языковедов советского времени адекватно работать с «богословским» наследием огнеопального протопопа. В-четвертых, когда церковь начала возвращать свою значимость с конца 1990-х годов, «мода» на историческое языкознание стала угасать.

За последнее десятилетие найдётся не так много литературоведческих, ещё меньше — собственно языковедческих работ, анализирующих «Книгу толкований и нравоучений». Наиболее разработанными темами оказались особенности интерпретации богослужебных текстов³, характерные черты полемики со сторонниками реформы патриарха Никона⁴, своеобразие композиции⁵ и апокалиптические мотивы⁶. Настоящая статья сосредоточена на том пласте лексики, который выступает номинацией определённого подвида живых существ. Речь пойдёт не о названии гиперонимов, хотя и они присутствуют в тексте — *человѣкъ* [РИБ 1927: 432], *птица* [РИБ 1927: 436], *рыбу* [РИБ 1927: 452], *червь* [РИБ 1927: 472], *ангели* [РИБ 1927: 439], *бѣсове* [РИБ 1927: 441]. Наше внимание сосредоточено на детализации этих групп, т.е. если это птица, то какая именно (голубь, петух, орёл). Источник большей части «животного мира» — сравнения, метафоры со своим символическим содержанием, поэтому в исключительных случаях «значение в словаре» совпадает со «значением в тексте».

Дикие / Домашние животные

Системно описать интересующий нас пласт лексики по одному критерию затруднительно. Относительно млекопитающих всё просто:

³ Белоглазова Е. А. Специфика трактовки богослужебных текстов в «Книге толкований» протопопа Аввакума // Жанр. Стиль. Образ. Актуальные вопросы современной филологии. Межвузовский сборник статей с международным участием / науч. ред. Д. Н. Черниговский; отв. ред. О. В. Редькина. Киров, 2017. С. 8–12.

⁴ Осьмухина О. Ю. Специфика полемики с «никонианством» в учительских текстах протопопа Аввакума («Книга бесед», «Книга толкований») // Нижегородский текст русской словесности. Сборник статей по материалам IV Международной конференции. 2013. С. 21–29.

⁵ Сочива Т. А. К изучению состава и объёма «Книги толкований и нравоучений» протопопа Аввакума // Вестник Омского университета. № 3 (73). Омск, 2014. С. 180–184.

⁶ Сочива Т. А. Апокалиптические мотивы в книге толкований и нравоучений протопопа Аввакума // Третьи Мяндинские чтения. Сборник научных трудов по материалам Всероссийской научной конференции. 2016. С. 44–50.

допустимо выделить 1) диких, не характерных для хозяйства России XVII века, и 2) домашних. Оговоримся, что мы не ставим своей целью статистический подсчёт словоупотреблений, оставляя эту операцию в стороне.

1. Дикие: *яко левъ* [РИБ 1927: 440], *рыси-звѣрю* [РИБ 1927: 445], *медвѣдю-звѣрю* [РИБ 1927: 445], *медвѣдя* [РИБ 1927: 468], *волкъ* [РИБ 1927: 461], *елень* [РИБ 1927: 447], *тяжестей слоновыхъ* [РИБ 1927: 454], *зайцовъ* [РИБ 1927: 468], *киту* [РИБ 1927: 477], *яко на ослахъ* [РИБ 1927: 492].

В этом списке у читателя нашего времени могут возникнуть вопросы относительно оленей и их статуса «дикого животного». Противоречий в этом нет, поскольку указанный вид скотоводства изначально был распространён у коренных народов Сибири, а в «русский» обиход вошёл значительно позднее. К тому же, очевидно библейское происхождение льва, еленя (в церковнославянской огласовке), кита, слона и осла. Как мы указывали ранее, в прямом значении номинации животных в тексте Аввакума встречаются редко. Например, он, интерпретируя стих 9 главы 35 книги пророка Исаии, пишет: «*Левъ — діяволь, звѣри лукавыя — бѣси*» [РИБ 1927: 515]. Определение осла в группу диких животных обусловлено сравнительно суровым климатом средней полосы России, а также её северных территорий.

2. Домашние: *яко кошка котовъ ищешь* [РИБ 1927: 562], *собакъ* [РИБ 1927: 445], *псы* [РИБ 1927: 446], *что сука* [РИБ 1927: 561], *свиніями* [РИБ 1927: 481], *и поклонишия телцу* [РИБ 1927: 430], *быкомъ* [РИБ 1927: 466], *быковъ желаешь* [РИБ 1927: 562], *овцы* [РИБ 1927: 470], *козель* [РИБ 1927: 472], *конь* [РИБ 1927: 502].

В целом, перед нами перечень мелкого и крупного рогатого скота, который мог быть в зажиточных хозяйствах XVII века, а также ряд других животных. При этом перечисление номинаций в отрыве от контекста формирует совершенно иное восприятие, отличное по интенции в самой «Книге толкований...». Во фрагменте, где фигурирует бык, это животное является отсылкой к психическому состоянию Навходоносор, предсказанному в книге пророка Даниила (4:22): «*Развѣ Навходоносоръ Вавилонскій! Да досталось ему безумному! Седмь лѣтъ быкомъ походилъ по дубравѣ, траву ядше, плачучи*» [РИБ 1927: 466]. Интересно, что в церковнославянском тексте и в современном

синодальном переводе использовано сравнение с волком, а не с быком, что только подчёркивает общий стилистический колорит творчества Аввакума.

Реальные / Мифические птицы

Классификацию птиц по предыдущему критерию выстроить уже не получается, потому что данную категорию животного мира Аввакум усложняет описанием сирина — «райской» птицы. Поэтому лексический состав этой группы базируется на оппозиции реального и мифического.

1. Реальные: *яко орлу* [РИБ 1927: 429], *горлица* [РИБ 1927: 436], *горличица* [РИБ 1927: 436], *кокушка* [РИБ 1927: 471], и *голубь* [РИБ 1927: 489], *яко кокошь подь крыль птенцы своя* [РИБ 1927: 500].

2. Мифические: *сиринь бо есть птица* [РИБ 1927: 513].

Отдельного комментария заслуживает даже не сирин, а орёл, который у Аввакума дан в контексте идеи духовного перерождения. Сославшись на «алфавит» (либо древнерусский физиолог, либо азбуковник), автор приводит следующую легенду: *«Егда состарѣтся орель и обетшаеть весь, тогда обрѣтаеть источникъ воды чисты и возлетаеть выпрь с великимъ трудомъ... взимается к небесному огню... и обгорить вся ветхость на немъ; онъ же паки возвращается на прежереченный источникъ чистыя воды и измывается доволно в немъ, и, паки опернатѣвъ, бываеть юнь вмѣсто ветха»* [РИБ 1927: 429]. Любопытно, что близкое к приведённому описанию поведение в памятниках Смутного Времени (т.е. в первой половине XVII столетия) приписывается фениксу. Пока оставляем вопрос открытым, что перед нами: иная традиция, или же сдвиг в символической системе эпохи?

«Животный мир» в лингвоперсонологическом ракурсе

В сравнении с сочинениями другого «пустозерского узника» — диакона Федора, лексический пласт, обозначающий животный мир в «Книге толкований...», в разы богаче. Аввакум вспоминает и ядовитых представителей пресмыкающихся (*змѣй* [РИБ 1927: 447], *керасты не вредили* [РИБ 1927: 482], т.е. рогатые гадюки, *vipera cerasta*), и членистоногих (на *скорпію* [РИБ 1927: 453]), и насекомых (*яко жюкъ мотыльный* [РИБ 1927: 568], *мухи* [РИБ 1927: 574]). Сравнения, оперирующие данной частью лексического пласта, указывают на физическую или

духовную опасность греха. Естественно, не обходится без колкостей в сторону реформ, проводившихся патриархом Никоном. Наш материал контурно характеризует протопопа как языковую личность, т.е. человека, способного к речевому поступку и пониманию текстов⁷.

Выше уже было отмечено, что номинации видов животных, выстроенные синтаксически, как часть грамматического воплощения пространства мысли, связаны также и с картиной мира автора. В некоторых случаях образуются цепочки лексем, служащие «окантовкой» массы воспринятого и прочитанного. Например, *«и въ древнемъ Моисеовѣ законѣ дважды и трижды быка и козла, и овна, и горлицу, и голубь не кололи; но единою заклавъ, кровь источа, кропать и мажутъ, очищая грѣшныхъ, архіереи; а мяса левиты со служебники относятъ, и прягутъ, и варятъ на пожрєніе»* [РИБ 1927: 568]. Под «древним Моисеевым законом», благодаря ряду *быка и козла, и овна, и горлицу, и голубь*, следует разумеать первую главу книги Левит, где это список живых существ, приносимых в жертву. При этом данный фрагмент оказывается частью полемиического полотна, где ведётся спор о числе просфор. Тем самым возрастает смысловая насыщенность лексико-синтаксического ряда, который и прецедентен (по содержанию), и радикально нов (по контексту сравнения с событиями второй половины XVII века).

Подытожим наши наблюдения. «Книга толкований и нравоучений» протопопа Аввакума включает достаточно объёмный пласт номинаций, обозначающих живых существ. В исключительных случаях обнаруживается тождество словарного и контекстного значений тех или иных единиц. При этом даже реально существующему орлу по традиции приписываются сверхъестественные способности, которые не противоречат общей направленности текста. Бóльшая часть приведённых нами слов взяты из сравнений, которые опираются на закреплённые в текстах Священного Писания смыслы. Наконец, на сопряжении лексико-семантико-синтаксического уровней текста «Книги толкований...» выявляются контуры умной, «по-ветхозаветному» жёсткой и талантливой языковой личности главного идеолога раннего периода старообрядчества.

⁷ Богин Г. И. Обретение способности понимать : работы разных лет. Тверь: Тверской гос. Ун-т, 2009. Т. 1. 156 с. Иное определение в связи с другими научными парадигмами дано в книге: Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М. : Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.

Источники и литература

1. *Аввакум, протопоп* (1620 или 1621–1682). Собр. твор.— СПб. : Квадривиум, 2017.— 1229 с.
2. *Белоглазова Е. А.* Специфика трактовки богослужебных текстов в «Книге Толкований» протопопа Аввакума // Жанр. Стиль. Образ. Актуальные вопросы современной филологии. Межвузовский сборник статей с международным участием / науч. ред. Д. Н. Черниговский; отв. ред. О. В. Редькина.— Киров, 2017.— С. 8–12.
3. *Богин Г. И.* Обретение способности понимать: работы разных лет: в 2 т.— Тверь, 2009.— Т. 1.— 156 с.
4. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность.— М. : Издательство ЛКИ, 2010.— 264 с.
5. *Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Братством св. Петра митрополита:* [Т. 1–9].— М. : Тип. Э. Лисснер и Ю. Роман, 1875–1895.
6. *Осьмухина О. Ю.* Специфика полемики с «никонианством» в учительских текстах протопопа Аввакума («Книга бесед», «Книга толкований») // Нижегородский текст русской словесности. Сборник статей по материалам IV Международной конференции. 2013. С. 21–29.
7. *Русская историческая библиотека.*— СПб., 1872–1927.— Т. 39. Памятники истории старообрядчества XVII века. Кн. 1. Вып. 1. 1927.— ХСVII, [480] с.
8. *Сочива Т. А.* Апокалиптические мотивы в книге толкований и нравоучений протопопа Аввакума // Третьи Мяндинские чтения. Сборник научных трудов по материалам Всероссийской научной конференции. 2016. С. 44–50.
9. *Сочива Т. А.* К изучению состава и объёма «Книги толкований и нравоучений» протопопа Аввакума // Вестник Омского университета. Омск. 2014. № 3 (73). С. 180–184.

Денис Витальевич Солодухин¹

«Синергасия» (Συνεργασία) в понимании архимандрита Иннокентия (Просвирнина): попытка прояснения смысла

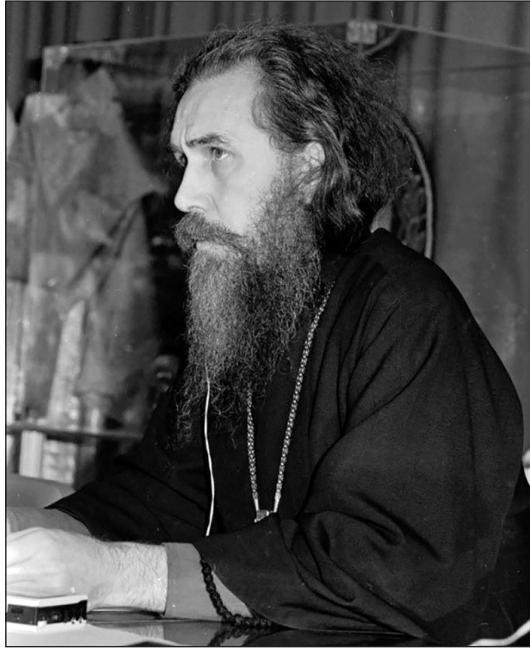
Предпринята герменевтическая попытка прояснения смысла словопонятия «синергасия» (συνεργασία) в понимании крупного церковного историка заместителя председателя Издательского отдела Московской патриархии архимандрита Иннокентия (Просвирнина). Указанное словопонятие рассматривается в сопоставление с другим — «синергия». Этимолого-лингвистическое исследование сочетается с обращением к некоторым аспектам научных интересов представителя русского учёного монашества. Всё это осуществляется на материалах как его опубликованных статей, так и архивных документов, некоторые из которых вводятся в научный оборот впервые.

Ключевые слова: *Иннокентий (Просвирнин), архимандрит, синергасия, синергия, взаимодействие культур, история понятий.*

Историческое прояснение понятий в науках исторического опыта является перспективным подходом, призванным высветлить «смысловую направленность слов» (Г.-Г. Гадамер) прежде всего в герменевтических целях. Занимаясь исследованием жизни и творческого наследия архимандрита Иннокентия (Анатолия Ивановича Просвирнина, 1940–1994), мы обнаружили в его трудах любопытное словопонятие, смысл которого хотелось бы попытаться прояснить.

Скажем несколько слов о полузабытой фигуре инок-учёного. Это был церковный историк, археограф, филолог, редактор, педагог, дипломат, библиофил и палеограф, помощник Владыки Питирима (Нечаева, 1926–2003) во многих начинаниях Издательского отдела Патриархии; организатор и руководитель экспедиции на Афон совместной Русской православной церкви и Академии наук СССР; один из инициаторов организации и активных участников подготовки празднования 1000-летия Крещения Руси; руководитель научно-исследовательской

¹ **Солодухин Денис Витальевич** — кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и общественных наук МИРЭА — Российского технологического университета. Адрес для корреспонденции: dvsolodukhin@gmail.com.

Архимандрит Иннокентий (Просвирнин)

и издательской «минейной группы» («Зелёные минеи»); вдохновитель и основной деятель проекта «Русской Библии»².

На рубеже восьмидесятых-девяностых годов XX столетия, говоря о взаимодействии византийской и русской культур, отец Иннокентий использует непривычное слово «синергасия». Его можно найти, в частности, в статье «Троице-Сергиева Лавра и взаимодействие культур» (1989)³, в выступлении на выставке «1000-летие русской книжности» в Волоколамске (27.02.1991)⁴, в неопубликованных тезисах доклада «Влияние и взаимодействие культур в сохранении Севера России» к конференции «Традиции в контексте русской культуры» (3.05.1991)⁵,

² Подробнее см.: <https://www.pravenc.ru/text/468751.html>. В социальных сетях существуют группы памяти Архимандрита Иннокентия. FB: <https://www.facebook.com/groups/innokentiy>; VK: https://vk.com/innokentiy_prosvirnin.

³ *Иннокентий (Просвирнин), архим.* Троице-Сергиева Лавра и взаимодействие культур // Богословские труды. Вып. 29 (1989). С. 211. В оцифрованном виде документ доступен здесь: http://www.btrudy.ru/resources/BT29/207_Prosvirnin.pdf (дата обращения: 2021.06.11).

⁴ *Иннокентий (Просвирнин), архим.* Лекция на выставке «Русской книжности 1000 лет» (Волоколамск, 27.02.1991) // «Ревнитель православного просвещения» (Док. фильм. Авторы: О. Курочкина, Е. Космочевская, М. Астраханцев; 2015).

⁵ *Иннокентий (Просвирнин), архим.* «Влияние и взаимодействие культур в сохранении Севера России» к конференции «Традиции в контексте русской культуры». НИОР РГБ, ф. 862, к. 14, ед. хр. 8, л. 1–2.

а также, в тексте тезисов к XVIII Международному конгрессу византистов в Москве (8–15.08.1991), к работе над которыми исследователь приложил свою руку⁶.

Примечательно, что архимандриту известно и слово «синергия», но, как следует из рукописного текста тезисов к Череповецко-Великоустюжской конференции 1991 г., хранящегося в ОР РГБ, для него это отнюдь не синонимы, он различает их значение.

Оба термина имеют греческое происхождение и в первом приближении означают «сотрудничество». Слово «синергия» очень популярное, по словам известного византиста С. А. Иванова, в Тезаурусе встречается много сотен раз. Напротив, термин «синергасия» крайне редок и встречается в Тезаурусе всего 12 раз, из них 2 — в поствизантийских текстах.

Обратимся к семантике и этимологии слов. (Выражаем благодарность за консультации знатокам греческого языка, античникам и византинологам А. В. Лебедеву, С. А. Иванову, В. В. Василику, О. Ю. Гончарко и Д. С. Бирюкову.)

Слово «синергия» (греч. *Συνεργία*) можно перевести как «сотрудничество, содействие, помощь, соучастие, сообщничество». Слово происходит от древнегр. *σύν* («вместе») и *ἔργον* («дело, труд, работа, (воз)действие»). Немаловажным компонентом смысла этого слова является усиливающий эффект взаимодействия двух или более факторов. Этот эффект характеризуется тем, что *совместное* действие участвующих факторов существенно превосходит простую сумму действий каждого из них.

В христианском богословии термин «синергия» применяется, когда хотят подчеркнуть, что спасение человека достигается путём сотрудничества между Божественной благодатью и человеческой свободой. Это — совместные усилия человека и Бога, которые «продвигают» человеческую душу к спасению. В соответствии с православным учением, сама жизнь создается в синергизме свободной воли человека и благодати, причём созидательную роль в этом взаимопереходе выполняют обе силы. При этом нового человека создает Бог, а человеческая воля лишь создаёт для этого необходимые условия⁷.

⁶ Радонеж и Византия // Резюме сообщений [текст]: Т. II / XVIII Международный конгресс византистов: Московский Государственный Университет им. М. В. Ломоносова, 8–15 августа 1991 г. М.: Оргкомитет XVIII международного конгресса византистов, 1991. С. 900.

⁷ Ср.: Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною (Откр. 3:20).

Слово «синергасия» (греч. Συν-Εργασία) ныне также переводится как «сотрудничество, кооперация, совместный труд»; в глагольной форме — как «работать вместе и быть рядом с партнерами».

Глаголы «синергео» и «синергазотомай», от которых образованы эти существительные, как отмечает проф. А. В. Лебедев, близки по смыслу (сотрудничество, взаимодействие, работа вместе). Они отличаются только дополнительным суффиксом **-аз-** в «синерга**з**отомай», который имеет итеративное значение, то есть означает повторяющееся действие.

По-видимому, разница между двумя словами преимущественно стилистическая. Слово «синергия» вошло в русский язык, используется в богословии и (мистической) философии, а «синергасия» остаётся прежде всего греческим словом. В античности последнее означало казарму для рабов. По словам С. А. Иванова, в Византии есть только три случая, когда этот термин употребляется в смысле сотрудничества. Такое значение мы находим у Феодора Студита, Фотия и Феодора Ласкаря.

Смысловой нюанс синергасии по сравнению с синергией, видимо, заключается в том, что синергасия мыслилась как *процесс*, а не как результат. Кроме того, как отмечает О. Ю. Гончарко, в отличие от синергии, имеющей более *онтологический* оттенок, синергасия (сюнэргасия) носит более *социальный* характер. И если синергия представляет собой что-то более *внутреннее*, а «сюнэргасия» акцентирует «*внешне-формальное*» отношение, нечто вроде «совместного труда», соучастия в общем деле; в христианстве подобное совместное действие понимается, как правило, как *сотрудничество во славу Божию*⁸.

Кроме работ о. Иннокентия, нам не доводилось встречать термин «синергасия» в русском богословии или гуманитарной науке. Вместе с тем, пока нельзя однозначно сказать, в какой степени это словопонятие является нововведением в отечественное богословие самого архимандрита. (По крайней мере, ряд авторитетных специалистов по русской и древнерусской мысли, в частности, Р. А. Симонов, В. В. Мильков, А. И. Резниченко, Т. В. Резвых, В. В. Аксютин и др. в личных разговорах с автором затруднились атрибутировать использование этого термина кем-либо из крупных отечественных авторов прошлого.)

⁸ Ср.: «Воля Божья да будет. Аще Бог хочет помиловати рода моего и земле русские, да возложит им на сердце обратитися к Богу, яко же и мне Бог дарова» [6, с. 115]. Курсив мой.— Д. С.

Может быть, используя разные слова, архимандрит уже на уровне терминологии стремился как-то различать онтологизм Бого-человеческого взаимодействия «по вертикали» и обыкновенное, «земное» сотрудничество людей, человеческих обществ и культур «по горизонтали»?

Обратимся к самому о. Иннокентию. Во-первых, он использует интересующий нас термин в основном, когда речь заходит о «взаимодействии культур Византии и России», где существовала некоторая преемственность. При этом подразумевается не просто «поверхностное суждение о внутренних исторических процессах», не только взаимовлияние, но, прежде всего «существующее углублённое творческое взаимодействие... исторических явлений»⁹. Во-вторых, уточняется, что наряду с Синергией, Синергасия¹⁰ является одним из ключевых понятий духовной жизни, и имеет место во всех её проявлениях¹¹ — духовной истории, культуре, традиции¹². В лекции на выставке «Русской книжности 1000 лет» (Волоколамск, 27.02.1991 г.) учёный монах выделяет ещё один нюанс — «трансцендирующе-мистический», превосходящий культуру саму по себе. Это «взаимодействие воли человека с волей Божией», проходящее через всю историю¹³. Этимолого-лингвистическое прояснение позволяет предположить, что, по-видимому, здесь акцентируется не результат, а именно процесс, то есть длящийся, продолжающийся во времени аспект этого взаимодействия, творческая духовная активность. Уже не столько «по горизонтали», сколько «вертикальных» духовно-нравственных знаково-символических «интенций» самих культур. Точнее, подчёркивается процесс Бого-человеческого сотрудничества, со-творчества в духовной жизни; этот же аспект в плане истории тематизируется и в книге «Илиотропион»¹⁴, упоминаемой

⁹ Иннокентий (Просвирнин), архим. Троице-Сергиева Лавра и взаимодействие культур. С. 211. Курсив мой. — Д. С.

¹⁰ В рукописных тезисах доклада 1991 г. оба слова написаны с заглавной буквы [4].

¹¹ Иннокентий (Просвирнин), архим. Троице-Сергиева Лавра и взаимодействие культур. С. 211. Курсив мой. — Д. С.

¹² Иннокентий (Просвирнин), архимандрит. Влияние и взаимодействие культур в сохранении Севера России. Л. 1–2. — Курсив везде мой. — Д. С.

¹³ Иннокентий (Просвирнин), архим. Лекция на выставке «Русской книжности 1000 лет».

¹⁴ «Илиотропион» (греч. Ηλιотρόπιον — «подсолнечник») — труд св. Иоанна Тобольского (в миру Иоанна Максимовича Максимовича, 1651–1715), епископа Православной российской церкви, с 1697 года архиепископа Черниговского, с 1711 года митрополита Тобольского и всея Сибири, известного своей миссионерской и богословской деятельностью. Труд, написанный в 1714 году, представляет собой перевод с латинского языка произведения немецкого писателя и проповедника Иереми Дрекслея (1581–1638).

представителем учёного монашества почти сразу же после использования термина.

Крупный специалист по античной философии, знаток греческого языка А. В. Лебедев (кстати, один из участников Афонской научной экспедиции 1983 г. во главе с о. Иннокентием) высказал остроумную догадку, что архимандрит, используя слово «синергасия», вероятно, хотел сказать, что «русское православие не было просто копией греческого, а приносило в него что-то своё. В каком-то смысле это верно для рецепции греческого православия любой национальной культурой».

Действительно, учёный муж много сделал для создания «русской патристики»¹⁵. Разрабатывая курс по истории русской церкви для Московской духовной академии¹⁶, а также собирая материал для обогащения нового издания богослужебных «Миней», куда впервые вошли в том числе тексты о русских святых (т. н. «Зелёные минеи»)¹⁷, архимандрит за 30 лет составил картотеку русских святых¹⁸. Её объём, по разным сведениям, составил от 600¹⁹ до 1000²⁰ и даже 4000²¹ карточек²². Историограф стремился подчеркнуть своеобразие отечественной духовной традиции по отношению к византийскому «источнику». Иными словами, учёный монах уделял пристальное внимание русскому святоотеческому наследию в его своеобразии (но также

¹⁵ *Иннокентий (Просвирнин), архим.* Русская патристика (постановка вопроса) // Православная культура России в грядущем архимандрита Иннокентия (Просвирнина). С. 85–91.

¹⁶ *Сафонов Дм., свящ.* Иннокентий (Просвирнин), Архимандрит: к 25-летию со дня кончины // Сорок сороков. Русская православная церковь. Московская епархия (официальный сайт). В оцифрованном виде документ доступен здесь: <http://moseparh.ru/archimandrit-innokentij-prosvirnin-k-25-letiyu-so-dnya-konchiny.html> (дата обращения: 2021.06.04).

¹⁷ *Медведева Л. П.* Питиримовские Минеи. В оцифрованном виде документ доступен здесь: https://azbyka.ru/otechnik/Pitirim_Nechaev/predannyj-sluzhitel-tserkvi/4 (дата обращения: 2021.05.11).

¹⁸ *Сафонов Д. В., Лисовой Н. Н.* Долг неоплатный : Беседа Д. В. Сафонова с Н. Н. Лисовым, посвящённая памяти доцента МДА архимандрита Иннокентия (Просвирнина) // Богословский вестник, издаваемый МДАиС. 2010. № 11–12. С. 990.

¹⁹ *Алексий (Фролов), еп. Орехово-Зуевский.* Архимандрит Иннокентий Просвирнин — краевед и археограф : Доклад, прочитанный 21 января 1997 г. на «Рождественских чтениях» // Памяти архимандрита Иннокентия. М., Новоспасский монастырь. 1999. С. 18.

²⁰ *Сафонов Дм., свящ.* Иннокентий (Просвирнин), Архимандрит: к 25-летию со дня кончины.

²¹ Предисловие публикатора (к ст. Труды и дни архиепископа Димитрия (Самбикина)). В оцифрованном виде документ доступен здесь: https://azbyka.ru/otechnik/Innokentij_Prosvirnin/trudy-i-dni-arhiepiskopa-dimitrija-sambikina/ (Дата обращения: 2021.05.11)

²² В Отделе рукописей Российской государственной библиотеки существует фонд архимандрита Иннокентия (Просвирнина), среди документов которого есть и рабочая картотека «Русская патристика» (НИОР РГБ, ф. 862, к. 16–30). На текущий момент точное число карточек назвать затруднительно.

определённой преемственности по отношению к византийской традиции).

И в этом смысле в современном гуманитарном мышлении и в философии исторического опыта принято говорить о рецепции. Последняя обязательно включает творческий компонент, порождаемый неким *напряжением* между традицией и современностью, между «текстом» и воспринимающим и толкующим его «реципиентом». Иными словами, рецепция предполагает не только восприятие, но также *развитие* традиции в «действенной истории», или «истории воздействий» (*Wirkungsgeschichte*, Г.-Г. Гадамер)²³, где прошлое продолжает действовать в нас в своего рода «историческом диалоге» (Г. Р. Яусс)²⁴. По-видимому, именно такому пониманию отвечает подход русского архимандрита. Это особенно удивительно, учитывая разность отечественной и западной духовно-интеллектуальной традиции, и тот факт, что в двадцатом веке западноевропейские философско-герменевтические исследования и открытия, по большому счёту, проходили мимо нас.

Отметим ещё одну особенность. По Гадамеру, одному из основателей немецкой школы истории понятий (*Begriffsgeschichte*), значимы не только собственно герменевтические цели. Историческое «высветление» служит также «возобновлению мыслительного напряжения»²⁵ в «большом времени» (в понимании М. М. Бахтина). То есть важно «не цитировать только, но, так сказать, раскавычить текст, *возобновить* мысль... автора, именно её, не в его, а в наше время»²⁶. Возвращаясь к отцу Иннокентию: не намекает ли он на путь «умного делания», значимого не только в музейно-археографическом плане? Как знать...

Близко знавшие архимандрита люди отмечают, что он не был «кабинетным теоретиком». Он изучал и активно впитывал живой духовный опыт русского подвижничества и современного ему старчества. Аскет и нестяжатель, сей человек имел дар Иисусовой молитвы; своей личностью и трудами он благотворно повлиял на многих. В этом

²³ Гадамер Г.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. С. 404–445.

²⁴ Махлин В. Л. Что такое «рецепция» (к истории понятия) // Вестник культурологии. 2016. № 1. С. 208–232. См. особ.: с. 218, 219, 222.

²⁵ Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 36.

²⁶ Махлин В. Л. Большое время: Подступы к мышлению М. М. Бахтина. Siedlce: Uniwersytetu Przyrodniczo-humanistycznego w Siedlcach, 2015. 175 S. — (*Opuscula Slavica siedlcensia*; T. 8). С. 58.

смысле — не является ли подход отца Иннокентия, помимо своей сугубо научно-теоретической и «интеллектуально-теологической» составляющей, также своего рода «миссионерским *призывом*» лично и личностно, на практике, самой жизнью осваивать православно-христианскую традицию Церкви, духовное «наследие отцов» и «положительный опыт, накопленный нашим народом»²⁷, пусть и в современных условиях с их вызовами?

Источники и литература

1. *Алексий (Фролов), еп. Орехово-Зуевский*. Архимандрит Иннокентий Просвирнин — краевед и археограф. Доклад, прочитанный 21 января 1997 г. на «Рождественских чтениях» // Памяти архимандрита Иннокентия. — М., Новоспасский монастырь, 1999.
2. *Гадамер Г.-Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики / пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. — М.: Прогресс, 1988.
3. *Гадамер Г.-Г.* История понятий как философия // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. — М.: Искусство, 1991.
4. *Иннокентий (Просвирнин), архим.* «Влияние и взаимодействие культур в сохранении Севера России» к конференции «Традиции в контексте русской культуры». — НИОР РГБ, ф. 862, к. 14, ед. хр. 8, л. 1–2.
5. *Иннокентий (Просвирнин), архим.* Лекция на выставке «Русской книжности 1000 лет» (Волоколамск, 27.02.1991 г.) // «Ревнитель православного просвещения» (Док. фильм. Авторы: О. Курочкина, Е. Космочевская, М. Астраханцев; 2015).
6. *Иннокентий (Просвирнин), архим.* Равноапостольная великая княгиня Российская Ольга // Он же. Блаженны чистые сердцем: сборник статей / Сост. О. В. Курочкиной. — М.: «ИХТИОС», 2008. — 448 с.
7. *Иннокентий (Просвирнин), архим.* Русская патристика (постановка вопроса) // Православная культура России в трудах архимандрита Иннокентия (Просвирнина). С. 85–91.
8. *Иннокентий (Просвирнин), архим.* Троице-Сергиева Лавра и взаимодействие культур // Богословские труды. Вып. 29 (1989). С. 207–214. В оцифрованном виде документ доступен здесь: http://www.btrudy.ru/resources/BT29/207_Prosvirnin.pdf (дата обращения: 2021.06.11).

²⁷ «Распространять положительный опыт, накопленный нашим поколением»: издательская деятельность русской православной церкви : Беседа с заместителем главного редактора «Журнала Московской Патриархии» архимандритом Иннокентием // Демократический журналист. 1989. Декабрь. С. 12–13. В моём распоряжении имеется подаренная референтом архимандрита О. В. Курочкиной страничка из этой статьи, вырезанная из журнала, где рукой о. Иннокентия в заголовке слово «поколением» зачёркнуто, и сверху надписано: «НАРОДОМ». Это радикально меняет и углубляет смысл названия беседы.

9. *Махлин В. Л.* Большое время: Подступы к мышлению М. М. Бахтина. — Siedlce : Uniw. Przyrodniczo-humanistyczny w Siedlcach, 2015. — 175 S. (Opuscula Slavica sedlcensia; T. 8).
10. *Махлин В. Л.* Что такое «рецепция» (к истории понятия) // Вестник культурологии. 2016. № 1. С. 208–232.
11. *Медведева Л. П.* Питиримовские Минеи. В оцифрованном виде документ доступен здесь: https://azbyka.ru/otechnik/Pitirim_Nechaev/predannyj-sluzhitel-tserkvi/4 (дата обращения: 2021.05.11).
12. «Распространять положительный опыт, накопленный нашим поколением»: издательская деятельность русской православной церкви: Беседа с заместителем главного редактора «Журнала Московской Патриархии» архимандритом Иннокентием // Демократический журналист. 1989. Декабрь. С. 12–13.
13. *Предисловие* публикатора (к ст. Труды и дни архиепископа Димитрия (Самбикина)). В оцифрованном виде документ доступен здесь: https://azbyka.ru/otechnik/Innokentij_Prosvirnin/trudy-i-dni-arhiepiskopa-dimitrija-sambikina/ (дата обращения: 2021.05.11).
14. *Радонеж и Византия* // Резюме сообщений [текст]: Т. II / XVIII Международный конгресс византинистов: Московский Государственный Университет им. М. В. Ломоносова, 8–15 августа 1991 г. — М. : Оргкомитет XVIII международного конгресса византинистов, 1991. С. 630–1298.
15. *Сафонов Д. В., Лисовой Н. Н.* Долг неоплатный: Беседа Д. В. Сафонова с Н. Н. Лисовым, посвящённая памяти доцента МДА архимандрита Иннокентия (Просвирнина) // Богословский вестник, издаваемый МДАиС. 2010. № 11–12. С. 982–1006.
16. *Сафонов Дм., свящ.* Иннокентий (Просвирнин), Архимандрит: к 25-летию со дня кончины // Сорок сороков. Русская православная церковь. Московская епархия (официальный сайт). В оцифрованном виде документ доступен здесь: <http://moseparh.ru/arximandrit-innokentij-prosvirnin-k-25-letiyu-so-dnya-konchiny.html> (дата обращения: 2021.06.04).

Священник Василий Андроников¹

«Расем suam» или «mundi pascere»? Понимание «мира» в люциферианском послании «*Libellus precum*»

Люциферианский раскол в истории древней Церкви IV века создал весьма необычный прецедент в отношении христианской экклезиологии. Люцифер, епископ Калаританский и его последователи признавали действительным только таинство крещения и не признавали таинство хиротонии за кающимися от арианской ереси. В статье приводится один из аргументов, приводимых в защиту данной экклезиологии.

Ключевые слова: Люцифер Калаританский, люцифериане, *Libellus precum*.

Введение. О сущности Люциферианского раскола

Как известно, после Первого Вселенского собора (325 г.) арианская ересь ещё долго не утихала. При сыне Константина Великого Констанции, который придерживался арианствующих взглядов, проходят несколько церковных соборов, имевших целью различными правдами и неправдами отклонить кафолических епископов от никейского исповедания веры. Так, в 355 году на Медиоланском соборе, император Констанций добивается осуждения известного борца православия — Афанасия Александрийского². За отказ осудить святителя Афанасия император принимает решение отправить в ссылку несогласных епископов, среди которых находился и Люцифер, епископ Калаританский (о. Сардиния), один из легатов папы Римского Либерия³.

Впоследствии епископ Люцифер был освобождён и явился виновником как минимум двух церковных расколов: Антиохийского и собственно Люциферианского. Епископ Калаританский крайне нетерпимо относился к арианской ереси, он считал, что ариане ничем не отличаются от язычников⁴, и поэтому приходящих к кафолической Церкви арианствующих епископов следует принимать как мирян.

¹ **Василий Андроников** — священник Русской Православной Старообрядческой Церкви. Адрес для корреспонденции: d.vasilya@yandex.ru.

² *Sozom. Hist. eccl. IV.9; Socrat. Hist. eccl. II.36.*

³ *Hieron. De vir. Illustr. 95; Hilar. Pict. Fr.V. 6.*

⁴ *Hieron. Adv. Lucifer 3.*

Введение к «*Libellus precum*»

По смерти епископа Люцифера Калаританского его сторонники, «ультраникейские» священники Фаустин и Марцеллин, в период с 25 августа 383 г. по 11 декабря 384 г.⁵ пишут письмо к трем императорам: Валентиниану II, Феодосию и Аркадию. Однако, по сути, оно обращено только Феодосию.

Сами священники Фаустин и Марцеллин были поставлены епископом-люциферианином Ефесием в Палестине, в Елевферополе⁶. Эти пресвитеры подверглись притеснениям со стороны местного кафолического епископа и подали жалобу императорам, известную нам как «*Libellus precum*». Цель данного прошения — просить защиты государственной власти от притеснений, которые повсюду терпят наследники Люцифера Калаританского — «люцифериане».

Люциферианское послание «*Libellus precum*» раскрывает экклезиологическую и церковно-политическую позицию сторонников епископа Люцифера.

«*Pacem suam*» или «*mundi pace*»?

Пресвитеры Фаустин и Марцелин весьма недвусмысленно говорят о весьма сомнительном вышеупомянутом экклезиологическом тезисе — невозможности признания хиротонии отторгшихся епископов, хотя и раскаявшихся. Чтобы обосновать своё мнение, Фаустин и Марцелин прибегают к Священному Писанию и приводят разное понимание слова «мир»: «Но хорошо, что Спаситель Сам раскрыл природу Своего мира (*suae pacis*), чтобы мы не позволяли обмануть себя простому слову „мир“ (*ne quis simplici pacis vocabulo caperetur*) и не связывать его с каким-либо нечестием века (*saeculi impietatibus*), когда он сказал: „Мир мой оставляю вам, мир Мой даю вам; не как здесь мир даёт, Я даю вам (*Pacem meam relinquo vobis, pacem meam do vobis; non sicut hic mundus dat, ego do vobis*)⁷“. Он отличал „свой мир“ (*pacem suam*) от „земного мира“ (*mundi pace*). Фактически, если мир, который принял неверных

⁵ *Libellus precum*. Introduction // SC. 504, P. 12.

⁶ Бриллиантов А. И. Лекции по истории древней церкви. СПб., 2007. С. 242.

⁷ В Вульгате несколько по-другому: *Pacem relinquo vobis, pacem meam do vobis; non quomodo mundus dat, ego do vobis. Non turbetur cor vestrum, neque formidet* (Ин. 14:27).

епископов в Церковь (*in Ecclesiam recepit episcopos infideles*), приемлем для Бога, какой смысл терпеть мучения гонений, переносить темницу, идти навстречу мечам и переносить все виды пыток и смерти? Если после отречения (их) от (веры), после того, как они исповедали святотатство неверующих, каждый из тех, кто не был верен вере, из-за этого мира (*propter pacem hanc*), который, по их мнению, *угоден Богу*, надеется каждый на безопасность, как если бы он был непорочен и продолжает сохранять свою епископскую честь (*saluo episcopali honore suscipitur*)?»⁸

Таким образом, авторы послания считают, что те епископы, которые ради сохранения своего положения принимают еретические постановления соборов, таковые имеют мир земной, не Божий. Таковые архиереи не могут сохранять свой сан, поскольку они не имеют мира с Богом.

Так, и в другом месте послания «*Libellus precum*» Фаустин и Марцелин пишут о том, что двигало тех епископов, которые отступили от веры: «Страсть к человеческой славе (*gloriae humanae*), других — к соблазну наживы; отсюда получается, что под нечестивым лицемерием они тайно заключают соглашения, чтобы не потерять ни своё церковное имущество, ни свои почести (*nec possessiones perdant ecclesiae, nec honores*). И в это время, чтобы скрыть свои многочисленные беззакония, обмануть всех, они делают вид, что доказывают их крайнюю доброжелательность духа и говорят, что их объединяет церковное общение с теми, кто имеет мнения, противоположные их, чтобы не допустить исчезновения блага мира в Церкви; как если бы воистину такой мир мог угодить Христу Богу, мир, который в Его Церкви вызывает такое великое отступление (*quae in eius Ecclesiam tantas recepit impietatis*)!»

Немного ниже авторы приводят в подкрепление высказанной выше позиции о «мире» слова пророка Иеремии:

«Мы также читаем у Иеремии, и даже более ясно, что говорится об этом нечестивом и беззаконном мире, как показывает следующий текст: „От самого малого среди них до величайшего все вместе совершили беззаконно. Все, от священника до лжепророка, совершали ложные поступки; и они мечтали сокрушить мой народ, считая их ничем и говоря: Мир, мир! А где мир?“ (*A pusillo eorum usque ad magnum cuncti perpetraverunt iniqua. A sacerdote usque ad pseudopropheta uniuersi operati sunt falsa; et meditabantur obtritioni populi mei pro nihilo*

⁸ *Libellus precum*. 58. // SC. 504, P. 162.

constituents et dicentes „Pax, pax!“ Et ubi est pax)⁹. И мы должны отметить ужасную судьбу, объявленную тогда тем, кто поздравляет себя с этим совершенно суетным миром...

Что мы делаем неправильно, какое нечестие мы делаем, если, сохраняя нашу веру во Христа (si seruantes fidem Christo), мы отвергаем мир такого рода, который описывается как смятение и стыд, и такой суровый конец? Напротив, эти „замечательные миролюбивые люди“¹⁰ ведут беспощадную войну против верных священников (Sed isti egregii pacis amatores fidelibus sacerdotibus bellum exagitant)¹¹.

Святоотеческое понимание «мира»

Для более детального понимания «мира» рассмотрим пунктиром мнение святых отцов, дабы понимать, что кафолическая Церковь понимает под миром.

Так, например, святитель Иоанн Златоуст говорит о Божьем мире в нравственном ключе: так как ученики «приходили в смущение при мысли о скорбях, о борьбе, о Его отшествии», то Христос «опять утешает их, говоря: мир оставляю вам (ст. 27). Как бы так говорит: какой вам будет вред от смятения мира, когда вы будете иметь мир со Мною? Этот мир не такой (как обыкновенно). Внешний мир часто бывает и вреден, и бесплоден, и бесполезен для тех, которые имеют его; а Я даю такой мир, по которому вы будете жить в мире между собою, а это сделает вас особенно сильными»¹².

Святитель Кирилл Александрийский понимает «мир Божий» в богословском ракурсе. Он говорит: «...Христос укрепляет сердце учеников и убеждает их твердо верить, что Он истинно восходит к Небесному Отцу и Богу... Не считайте, говорит, Мое удаление плотское и видимое — ибо Я всегда буду с вами как Бог — равным с удалением святых

⁹ В синодальном переводе: *Ибо от малого до большого, каждый из них предан корысти, и от пророка до священника — все действуют лживо; врачуют раны народа Моего легкомысленно, говоря: «мир! мир!», а мира нет (Иер. 6:13–14).* И в самой Вульгате также мы видим разночтение: *A minore quippe usque ad maiorem, omnes avaritiae student, et a propheta usque ad sacerdotem cuncti faciunt dolum. Et curabunt contritionem filiae populi mei cum ignominia, dicentes: Pax, pax! et non erat pax (Иер. 6:13–14).*

¹⁰ Проявление сарказма.

¹¹ Libellus precum 117–119 // SC. 504, P. 229–231.

¹² Полное собрание творений святого Иоанна Златоуста, архиеп. Константинопольского. СПб., 1908. Т. 8. Ч. 2. С. 501.

пророков. Ведь они, как от земли происшедшие и заплатившие долг своей природе, удалились и подверглись подобающему людям закону (смерти). Я же, будучи Богом по природе, не буду подлежать одинаковой с Моими тварями участи, ожидая срока воскресения. Я живу всегда, будучи Жизнью по природе (Ин. 14:19). И пошлю Ходатая, дам также вам мир Мой (Ин. 14:26–27) и не обману. Но чтобы вы, получив исполнение обетования и будучи просвещены благодатью Святого Духа, убедились в истине Моих слов... <...> Но Я буду раздавать, как обещаю и сообщать и Духа и мир. Разве поэтому не бесспорно, что Я есть жизнь и соцарствую с Отцом?»¹³

Таким образом, мы видим, что такие известные святые отцы как святители Иоанн и Кирилл не толковали «мир земной» в экклезиологическом смысле.

Заключение

Заканчивая статью, хотелось бы отметить следующее. К люциферианскому расколу святые отцы того времени относились весьма неоднозначно. С одной стороны, хиротонии, совершённые Люцифером Калаританским признавались, с другой — сам Люцифер и его последователи существовали, по сути, вне кафолического общения.

Как было сказано выше, епископ Люцифер Калаританский и его последователи избегали общения с кафоликами. Однако, как говорят нам письма св. Василия Великого и труды современных исследователей¹⁴, кафолическая Церковь не одинаково относилась к хиротониям Калаританского архиерея. Так, Римская и Александрийская церкви находились в общении со ставленником Люцифера в Антиохии — епископом Павлином¹⁵. Также и другой святой отец, блаженный Иероним Стридонский, будучи борцом с люциферианским расколом, весьма положительно относится к ставленникам епископа Люцифера (хотя пишет впоследствии свой известный апологетический труд против люцифериан), поскольку принимает рукоположение во пресвитеры

¹³ Кирилл Александрийский, свт. Толкование на Евангелие от Иоанна: Книга X // Богословский вестник. М., 1908, № 9.

¹⁴ Захаров Г. Е. Внешняя коммуникация и богословская традиция Римской Церкви в эпоху арианских споров. М., 2019. С. 147–148.

¹⁵ Basil. Ep. 214. 2.

от епископа Павлина Антиохийского¹⁶. Напротив, Василий Великий поддерживал исключительно св. Мелетия Антиохийского. Также епископ-исповедник Евсевий Верцельский не вступил в Антиохии в общение со ставленником епископа Люцифера.

Как известно, вступление или не вступление в общение между епископами констатирует либо пребывание в ереси / расколе, либо отсутствие хиротонии одного из них. Вероятно, выше приведённая ситуация с разным отношением православных к люциферианской хиротонии рисует нам всю неоднозначность событий, происходящих в эпоху арианских споров.

Таким образом, понимание мира Божьего «*Racet suam*» и мира земного «*mundi rase*» в смысле соотношения разных полюсов бытия — земного и небесного — в целом было одинаковым как у святых отцов, так и у последователей Люцифера Калаританского. Но нигде мы не встречаемся с тем, что, пребывая в земном мире, человек полностью лишается попечения Божия и таинства церковные становятся «яко не бывшими».

Источники и литература

1. Бриллиантов А. И. Лекции по истории древней церкви. — СПб., 2007. — 465 с.
2. Иоанн Златоуст, свт. Полное собрание творений святого Иоанна Златоуста, архиеп. Константинопольского. — СПб., 1908. — Т. 8. Ч. 2.
3. Захаров Г. Е. Внешняя коммуникация и богословская традиция Римской Церкви в эпоху арианских споров. — М.: Изд-во ПСТГУ, 2019. — 320 с.
4. Кирилл Александрийский, свт. Толкование на Евангелие от Иоанна: Книга X // Богословский вестник. М., 1908. № 9.
5. Фокин А. Р. Блаженный Иероним Стридонский. Библиист, экзегет, теолог. — М., 2010. — 223 с.
6. *Basilii Caesariensis (Magnus) Opera Omnia* // PG. 29–32.
7. *Hieronymus Stridonensis De viris illustribus* // PL. 23. Col. 601–719; TU. Bd. 14. H. 1a. S. 1–56; Ceresa-Gastaldo. 1988; CPL, N 616; русский перевод: Творения. 1910. Ч. 5. С. 258–314.
8. *Hieronymus Stridonensis Dialogus contra Luciferianos* // PL. 23. Col. 155–182; CCSL. 79B = SC. 473; CPL, N 608; русский перевод: Творения. 1903. Ч. 4. С. 57–93.
9. *Hilarius Pictaviensis Liber de Synodis seu de fide Orientalium*. PL. 10. Col. 479–546; CPL, N 434.
10. *Libellus precum* // SC. 504.
11. *Salaminus Hermias Sozomenus Historia ecclesiastica* // PG. 67.
12. *Socrates Historia ecclesiastica* // PG. 67. Col. 29–842.

¹⁶ Фокин А. Р. Блаженный Иероним Стридонский. М., 2010. 223 с.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Труды ППДС» публикует научно-исследовательские статьи, доклады, рецензии, обзоры литературы и материалы конференций.

Отправляемая в редакцию статья должна иметь следующую структуру:

имя автора — имя, отчество, фамилия без сокращений (для священнослужителей — сан, имя и фамилия);

сведения об авторе — все учёные степени, основные занимаемые в данный момент должности;

название статьи;

аннотация — 3–4 предложения объёмом примерно 500 знаков, в которых изложены основные идеи и важные аспекты исследования;

ключевые слова — до 10 слов, характеризующих статью, по которым она будет индексироваться в электронных базах данных.

Имя автора, сведения об авторе, название статьи, аннотация и ключевые слова направляются в редакцию на русском и английском языках.

Текст статьи — не должен превышать объёма 40 тысяч знаков (с пробелами); набор текста осуществляется шрифтом Times New Roman, 14-м кеглем с межстрочным интервалом 1,5; сноски оформляются тем же шрифтом и интервалом, но 12-м кеглем;

источники и литература — список использованной литературы, оформленный в алфавитном порядке;

список иллюстраций — приводится в случае необходимости; каждая иллюстрация подписывается, и отдельным списком иллюстрации отправляются в формате jpg.

Материалы и иллюстрации отправляются по электронной почте на адрес **trudy@ppds.ru** (в копию добавить адрес **ppds@ppds.ru**). После получения файла с текстом статьи редакция высылает подтверждение. Рассмотрение материалов занимает около 1 месяца, после чего автору отправляется решение редколлегии.

Статьи, не имеющие указанной структуры, дублирующие, а также материалы, в которых будет обнаружен плагиат, к публикации не принимаются. Авторам, чьи статьи приняты редколлгией для публикации, выплачивается жалование.

**Труды Перервинской православной
духовной семинарии**

Научно-богословский журнал

№ 21/2021

**Издание одобрено к распространению в церковных магазинах
Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви.**

Свидетельство № 171 от 06 октября 2011 г.

Журнал включён в РИНЦ (контракт № 406-12/2011R)

Корректор

Д. А. Дмитриенко

Переводчик

иерей Сергей Заплатников

Вёрстка

А. А. Полещук

**РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
ПЕРЕРВИНСКАЯ ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ**

109383, г. Москва, ул. Шоссейная, д. 82

Тел. +7 (495) 354-15-83

Эл. почта: trudy@ppds.ru, ppds@ppds.ru

Подписано в печать: 13.12.2021 г.

Формат 70х100/16

Объём журнала: 9 п. л.

Тираж: 100 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Буки Веди»

105066, г. Москва, ул. Новорязанская, д. 38, стр. 1, пом. IV

Тел.: (495) 926-63-96, www.bukivedi.com, info@bukivedi.com

ISSN 2220-9530

Многогранная деятельность митрополита Григория (Постникова) имела по-настоящему определяющее значение для развития духовного образования и нравственного просвещения российского общества в первой половине — середине XIX века. Его называют родоначальником православной научной периодики: в 1821 г. по его предложению Санкт-Петербургская духовная академия начала издание первого богословского журнала в России — **«Христианское чтение»**, в 1855 г. его заботами в Казанской духовной академии выходит журнал **«Православный Собеседник»**, а в 1857 г. митрополит Григорий получает от Святейшего Синода разрешение на издание еженедельного журнала **«Духовная беседа»**. Принципиальным новшеством этого журнала стал раздел: «Сведения о начальственных распоряжениях по ведомству православного вероисповедания и вообще о замечательных современных церковных событиях и явлениях». Известен митрополит Григорий и как автор догматических трудов, апологет Православия.

Молитвенно почитая труды и заслуги Преосвященного Григория на духовно-просветительском литературном поприще, необходимо вспомнить и о Перервинской семинарии, положившей начало его воспитанию как будущего архипастыря и церковного учёного.

«Григорьевские чтения», материалы которых представлены в данном сборнике «Трудов ПДС», — это, по сути, попытка продолжения просветительских начинаний владыки Григория в области гуманитарных наук, православной периодики.

*иеромонах Аполлинарий (Тшанин),
ректор Перервинской духовной семинарии*

ПЕРЕРВИНСКАЯ ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ